

ISSN 0042-8779

ДВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

5

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5/2017

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А.В. Зорин** — Официальный визит президента Э. Бенеша в США в 1943 г. 3

ПУБЛИКАЦИИ

- СССР в оценках британской военной миссии в Москве (лето-осень 1945 г.). Публикация документов подготовлена **И.Э. Магадеевым** 16

СООБЩЕНИЯ

- Е.С. Полунин, В.В. Теплухин** — Секретная немецкая летная школа и испытательный центр в Липецке в 1925—1933 гг. 39

- Н.И. Горская** — Волостные суды конца XIX — начала XX в. (по материалам Сычевского уезда Смоленской губернии) 59

- А.С. Ищенко** — Византийское наследие Владимира Мономаха 74

- А.Г. Кондратьев** — Кагуляры во Франции в 1930-х — 1940-х гг. 91

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- В.С. Измозик** — И.Ф. Манасевич-Мануйлов: конец биографии 104
- Р.Ю. Почекаев** — Султан Садык в борьбе среднеазиатских ханств против Российской империи 111

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А.В. Рычков** — Случай политического протеста в сибирском НИИ в 1957 г. 123
- В.А. Маратканов** — Кузница кадров оружейных мастеров 128
- И.М. Супоницкая** — Предатели и жертвы в эпоху макинизма 135

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- О.В. Терёшина** — Экзархат Русской православной церкви в США во время второй мировой войны 147

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.Ю. Комарков** — Военно-морской ленд-лиз и союзнические поставки флоту в 1941—1945 гг. в отечественной историографии 160
- В.В. Михайлов** — В.И. Голдин. Генералов похищали в Париже. Русское военное зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века 171
- А.А. Кононенко** — Х. Иммонен. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873—1952); А.И. Аврус, А.А. Голосеева, А.П. Новиков. Виктор Чернов: судьба русского социалиста 173

Официальный визит президента Э. Бенеша в США в 1943 г.

А.В. Зорин

Аннотация. Статья посвящена одному из эпизодов межсоюзнических отношений на переломном этапе второй мировой войны — визиту чехословацкого президента в изгнании Э. Бенеша в США в мае-июне 1943 г. и его роли в укреплении сотрудничества с СССР. Автор анализирует содержание переговоров Бенеша с американским руководством, выделяет роль и место советского фактора, обсуждавшиеся сторонами вопросы и проблемы, прогнозы и планы последующего сотрудничества с Москвой.

Ключевые слова: Чехословакия, Ф.Д. Рузвельт, вторая мировая война, советско-американские отношения.

Abstract. The article is devoted to the episode of the United Nations relations at a critical stage of the World War II — Czechoslovak president-in-exile E. Beneš visit to the US in May-June 1943, his role in strengthening cooperation with the USSR. The author analyzes the Soviet factor in Benesh talks and negotiations with the US officials, the main questions and issues, forecasts and plans for further cooperation with Moscow.

Key words: Czechoslovakia, F.D. Roosevelt, World War II, Soviet-American relations.

В 1941 г. характер второй мировой войны изменился. После нападения Германии и Японии на СССР и США началось формирование широкого военно-политического альянса Объединенных наций, во главе которого встали Москва, Вашингтон и Лондон. Антигитлеровская коалиция в итоге сумела одержать победу в глобальном конфликте, но на пути к ней союзникам пришлось справиться с множеством трудностей, таких как преодоление инерции взаимного недоверия и налаживание прочного взаимодействия. Члены коалиции существенно отличались друг от друга. Советский Союз долгое время находился в изоляции и крайне негативно воспринимался на Западе вплоть до 22 июня 1941 года. Но часть политических лидеров понимала необходимость развития отношений с Москвой. Одним из самых активных сторонников сближения с СССР

Зорин Артём Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Вятского государственного университета. E-mail: arzor@list.ru.

Zorin Artem V. — candidate of historical sciences, senior researcher of the Vyatka State University. E-mail: arzor@list.ru.

можно считать президента Чехословацкой республики (ЧСР) в изгнании Э. Бенеша.

ЧСР стала одной из первых жертв немецкой агрессии. В 1938—1939 гг. она была фактически разделена между Германией, Венгрией и Польшей: часть ее территорий была аннексирована, чешские земли вошли в состав рейха на правах протектората, а Словакия была выделена в зависимое от Берлина государство. Бенеш, подавший в отставку и оказавшийся в эмиграции, организовал в Лондоне чехословацкое правительство в изгнании (ЧСП), признанное в 1940 г. британскими и французскими властями, а в 1941 г. установившее официальные отношения с СССР и США (связи с Москвой были прерваны после подписания Пакта Молотова-Риббентропа, а американское правительство сохраняло отношения лишь с оставшимся на своем посту посланником ЧСР в Вашингтоне). В том же году был подписан договор ЧСП о военно-политическом сотрудничестве с СССР и создании на его территории чехословацких вооруженных сил.

Будучи опытным политиком и дипломатом, Бенеш (который в 1918—1935 гг. руководил чехословацким МИДом и находился в центре европейской политики) заранее начал разрабатывать программу восстановления своей республики и обеспечения ее будущей безопасности. Он был убежден, что мир претерпит значительные перемены, в том числе связанные с изменением соотношения сил на европейском континенте. В случае разгрома Германии неизбежным было усиление СССР и ослабление западных держав — Франции и Великобритании, а также центрально-европейских государств. В этих условиях Бенеш считал необходимым заранее наладить отношения с ведущими державами, чтобы обеспечить чехословацкие интересы.

Прежде всего, были установлены контакты с британскими властями, предоставившими убежище политическим эмигрантам из Чехословакии, но главное внимание Бенеша было привлечено к СССР. Сближение с Москвой было обусловлено несколькими обстоятельствами. Во-первых, Советский Союз был единственной европейской великой державой, не причастной к разделу ЧСР. Более того, в 1935 г. Прага и Москва заключили договор о взаимопомощи. Хотя он не был реализован, в период Судетского кризиса советское правительство уверяло чехословацкие власти в готовности исполнить союзнические обязательства (но вмешательство СССР было обусловлено непременным выступлением Франции в защиту ЧСР). Во-вторых, в 1939 г. после присоединения Восточной Польши СССР получил границу с бывшими чехословацкими территориями. В случае победы в войне и сохранения этих приобретений Советский Союз превращался в соседа Чехословакии, что автоматически вело к усилению его влияния. В-третьих, ход войны подсказывал, что освобождение от немецкой оккупации должно было прийти именно с Востока, а СССР — стать главным противовесом Германии в Европе. Но поскольку освобождение могло привести к усилению поддерживаемых Москвой коммунистических сил, Бенеш считал необходимым заранее договориться с советскими руководителями об условиях послевоенных отношений на взаимовыгодной основе. С одной стороны, сотрудничество с Советским Союзом должно было послужить ЧСР дополнительной гарантией безопасности от немецкой угрозы, а с другой — дружествен-

ная позиция Чехословакии призвана была обеспечить безопасность западных границ СССР и предотвратить вмешательство Москвы во внутренние дела республики.

Однако Бенеш видел свою родину в рамках демократического строя, и близкие отношения с СССР требовали компенсации советского влияния. В полной мере ее более не могли обеспечить прежние союзники — Франция и Великобритания. Поэтому большие надежды в этом отношении возлагались на США. Несмотря на отдаленность, это государство имело свои связи с ЧСР: Вашингтон был причастен к созданию Чехословакии после первой мировой войны; в Америке проживали многочисленные эмигрантские общины чехов, словаков и русинов; наконец, Соединенные Штаты выступали в поддержку демократических режимов и новых принципов международных отношений. Поэтому, по мере укрепления своих позиций, Бенеш начал активно искать возможности посещения СССР и США для проведения личных переговоров с их лидерами. Провалы немецких планов на Восточном фронте, успехи союзников в Африке и на Тихом океане заставляли активизировать эту деятельность. Чехословацкий президент не хотел возвращения ситуации 1919 г., когда великие державы сами решали судьбу малых стран, и стремился получить одобрение по принципиальным вопросам от лидеров коалиции перед началом их переговоров о послевоенном устройстве.

Вопрос о посещении Бенешем Москвы стал подниматься еще в 1941 году. Но в практическую плоскость он перешел после заключения советско-британского договора о взаимопомощи в мае 1942 г. (политика ЧСП во многом зависела от позиции британских властей). Из-за ряда политических проблем (одной из главных было ухудшение советско-польских отношений) и негативного отношения Москвы к поддерживаемому ЧСП проекту создания Чехословацко-польской конфедерации, сроки возможного визита долгое время не удавалось согласовать. В итоге, в конце 1942 г. чехословацкой стороной была выдвинута инициатива связать визит Бенеша в Москву с заключением общего договора о взаимопомощи с советским правительством, аналогичного англо-советскому. Третьим участником переговоров могла стать Польша, что снимало бы имевшиеся разногласия ¹. В начале 1943 г. идея договора с СССР была изложена советскому послу при ЧСП в Лондоне А.Е. Богомолу, который предложил представить проект соглашения ².

Бенеш уделял пристальное внимание позиции правительства США. Долгое время его визиту в эту страну препятствовало сдержанное отношение госдепартамента к ЧСП. 30 июля 1941 г. Вашингтон признал его в качестве временного правительства, но не желал обсуждать с чехами вопросы послевоенного устройства ³. В конце октября 1942 г. американцы согласились на полное признание ЧСП, что открыло дорогу для визита Бенеша в Соединенные Штаты ⁴. Одним из аргументов, с помощью которого Бенеш пытался получить приглашение от американских властей, были заявления о его скором визите в Москву и необходимости согласовать свою позицию с Рузвельтом ⁵. В конце 1942 г. желание чехословацкого лидера совпало с планами президента США и его ближайшего окружения.

Несмотря на установление союзнических отношений, в американских политических и общественных кругах сохранялось настороженное отношение к политике И. Сталина. Подписание советско-английского договора несколько улучшило ситуацию, но США отказались присоединиться к этому соглашению. В тот период с критикой действий Москвы выступали некоторые американские дипломаты. В начале 1943 г. первый посол США в СССР У. Буллит в докладе Рузвельту предостерегал президента США от чрезмерного доверия Сталину. Негативно воспринимал политику СССР и действовавший американский посол в Советском Союзе У. Стэндли⁶. Ближайший сподвижник Бенеша в США Я. Папанек упоминал в начале 1943 г. о сохранении в Америке опасений по поводу Москвы, преобладании в госдепартаменте консервативных деятелей, стремящихся к созданию в Центральной Европе барьера против СССР. В другом послании он отмечал, что в США сохранялся сильный страх перед Советским Союзом⁷.

В этих условиях президент Рузвельт и его окружение, понимавшие важность советского вклада в войну, предпринимали попытки налаживания более тесного взаимодействия с Москвой в надежде на постепенную демократизацию советского режима. Для устранения имевшихся разногласий Рузвельт пытался выйти на прямой диалог со Сталиным — в мае 1943 г. он направил в СССР своего личного представителя Д. Дэвиса⁸. Бенеш оказался тем человеком, который мог пригодиться Рузвельту для реализации его планов. Намерение посетить после Вашингтона Москву позволяло использовать его в качестве дополнительного посредника в переговорах с советским лидером, способного подкрепить усилия американских дипломатов. Как позже отмечал в своих воспоминаниях один из членов ЧСП Л. Файерабенд, Бенеш был отличным инструментом в руках Рузвельта для пропаганды его просоветской позиции, поскольку был готов публично, безоговорочно и решительно отстаивать свою уверенность в Советском Союзе⁹ (чего не могли себе позволить американские политики).

Между тем, отношение к Бенешу в Соединенных Штатах было неоднозначным. С одной стороны, Чехословакия имела образ жертвы гитлеровской агрессии, а Бенеш был известен своими демократическими взглядами, которые он лично пропагандировал во время визита в Америку в 1939 г. (после отставки он несколько месяцев работал профессором Чикагского университета). С другой стороны, близкие отношения с Москвой встречали отторжение со стороны некоторых консервативных представителей американских политических и дипломатических кругов, а также членов национальных общин (словацкой, польской, венгерской, прибалтийских). Активизация советско-чехословацких контактов делала Бенеша в глазах его противников проводником советских интересов. Так, Буллит в докладе Рузвельту прямо обвинял Бенеша в заключении сделки с Москвой, фактически называя его советским агентом¹⁰.

Даже в разговорах с американскими дипломатами в Лондоне Бенеш вынужден был опровергать эти обвинения. В беседе с американским посланником при ЧСП Э. Дрексель-Биддлом в сентябре 1942 г. чехословацкий президент заявлял о стремлении к налаживанию дружественных отношений с СССР, подчеркивая, что ни при каких обстоятельствах он не намерен «быть его рабом», а также о желании

ориентироваться на три страны — Великобританию, США и СССР. Опасность коммунизации Чехословакии Бенеш считал ничтожной, поскольку ее социально-политическая система была лучше советской, и для народа коммунизм был бы «шагом назад»¹¹. С точки зрения самого Бенеша, визит в США и поддержка американских властей могли укрепить его авторитет в эмигрантском движении и на международной арене, усилить позиции на переговорах в Москве, а также, как замечал его личный секретарь Э. Таборский, опровергнуть обвинения в просоветских наклонностях¹².

В итоге, осенью 1942 г. госдепартамент согласился на приезд чехословацкой делегации. В декабре подписанное Рузвельтом приглашение было передано Бенешу¹³. В нем не был определен срок визита, и чехословацкий президент решил совершить поездку как можно скорее, чтобы немедленно после этого отправиться в Москву. Ближайшей приемлемой датой оказалось 12 мая¹⁴. А 23 апреля 1943 г. через посла Богомолова чехословацкому президенту было передано сообщение советского правительства о готовности подписать с ЧСП договор о взаимопомощи на принципах советско-британского соглашения с перспективой его расширения на Польшу. Правда, Богомолов просил не торопиться и все тщательно обсудить¹⁵. Произшедший в то же время разрыв отношений Москвы с польским эмигрантским правительством после обнаружения захоронений в Катыни вновь усложнил ситуацию. В итоге, к началу визита в США дата поездки Бенеша в Москву так и не была определена.

Программа переговоров Бенеша с американскими властями, прежде всего, касалась обеспечения интересов послевоенной Чехословакии, но напрямую затрагивала и отношения с Советским Союзом. Во-первых, Бенеш стремился добиться поддержки в вопросе о возвращении всех отторгнутых от ЧСР территорий (на что он уже получил согласие Москвы). Во-вторых, чехословацкий лидер хотел объяснить свою политику в отношении СССР, убедить американцев в необходимости более тесного сближения с Москвой и расширения американско-советского сотрудничества. В-третьих, Бенеш стремился доказать руководству США необходимость усилить степень участия Вашингтона в европейских делах для восстановления и поддержания стабильности в Европе. Помимо этого, чехословацкий лидер планировал решить и ряд других задач: убедить Рузвельта поддержать французский национальный комитет для скорейшего восстановления Франции как элемента баланса сил в Европе, попросить о посредничестве в отношениях с Ватиканом, хотел укрепить свои позиции в рядах американских соотечественников¹⁶.

В госдепартаменте среди целей Бенеша выделяли три основных пункта: стремление «прояснить юридическое положение» ЧСП с особым акцентом на денонсацию «Мюнхена»; раскрыть отношение СССР к послевоенной Чехословакии (и опровергнуть обвинения в обслуживании интересов Москвы); просить поддержки президента в установлении отношений ЧСП с Ватиканом¹⁷. В биографической справке о Бенеше, подготовленной в госдепартаменте, чехословацкий президент среди прочего характеризовался как сторонник коллективной безопасности и развития дружественных отношений с Россией¹⁸.

Визит в Америку проходил с 8 мая по 9 июня (официальная часть — 12—14 мая). Во время своего пребывания в Вашингтоне Бенеш трижды встречался с Рузвельтом (один раз в присутствии У. Черчилля), провел переговоры с его ближайшим советником Г. Гопкинсом, вице-президентом Г. Уоллесом, руководителями госдепартамента, членами правительства, сенаторами и конгрессменами, иностранными дипломатами (включая советского поверенного в делах А.А. Громыко), представителями СМИ, экспертами в области международных отношений. Кроме того, он посетил Нью-Йорк, Детройт и главный центр чешской эмиграции — Чикаго¹⁹. С 3 по 6 июня Бенеш находился с официальным визитом в Канаде²⁰.

Важнейшей частью посещения США были переговоры с американскими государственными и политическими деятелями. На них неизменно поднималась тема отношений с СССР. Можно сказать, что Бенеш рассматривался своими американскими собеседниками в первую очередь как эксперт по международным отношениям и политике Советского Союза. Во время первой беседы с Рузвельтом в Белом доме 12 мая (содержание которой известно только по посланиям и воспоминаниям самого Бенеша и дневнику Таборского) президента США, прежде всего, интересовало мнение Бенеша о планах и политике Сталина. Файерабенд в воспоминаниях приводит интересную запись своей беседы с чешским журналистом И. Гербеном, который передал ему содержание состоявшегося в 1945 г. разговора с Бенешем. Согласно этому пересказу, Рузвельт во время беседы задал ключевой вопрос: после завершения войны и поражения Германии не будет ли Советский Союз истощен настолько, что не сможет оказать сопротивление, если союзники решат двинуть свои войска в направлении Москвы, чтобы победить не только Гитлера, но и Сталина? Бенеш пытался убедить собеседника в нереалистичности этой идеи (как показалось Гербену, в 1945 г. он сообщал об этих усилиях с сожалением)²¹.

Касаясь основных вопросов, Рузвельт выделил ряд проблем, вызывавших его обеспокоенность: ухудшение советско-польских отношений из-за границ и катынского дела; судьба прибалтийских государств; перспективы распространения советского влияния в Европе. По первому пункту президенты согласились, что за катынским преступлением стояла Германия, а предлагавшиеся Москвой границы Польши были вполне приемлемы. Бенеш возложил ответственность за ухудшение отношений с Москвой на польское правительство. Рузвельт в ответ заметил, что США не собирались воевать с СССР из-за Польши, но мнения миллионов американских поляков были важны для него в свете предстоявших выборов. В отношении прибалтийских государств президент США сообщил, что не возражал бы против их включения в состав СССР, но не мог выразить публичного одобрения из-за негативного настроения общественного мнения. Он не хотел, чтобы этот вопрос осложнял советско-американские отношения и, по словам Бенеша, просил довести эту информацию до Сталина. Обсуждая планы Москвы, Рузвельт поинтересовался, можно ли верить в благие намерения Советского Союза, на что получил утвердительный ответ.

Бенеш объяснял свою позицию следующим образом. Он считал главными источниками враждебной политики СССР сложившееся

после революции недоверие к советскому правительству и попытки его изоляции со стороны западных держав. Поскольку влияние Советского Союза в послевоенной Европе должно было значительно возрасти, чехословацкий президент предлагал программу устранения советской угрозы через развитие близких отношений с Москвой. Он считал необходимым принять СССР в качестве равноправного партнера при решении важных мировых проблем, что должно было способствовать преодолению взаимного недоверия. Бенеш сообщал, что он уже предпринял некоторые шаги в этом направлении, получив заверения Москвы в уважении суверенитета и территориальной целостности Чехословакии, невмешательстве в ее внутренние дела. Чтобы закрепить это соглашение, Бенеш намеревался вскоре посетить Москву и заключить договор с СССР, к которому позже могла присоединиться и Польша. Чехословацкий президент заметил, что Соединенным Штатам также следовало заключить долгосрочный договор с СССР. По всей видимости, Бенеш, как политик европейского масштаба, видел эти соглашения в качестве общей системы договоров, которые должны были укрепить взаимное доверие, продемонстрировать дружественные намерения и заложить основу новой системы взаимоотношений между союзными державами после войны. Как писал Бенеш в своем сообщении ЧСП в Лондон, Рузвельт заявил о необходимости верить России и сотрудничать с ней, а также о своем желании лично встретиться со Сталиным ²².

На следующий день в присутствии Черчилля, который прибыл в США накануне для участия в Вашингтонской конференции, обсуждались в основном вопросы послевоенного устройства Европы и будущего Германии. По словам Таборского, чехословацкий лидер избегал высказываться по данным проблемам подробно, поскольку не знал позиции Советского Союза ²³. Он кратко изложил свою программу: суд над немецкими военными преступниками, организация глубокого переобучения немецкого народа, децентрализация государства, изменение социальной структуры общества, демократизация Германии ²⁴.

На переговорах с госсекретарем К. Хэллом, его заместителем С. Уэллесом и помощником Рузвельта Г. Гопкинсом главной темой также являлся СССР. Заместитель госсекретаря согласился с необходимостью развития американско-советского сотрудничества и выразил понимание политики Чехословакии в отношении Советского Союза и Польши. Он заявил, что США не намеревались предпринимать каких-либо односторонних действий в Центральной Европе и способствовать созданию политических объединений, неприемлемых для Чехословакии и СССР ²⁵. Гопкинс подтвердил Бенешу предшествующие заявления Рузвельта ²⁶. Беседа с Хэллом была более содержательной. Госсекретарь высказал убеждение в необходимости развивать более тесное сотрудничество со Сталиным, чтобы ослабить его отчужденность, скрытность и подозрительность, способствовать большему вовлечению СССР в международное сотрудничество и «мировую семью наций на принципах, проповедуемых США и Великобританией». Бенеш отметил в своем сообщении о встрече, что американцы хотели добиться того, чтобы Россия не вмешивалась во внутренние дела европейских стран и не распространяла в них коммунизм. Хэлл считал

важным условием налаживания дружественных отношений с Москвой окончательный запрет деятельности Коминтерна и просил Бенеша изложить эту точку зрения в Москве. Чехословацкий президент согласился и заметил, что сам ранее в переговорах с советскими дипломатами настаивал на необходимости роспуска Коминтерна. Согласно заметкам госсекретаря, Бенеш полагал, что Москва намеревалась покончить с этой организацией сразу после войны, но Хэлл заявил о необходимости сделать это сейчас.

Второй важной темой, поднятой Бенешем, была необходимость отмены Мюнхенского соглашения и восстановления границ ЧСР. Чехословацкий президент упомянул о поддержке этого курса Москвой. Хэлл ответил, что США никогда не признавали Мюнхен, и поэтому все его последствия не имели законной силы ²⁷. Это вполне удовлетворило чехословацкого лидера.

На состоявшейся вскоре встрече с советским поверенным в делах Громько Бенеш рассказал о проведенных переговорах ²⁸. Тогда же он мог получить и разъяснения относительно некоторых аспектов советской политики. Вскоре, 22 мая, было опубликовано официальное сообщение в «Правде» о роспуске Коминтерна. Вряд ли Бенеш сыграл серьезную роль в принятии этого решения, но он дал понять руководству госдепартамента, что пытался на него повлиять.

На второй встрече Бенеша с Уэллесом 30 мая вновь поднимались вопросы послевоенного устройства и отношений с Москвой. Заместитель госсекретаря заметил, что в США хорошо восприняли своевременный роспуск Коминтерна ²⁹, что улучшило перспективы заключения американско-советского договора. Это не могло не обнадежить Бенеша, пытавшегося склонить американцев к данному шагу для подкрепления его планов. Возможно, в связи с этим, Бенеш заметил в своем сообщении в Лондон, что Уэллес одобрил заключение чехословацко-советского договора. Более того, чехословацкий президент подчеркнул, что такое соглашение можно будет рассматривать, с одной стороны, в качестве первого шага на пути урегулирования Советским Союзом отношений с соседними странами и доказательства уважения Москвой их независимости, а с другой, — в качестве свидетельства стремления самих чехов проводить «европейскую, а не исключительно восточную или западную политику» ³⁰. Уэллес также сообщил, что Рузвельт хотел переговорить с Бенешем еще раз. Это решение было принято после завершения миссии Дэвиса и получения послания от Сталина, в котором тот сообщал президенту США о готовности встретиться с ним в ближайшие месяцы ³¹. Вероятно, Рузвельт хотел воспользоваться скорым визитом Бенеша в Москву для подкрепления этого решения и еще раз посоветоваться относительно планов Сталина.

31 мая состоялась обстоятельная беседа чехословацкого президента с помощником госсекретаря А. Берлом (третьим по степени влияния лицом в госдепартаменте). Обсуждая европейские проблемы, Берл выразил согласие с программой переговоров Бенеша в Москве и заявил о нежелании США принуждать ЧСП к вступлению в какую-либо «центрально-европейскую комбинацию». В меморандуме американского дипломата о встрече подробно описывались взгляды Бенеша на программу послевоенной политики ЧСР и ее отноше-

ния с СССР. Берл привел заверения чехословацкого президента, что «Чехословакия, будучи славянской, является западной по культуре» и никогда не сможет принять коммунизм или «попытки коммунистического правительства объединить ее с Россией»; она может служить делу поддержания дружественных отношений и сотрудничества с СССР, ориентируясь при этом на Запад. Бенеш выделил три главных элемента чехословацкой политики: стремление не быть зажатой между враждующими державами; моральную и идеологическую приверженность демократии (Бенеш утверждал, что ЧСР не сможет найти общую почву с недемократическими державами); налаживание экономических отношений с государствами Центральной Европы. Он считал, что Россия будет заинтересована в этом регионе и на какое-то время получит в нем доминирование, но это не приведет к установлению просоветских правительств³². 31 мая Бенеш направил в Лондон телеграмму, в которой просил ЧСП отложить отправку в Москву предложений об условиях договора, чтобы более тщательно продумать формулировки и посоветоваться с Рузвельтом³³.

Дополнением к официальным беседам были публичные выступления Бенеша, имевшие более общий характер и апеллировавшие к чувствам американцев. Их началом было выступление чехословацкого лидера с речью в Конгрессе США. В ней главным образом акцентировалось внимание на приверженности чехов демократии, близости к Соединенным Штатам, а СССР не упоминался. Зато советская тематика оказывалась одной из главных на пресс-конференциях, встречах с журналистами и экспертами, на приемах и торжественных мероприятиях. На первой пресс-конференции в Вашингтоне Бенеш говорил о необходимости сотрудничества с Москвой для устранения недоверия Советского Союза к западному миру. Но на вопрос, намерен ли он выступить посредником между Польшей и СССР, президент отвечал отрицательно. Разъясняя свое отношение к России, Бенеш упоминал и о советских гарантиях невмешательства во внутренние дела Чехословакии. На обеде в национальном Пресс-клубе 18 мая ему задавали вопросы об опасности распространения коммунизма, о готовности СССР выступить против Японии³⁴. 30 мая во время транслировавшейся по радио беседы на круглом столе в Вашингтоне Бенеш заметил, что СССР обязан играть важную и законную роль в послевоенном урегулировании, подчеркнув, что до войны Россия делала все возможное для сотрудничества в системе коллективной безопасности, а Мюнхенское соглашение было направлено против Москвы. «Не верю, что СССР снова будет изолирован, — говорил Бенеш. — Англо-советский пакт проложил дорогу будущему сотрудничеству Западной Европы и СССР. Это пойдет на пользу всем европейским странам и всему миру»³⁵.

Помимо этого Бенеш выступал на многочисленных мероприятиях, участниками которых были члены американских общественно-политических, финансово-экономических кругов, эксперты в области международных отношений, члены национальных общин. Чехословацкий президент пытался использовать эти встречи для представления программы своей внешней политики и взглядов на послевоенное мироустройство, привлечения общественного мнения и укрепления позиций в рядах соотечественников.

Суммируя некоторые высказывания Бенеша, можно отметить следующие тезисы. Чехословацкий лидер указывал на необходимость разработки предварительной программы мирного урегулирования до окончания войны, чтобы не допустить повторения ошибок 1919 года. Важными условиями послевоенных отношений он считал продолжение сотрудничества США, Великобритании и СССР, активное участие Москвы и Вашингтона в международных делах. Бенеш призывал к созданию новой системы безопасности в Европе, основанной на балансе сил между великими державами и региональными объединениями малых государств. Он подчеркивал, что любое такое объединение должно строиться на взаимодействии с великими державами и создаваться при их поддержке (включая СССР). Поднимая тему будущих отношений с Советским Союзом, чехословацкий президент называл перспективы его изоляции и создания нового санитарного кордона «несостоятельной, реакционной и непрактичной» идеей. Он считал, что СССР должен играть «полноценную и законную роль» в послевоенном урегулировании для установления равновесия в Европе. Отношения с Москвой должны были основываться на дружественном сотрудничестве и взаимном доверии. Обеспечение общей безопасности без четкого взаимопонимания с Советским Союзом Бенеш считал нереальным и невыполнимым. Свое сближение с Москвой чехословацкий лидер объяснял стремлением «подготовить почву для эволюции советской политики в сторону мировой демократии и сотрудничества с демократическими странами», а также естественной необходимостью: географической близостью и более активным вовлечением СССР в международные отношения. Стараясь развеять опасения в возможной зависимости от Москвы, он заявлял, что после войны ЧСР вернется на демократический путь развития ³⁶.

Завершала визит Бенеша итоговая встреча с Рузвельтом 7 июня 1943 года. На ней президент США отметил, что был удовлетворен итогами миссии Дэвиса в Москву и наметившимся сближением с СССР, что отношения развивались в правильном направлении, а роспуск Коминтерна был принят «в духе доброй воли». По словам Бенеша, Рузвельт еще раз просил сообщить Сталину о своей согласии не препятствовать аннексии прибалтийских государств, но отметил, что для этого было необходимо найти приемлемую для общественного мнения «форму и процедуру». В вопросе о Польше Рузвельт поддержал изменение ее границ на основе линии Керзона с включением Восточной Пруссии, а также выразил поддержку главе польского правительства В. Сикорскому. Бенеш еще раз подчеркнул наличие договоренности с Москвой о характере будущих отношений и намерение заключить соглашение во время следующей поездки в Россию. Рузвельт выразил свое согласие ³⁷. На этом программа визита была завершена, и 9 июня чехословацкая делегация вылетела в Лондон.

Для чехословацкого лидера и его сторонников итоги посещения США были обнадеживающими. Таборский отмечал в своих воспоминаниях, что Бенеш вернулся из Америки в приподнятом настроении, считая свою поездку «еще более успешной, чем он надеялся». Он полагал, что Рузвельт и его сотрудники, а также большая часть американской общественности поняли и приняли необходимость сотрудничества с Советским Союзом. Но секретарь президента с сожалени-

ем отмечал, что наибольшую выгоду от его визита получил СССР, поскольку в своих выступлениях Бенеш давал понять, что Центральная Европа по своему географическому положению отныне являлась сферой советского влияния³⁸. Файерабенд (который находился в США одновременно с Бенешем, но отдельно от его делегации) считал миссию лишь частично успешной, упрекая чехословацкого президента в чрезмерном внимании к советским интересам в ущерб чехословацким проблемам³⁹. Оба замечания можно считать справедливыми, но они были высказаны уже после установления коммунистического контроля над ЧСР и эмиграции обоих авторов в США. В 1943 г. такое поведение Бенеша было вполне оправдано и определялось кругом интересов американского руководства. По сути, Бенеш говорил своим американским собеседникам то, что те хотели от него услышать.

24 июня чехословацкий президент подвел итоги своего визита в радиообращении. Среди прочего, он заметил, что официальные представители Соединенных Штатов считали сотрудничество с Советским Союзом одним из главных звеньев своей военной политики, условием установления и поддержания прочного мира. Его продолжение во время и после войны теперь можно было рассматривать «абсолютно несомненным и прочным». Он указывал, что считал для себя большой честью сотрудничать в этом развитии. Бенеш решительно отвергал подозрение, что СССР намеревался включить Чехословакию в свой состав, и называл ее свободным и независимым государством, «другом всех демократических, свободолюбивых» стран⁴⁰. Все это должно было понравиться советскому руководству.

Но вскоре в госдепартаменте некоторые заявления Бенеша были поставлены под сомнение. Еще 2 июня он получил из Лондона сообщение о том, что британское правительство высказалось против подписания советско-чехословацкого договора⁴¹. Из-за этого поездку в Москву вновь пришлось отложить. 16 июля Бенеш уведомил об этом американского посла в Великобритании Д. Вайнанта, объяснив действия Лондона англо-советскими разногласиями (британцы обосновывали свою позицию стремлением поддержать польское правительство)⁴². Стремясь повлиять на Форин Оффис, чехи заявили, что американское руководство поддержало планы ЧСП. Британский министр иностранных дел Э. Иден попытался выяснить у Уэллеса, действительно ли американские власти одобрили готовившийся советско-чехословацкий договор. Уэллес ответил, что Бенеш во время бесед с ним не упоминал о желании подписать соглашение с Советским Союзом, но говорил о стремлении достичь понимания со Сталиным относительно положения Чехословакии и Восточной Европы в послевоенный период. Сотрудники госдепартаamenta провели исследование заметок госсекретаря, Уэллеса и Берла о беседах с Бенешем, не найдя ссылок «на какое бы то ни было предложение о соглашении между советским и чехословацким правительствами», отметив, что не имелось никаких причин предполагать благоприятное отношение госсекретаря или Уэллеса к подобному проекту⁴³.

Таборский, пытавшийся разобраться в этой ситуации, старался доказать правоту Бенеша. Он указывал, что обсуждение договора подтверждалось многочисленными упоминаниями со стороны чехословацкого президента (соответствующие заметки есть и в его собствен-

ном дневнике) ⁴⁴. Но, если судить по имеющимся документам, Бенеш поднимал этот вопрос в разговорах с Рузвельтом, запись которых с американской стороны отсутствует. В госдепартаменте политика в отношении СССР обсуждалась в общих чертах, и Бенеш был убежден, что руководители ведомства были осведомлены о содержании его бесед с президентом и не возражали против подписания соглашения. Американский историк К. Клементс полагает, что руководство госдепартаamenta проводило двойственную политику в отношении ЧСП из-за наличия внутренних разногласий: некоторые испытывали страх перед экспансией Москвы или желали угодить британцам, другие считали основой будущей системы безопасности не двусторонние договоры, а международные организации ⁴⁵. Историк Я. Калвода замечал, что из-за отсутствия американских записей невозможно определить, насколько точно посланные Бенешем в Лондон и воспроизведенные в его мемуарах телеграммы отражали содержание его бесед с Рузвельтом — их целью могло быть стремление убедить британцев в безоговорочной поддержке американцев. По его словам, сопровождавший Бенеша в поездке канцлер Я. Смутны отмечал в дневнике, что Рузвельт никогда не просил Бенеша обсуждать определенные вопросы со Сталиным и не давал никаких прямых поручений, а лишь высказывал общие предложения о темах, которые могут быть упомянуты в разговорах с советским лидером ⁴⁶.

В итоге, чехословацкому президенту все-таки удалось получить согласие Лондона на поездку в СССР, но визит состоялся лишь в декабре 1943 г. — после улаживания англо-советских разногласий и проведения конференции лидеров трех великих держав в Тегеране. Бенешу так и не удалось выступить в качестве посредника между Рузвельтом и Сталиным. Однако можно утверждать, что чехословацкий лидер внес определенный вклад в улучшение советско-американских отношений. Высказанные им идеи подкрепили точку зрения Рузвельта, а некоторые аргументы в дальнейшем были приняты американскими экспертами при выработке политики в отношении Чехословакии и Центральной Европы. Некоторые прогнозы Бенеша оказались ошибочными. Еще до окончания войны советское и коммунистическое влияние в ЧСР стало усиливаться по мере освобождения ее территории Красной армией. С началом «холодной войны», в 1948 г. республика окончательно перешла под контроль коммунистов, а Бенеш, во второй раз подав в отставку, вскоре скончался, так и не увидев ожидавшихся признаков демократизации СССР через его вовлечение в близкие отношения с западными государствами.

Примечания

Статья подготовлена в рамках Гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ РФ, НШ-9803.2016.6.

1. МАРБИНА В.В. Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884—1948. М. 2013, с. 338—343.
2. BENEŠ E. From Munich to New War and New Victory. Cambridge. 1954, p. 241—245.
3. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1941. Vol. II. Wash. 1959, p. 33.
4. U.S. National Archives (NARA). RG 59. Czechoslovakia, 1910—1944. M1218. 860F.01/436A.

5. Ibid., 860F.01/456.
6. ДАНН Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М. 2004, с. 265—275.
7. Jan Papanek za vojny Edvardovi Benešovi. Dokumenty 1939—1945. Bratislava. 1997, S. 105—111.
8. ДАНН Д. Ук. соч., с. 274—285.
9. FIERABEND L. Beneš mezi Washingtonem a Moskvou. Wash. 1966, S. 38.
10. For the President. Personal and Secret. Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt. Boston. 1972, p. 581.
11. NARA, 860F.01/456.
12. TABORSKY E. President Edvard Beneš. 1938—1948. Stanford. 1981, p. 115.
13. BENEŠ E. Op. cit., p. 180.
14. NARA. 860F.001/128—129, 860F.01/491; TABORSKY E. Op. cit., p. 115.
15. BENEŠ E. Op. cit., p. 180; Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939—1945. Dokumenty, d. 1. Praha. 1998. (ČSVDJ), dok. 226.
16. TABORSKY E. Op. cit., p. 116—119.
17. NARA. FW860F.001/131.
18. Ibid., 860F.001/135.
19. BENEŠ E. Op. cit., p. 181.
20. NARA. 860F.001/154-1/2.
21. FIERABEND L. Op. cit., S. 133—135.
22. E. Taborsky wartime diary. Edward Taborsky papers, Hoover Institution Archives. Box 2, p. 233—236; ČSVDJ, dok. 231.
23. TABORSKY E. Op. cit., p. 124.
24. BENEŠ E. Op. cit., p. 187.
25. ČSVDJ, dok. 236; TABORSKY E. Op. cit., p. 127; Taborsky wartime diary, p. 239.
26. ČSVDJ, dok. 238; BENEŠ E. Op. cit., p. 194.
27. ČSVDJ, dok. 240; BENEŠ E. Op. cit., p. 194; TABORSKY E. Op. cit., p. 123—127; FRUS. 1943, vol. III, p. 529.
28. ČSVDJ, dok. 239.
29. Подробнее см.: ЮНГБЛЮД В.Т. Роспуск Коминтерна в мае 1943 г.: отклики и анализ в США. — Вопросы истории. 2013, № 2, с. 18—33.
30. ČSVDJ, dok. 243; BENEŠ E. Op. cit., p. 195.
31. Советско-американские отношения 1941—1945. Т. 1. 1941—1943. М. 1984, док. 194, с. 322; Taborsky wartime diary, p. 250.
32. NARA. 860F.01/498, 860F.01/1009; ČSVDJ, dok. 246.
33. ČSVDJ, dok. 244.
34. Dr. Edvard Beneš's official wartime visit to the United States and Canada in 1943. N.Y. 1944, p. 25—30; ČSVDJ, dok. 235; FIERABEND L. Op. cit., S. 31; Taborsky wartime diary, p. 240.
35. Czechoslovak Sources And Documents. № 4, August 1943. President Beneš On War And Peace. N.Y. 1943, p. 132—145.
36. Ibid., p. 71—145; Dr. Edvard Beneš's official wartime visit..., p. 40—70; New York Times. 20.V.1943, p. 6; 23.V.1943, p. 33.
37. BENEŠ E. Op. cit., p. 195—196; Taborsky wartime diary, p. 255.
38. TABORSKY E. Op. cit., p. 129.
39. FIERABEND L. Op. cit., S. 37.
40. NARA. 860F.001/153.
41. ČSVDJ, dok. 244, 245.
42. FRUS. 1943, vol. III, p. 677.
43. FRUS. 1943, vol. III, p. 670.
44. TABORSKY E. Op. cit., p. 133.
45. CLEMENTS C.W. The Development and failure of American Policy Toward Czechoslovakia, 1938—1948. A Dissertation. Miami University. Oxford-Ohio. 2004, p. 63.
46. KALVODA J. Czechoslovakia's Role in Soviet Strategy. Wash. 1978, p. 134.

СССР в оценках британской военной миссии в Москве (лето-осень 1945 г.)

Аннотация. В работе впервые публикуются два документа из Национального архива Великобритании, раскрывающие характер восприятия и оценок внутри- и внешне-политического положения СССР важным британским военным органом — военной миссией в Москве — в условиях перехода от второй мировой войны к послевоенному периоду: «Записка о России» (июль 1945 г.) и «Итоговый доклад Военной миссии № 30» (октябрь 1945 г.). Документы демонстрируют, как в британских оценках лета-осени 1945 г. сочетались укреплявшиеся тенденции на восприятие СССР как главного потенциального противника с сохранявшимися идеями о возможности мирного сосуществования с резко усилившимся партнером по «Великому альянсу» времен войны. Публикация предваряется введением, в котором характеризуются основные вехи истории британской военной миссии в Москве, сопоставляются ее оценки в отношении СССР с документами иных британских органов (прежде всего, Форин Офис).

Ключевые слова: СССР, Великобритания, британская военная миссия, «Великий альянс», вторая мировая война, Гэммелл.

Abstract. Below two important documents from the British National Archives are published for the first time: “Note on Russia” (July 1945) and the “Final Report of British Mission No. 30” (October 1945). Both of them were produced by the staff of the British military mission in Moscow and reflected a significant part of the estimates in regard of USSR which influenced British decision-making during the transition period from World War II to the post-war era. These documents demonstrate how the ideas about the growing “Soviet menace” coexisted during summer — autumn of 1945 with conceptions about the possibilities of the peaceful (though hard) interaction with the partner of the former “Grand Alliance”, which abruptly became more powerful during the war. Documents are forwarded by introduction which gives a summary of British military mission’s history and compares its estimates to the views of other British authorities, especially Foreign Office.

Key words: USSR, Great Britain, British military mission, “Grand Alliance”, Second World War, Gammell.

Период лета-осени 1945 г. представляет собой крайне интересную фазу в развитии советско-британских отношений и шире — отношений СССР с ведущими странами Запада. Он является частью 2-летнего переходного этапа: от «Великого альянса» СССР, США и Великобритании времен второй мировой войны до начала «холодной войны» (с 1947 г.). Уже в мае 1945 г., на фоне ликвидации общего врага (Германии), чье наличие консолидировало антигитлеровскую коалицию, на-

блюдалось явное охлаждение отношений между СССР, с одной стороны, и Великобританией и США, с другой. Символом этого охлаждения во многом стал план операции «Немыслимое» (возможная война СССР с США и Британской империей), разработанный 22 мая британскими военными по указанию премьер-министра У. Черчилля¹. Вместе с тем, на протяжении всего лета 1945 г. продолжал действовать «фактор Японии» (в участии Советского Союза в войне с ней был заинтересован, прежде всего, Вашингтон). Задача совместного выстраивания основных контуров послевоенного мира также объединяла «большую тройку» государств, проявлением чего стала в целом успешная Берлинская (Потсдамская) конференция (17 июля — 2 августа). Факторы атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, капитуляции Японии и окончания войны вкупе с новыми послевоенными проблемами, подходы к решению которых отнюдь не всегда совпадали, работали на охлаждение отношений СССР с западными странами, хотя и не предрешали того, что оно неизбежно перерастет в состояние «холодной войны»². Чередование неудачных (Лондон, 11 сентября — 2 октября) и успешных (Москва, 19—27 декабря) сессий Совета министров иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Китая говорили о неопределенности обстановки в тот период.

Подобная же неопределенность присутствовала летом-осенью 1945 г. в оценках различных британских органов по широкому спектру вопросов, касавшихся Советского Союза и выстраивания Великобританией отношений с ним. История одного из подобных немаловажных органов — британской военной миссии в Москве (упоминалась в официальных документах как Военная миссия № 30) — в 1945 г., после четырех лет работы, подходила к своему концу.

Хотя подготовка к созданию миссии велась в Лондоне еще до 22 июня 1941 г. (что отражало предчувствие британцами возможного нападения Германии на СССР), официально она была создана 24-го числа. Ее первым главой был назначен генерал-лейтенант Ф.Н. Мэйсон-Макфарлейн. 27 июня британский посол С. Криппс представил членов миссии советскому наркому иностранных дел В.М. Молотову в Москве³.

На протяжении всей войны миссия № 30 была важным источником не только информации об СССР и Красной армии, но и оценок, которые учитывались при формировании британской политики. На фоне неплохой изученности и продолжающегося интереса в отечественной и зарубежной историографии к деятельности британского посольства в Москве в годы войны, работе военной миссии Великобритании уделялось несколько меньше внимания⁴. Изучение того, как руководство миссии оценивало и анализировало различные аспекты политики и устройства СССР, вписывается в рамки важной проблематики восприятия Советского Союза в странах антигитлеровской коалиции, которая рассматривается как одна из «центральных» в рамках «отечественной и зарубежной историографии Второй мировой войны нового поколения»⁵.

К лету-осени 1945 г. британская военная миссия, во главе которой успело смениться 6 высокопоставленных офицеров армии и флота, имела уже не только достаточно богатый опыт взаимодействия с советскими властями, но и сформировавшийся комплекс представлений о советских вооруженных силах, правительстве, партии, о специ-

фике сотрудничества с Москвой по различным вопросам. Представления эти нередко были окрашены в негативные тона. Не раз в годы войны подход британских военных (как в Москве, так и в Лондоне) к СССР даже самим британским Форин-Офис рассматривался как не способствующий выстраиванию долгосрочного сотрудничества. Комментируя в декабре 1943 г. состоявшееся весной назначение очередного главы миссии, генерал-лейтенанта Дж. ле К. Мартеля, министр иностранных дел Э. Иден отмечал: «Мартель — неудачный выбор, который можно было миновать, если бы глава Имперского генерального штаба (генерал, затем фельдмаршал А. Брук. — *И.М.*) не был немного рассержен, если говорить мягко, на русских» ⁶.

Красной нитью через документы британской военной миссии проходила критика в адрес советской стороны за недостаточный, с точки зрения британцев, объем предоставляемой информации. В июне 1942 г. тогдашний глава миссии контр-адмирал Дж. Майлс писал в Лондон: «Я не вижу причин, почему мы должны продолжать реализовывать эти односторонние меры и предоставлять советской миссии [в Великобритании] все, не получая ничего взамен. Это никак не помогает военной секции здесь» ⁷. Подписанный 29 сентября 1942 г. советско-британский договор об обмене информацией не слишком сильно снизил градус критики в адрес советских властей со стороны британских военных в Москве ⁸.

С ними были солидарны и их коллеги в Лондоне. В октябре 1944 г., изучая вопрос о предоставлении очередной порции военной информации советским военным, британский штаб ВМФ призывал сократить ее объем, жалуясь на недостаток взаимности: «Отношение русских к вопросу обмена информацией, будь то технического или нетехнического характера, на данный момент таково, что не требует от нас предоставлений сведений безвозмездно или без оглядки на долгосрочные последствия» ⁹. Вместе с тем, и сами запросы британской стороны подчас заходили весьма далеко. Так, стремясь в конце 1944 г. согласовать с советскими военными распределение радиочастот для того, чтобы избежать путаницы в радиоэфире в условиях приближения друг к другу англо-американских и советских войск в Европе, британская сторона сформулировала подробный вопросник (кто в советских вооруженных силах распределяет радиочастоты и на каком уровне, каковы технические характеристики различных видов сигналов и оборудования и т.п.), переданный генерал-майору Н.В. Славину, отвечавшему за взаимодействие с иностранными военными миссиями. Последовавший ответ сводился к тому, что вопросы затрагивают весьма деликатную сферу, обсуждение которой затруднительно. В британской военной миссии, однако, сделали вывод о том, что «советская позиция не была нацелена на сотрудничество... они питают подозрения в отношении наших намерений» ¹⁰.

Нередко протесты различных начальников британской военной миссии против чересчур мягкой, с их точки зрения, позиции Форин-Офис в отношениях с Москвой, усиливались их идеологическими пристрастиями — по большей части антикоммунистическими и антибольшевистскими. Показательно, что даже в 1944 г., нередко рассматриваемом как зенит сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, отношения советской стороны с миссией № 30 оставались

натянутыми, что в немалой степени было связано с личностью ее тогдашнего начальника — генерал-лейтенанта Б. Бэрроуза. Его антисоветизм был столь очевиден, что во время одной из встреч в сентябре И.В. Сталин заметил британскому послу А.К. Керру: «... наши военные не доверяют генералу Бэрроузу. Они не смогут с ним работать. Генерал Бэрроуз не уважает наших военных, и они его не уважают»¹¹. Более того, даже когда британская военная миссия ратовала за углубление сотрудничества с Советским Союзом (как, к примеру, летом 1944 г., позитивно реагируя на высказанную Сталиным идею создания трехстороннего военного комитета в Москве), Имперский Генеральный штаб сворачивал инициативы и откладывал их в «долгий ящик». Вместе с тем, значимые результаты во взаимодействии, достигнутые в 1944 г., в том числе в рамках операции по дезинформации немцев в преддверии «Оверлорда» (операция «Бодигард»), также не стоит сбрасывать со счетов¹².

Объектом критики и недовольства со стороны британских военных были и специфические советские порядки: контроль за иностранными представителями со стороны НКВД, невозможность установления контактов с рядовыми советскими гражданами. Подобная критика, раздававшаяся и со стороны многих британских и американских дипломатов, по мнению американского историка Ф. Костиглиолы, была немаловажным фактором в нарастании негативных оценок в отношении СССР, даже со стороны тех деятелей, которые приезжали в Москву с чувством относительной симпатией и интересом¹³.

Охлаждение в советско-британских отношениях летом-осенью 1945 г. наглядно отразилось и в истории миссии № 30, возглавлявшейся в мае генерал-лейтенантом Дж.Э.Х. Гэммеллом. Ожидая скорого вступления СССР в войну с Японией, британский Комитет начальников штабов (КНШ) 1 августа инструктировал Гэммелла предоставлять советским органам разведывательную информацию о японских силах, однако избегать одностороннего сообщения сведений о британской технике или боевых порядках¹⁴. Июльский разговор Гэммелла со своим американским коллегой в Москве — главой американской военной миссии генерал-майором Дж. Дином — во время которого последний заявил о желании американцев ликвидировать свою миссию по окончании войны, стимулировал размышления и о будущем британцев. В меморандуме от 23 августа Гэммелл рекомендовал предвосхитить возможную просьбу Москвы о выводе миссии. Генерал предлагал обратиться к советским властям с предложением сохранить британскую миссию на условиях, которые, было очевидно, Москва не примет (широкие возможности для посещения штабов, соединений и тренировочных баз вооруженных сил на территории всего СССР). Ожидаемый отказ советской стороны можно было использовать как удобный момент для ликвидации миссии № 30¹⁵.

В конце сентября 1945 г. Гэммелл покинул Москву, а уже 3 октября подписанный им «Итоговый доклад Военной миссии № 30» был разослан членам КНШ вместе с приложенной к нему «Запиской о России», составленной Гэммеллом в начале июля 1945 г. в сотрудничестве с Керром¹⁶ и отправленной в Лондон на имя заместителя начальника Имперского Генерального штаба генерал-лейтенанта А. Ная. «Итоговый доклад» и «Записка о России», копии которых взяты из фонда КНШ управления Кабинета министров Националь-

ного архива Великобритании ¹⁷, публикуются (с комментариями и пояснениями) ниже. Данные документы кратко привлекались ранее рядом зарубежных исследователей ¹⁸, однако полностью не публиковались и остаются во многом малоизвестными (в том числе для отечественных историков).

«Итоговый доклад», обсуждавшийся на заседании КНШ 10 октября, удостоился лишь краткого комментария о том, что Комитет «с интересом ознакомился с взглядами, выраженными в этом докладе» ¹⁹. Однако два публикуемых документа заслуживают более развернутой характеристики.

«Итоговый доклад» и «Записка о России» дают объемное представление о восприятии СССР летом-осенью 1945 г. не только лично Гэмеллом, но и более широким кругом сотрудников как британской военной миссии и отчасти посольства Великобритании в Москве, так и разделявшими их идеи военными и дипломатическими сотрудниками в Лондоне. По ряду важных идей и выводов вышеуказанные документы пересекались с позицией Форин Офис в 1945 г.: необходимость для СССР длительного (не менее 10 лет) периода внутреннего восстановления и внешнего мира ²⁰; акцент на традиционализации внешней и отчасти внутренней политики СССР (ценности патриотизма вместо мировой революции и т.п.), дрейф в сторону некоторых черт, характерных и для Российской империи ²¹; убежденность в том, что политических уступок от Москвы можно добиться лишь с опорой на силовое превосходство и скрытую угрозу «большой войны» ²². Подход Гэммела был схож с методами анализа советских реалий британских дипломатов и в важном концептуальном отношении: нередкие отсылки к психологии и ментальности были характерной чертой того, как Форин Офис подходил к анализу многих международных и внешнеполитических реалий ²³.

За близостью ряда идей «Итогового доклада» и «Записки о России» к позиции Форин Офис стояло несколько факторов: влияние сотрудников британского посольства в Москве на составление данных документов; ужесточение позиции британских дипломатов весной-летом 1945 г., сгладившей характерные для 1943—1944 гг. противоречия с военными, когда последние критиковали Форин Офис за чрезмерную мягкость в отношении СССР. Вместе с тем, оценки Гэммела, подчеркивавшего нежелание Москвы быть вовлеченной в «большую войну», отсутствие у СССР открытых экспансионистских планов, его отказ от революционной повестки дня нередко контрастировали с более алармистскими гипотезами наиболее антисоветски настроенных британских органов — Объединенного разведывательного комитета и Штаба послевоенного планирования ²⁴.

Ряд тем, затрагивающихся в публикуемых ниже документах, весьма показателен для характеристики переходности самого периода лета-осени 1945 года. Ключевая из них суммирована Гэммелом в дилемме: Великобритании нужен либо сильный, но дружественный СССР, либо ослабленный и не представляющий угрозы. Ясно, что вариант будущей «холодной войны» — сильный и недружественный СССР — рассматривался как наихудший.

Переходность периода отразилась и в том, что в «Итоговом докладе» и «Записке о России» присутствуют в определенном смысле три

проблемно-хронологических пласта, которые условно можно обозначить как «прошлое», «настоящее (уроки войны)» и «будущее». В обстановке охлаждения советско-британских отношений на вооружение все чаще брались образы и стереотипы из довоенной эпохи, когда были уже сформулированы многие идеологемы в отношении Советского Союза, «большевизма» и т.д.

К пласту «уроков войны», представленному в публикуемых текстах, безусловно, можно отнести вывод о колоссальной сухопутной мощи СССР, который красной нитью проходил через ряд британских военных документов, составленных в период подготовки и обсуждения плана «Немыслимое»²⁵. Гэммеллом уже был намечен целый ряд идей и рецептов будущей «холодной войны». В этом отношении характерны не только его мысли о «сдерживании» СССР путем угрозы «большой войны», в том числе с применением атомного оружия, но и серьезный акцент на факторе борьбы идей, схватки за влияние на умы в послевоенном мире. Как еще в августе 1944 г. писал Иден в меморандуме под названием «Советская политика в Европе», «наша финансовая мощь во многом сошла на нет, мы должны стремиться компенсировать эту потерю завоеванием восхищения европейских народов в отношении нашего образа жизни, наших достижений в социальной, промышленной, научной и интеллектуальной сферах»²⁶.

В свете тенденций будущей «холодной войны» показательно и своеобразное начало «битв за историю» (занижение вклада СССР в победу над Японией), а также акцент, сделанный Гэммеллом на необходимости простого и доходчивого объяснения собственному народу и международному сообществу (прежде всего, США) намечающейся конфронтации с СССР. Понятная Западу дихотомия «тоталитаризм/демократия» представлялась генералу весьма перспективной в этом отношении.

Безусловно, отнюдь не со всем в «Итоговом докладе» и «Записке о России» можно согласиться. Показательны, к примеру, стремление Гэммелла представить британскую политику как руководимую исключительно «моральными принципами», его спорные исторические выводы (потеря советской внешней политикой революционного «запала» уже в 1921 г.) и ряд других моментов. Вместе с тем, данные документы представляют значительный интерес для понимания непростой палитры оценок в отношении Советского Союза британскими военными в сложный переходный период лета-осени 1945 года.

Публикация документов подготовлена **И.Э. Магадеевым**.

Примечания

1. РЖЕШЕВСКИЙ О.А. Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. — Новая и новейшая история. 1999, № 3, с. 98—123.
2. См. подробнее: MISCAMBLE W.D. From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima and the Cold War. Cambridge. 2007.
3. Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. 24. М. 2000, с. 46.

Магадеев Искандэр Э. — кандидат исторических наук, доцент МГИМО (У) МИД России. E-mail: iskander2017@yandex.ru.

Magadeev Iskander E. — PhD, associate professor at the MGIMO-University. E-mail: iskander2017@yandex.ru.

4. Среди основных работ см.: BEAUMONT J. A Question of Diplomacy: British Military Mission 1941—45 — *RUSI Journal*. 1973, vol. 118, № 3, p. 74—77; SMITH B.F. Sharing Secrets with Stalin: How the Allies Traded Intelligence, 1941—1945. Lawrence. 1996; МЯГКОВ М.Ю. Военные ведомства СССР и Англии в 1941—1945 годах: союз и противоборство. — *Новая и новейшая история*. 2004, № 2, с. 67—81; SEARLE A. Uneasy Intelligence Collaboration, Genuine Ill Will, with an Admixture of Ideology: The British Military Mission to the Soviet Union, 1941—1945. In: *Military Advising and Assistance: From Mercenaries to Privatization, 1815—2007*. London. 2008, p. 61—80.
5. Путь к Великой Победе: СССР в войне глазами западных современников. Документы и материалы. М. 2015, с. 5.
6. Цит. по: BEAUMONT J. *Op. cit.*, p. 75.
7. Цит. по: SEARLE A. *Op. cit.*, p. 68.
8. См. подробнее: BEARDSLEY E.H. Secrets between Friends: Applied Science Exchange between the Western Allies and the Soviet Union during World War II. — *Social Studies of Science*. 1977, vol. 7, № 4, p. 447—473.
9. COS (44) 908 (0), Exchange of Technical Information with the Russians, Memo by the Naval Staff, 18/10/44. — *The National Archives of Great Britain (TNA), Cabinet Office (CAB) 80/88*.
10. Archer to WO, 17/11/44 (in COS (44) 1004 (0)). — *TNA, CAB 80/89*.
11. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 (САНО): документы и материалы. Т. 2. М. 1983, с. 173.
12. ЛОТА В.И. Операция «Бодигард»: потерянный след. М. 2014.
13. COSTIGLIOLA F. Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton. 2012, p. 6.
14. SEARLE A. *Op. cit.*, p. 74. Британцы согласовали свои действия в этом вопросе с американской стороной. См.: *Foreign Relations of the United States (FRUS). Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference)*. 1945. Vol. 1. Washington. 1960, p. 931.
15. COS (45) 545 (O), Future of No. 30 Military Mission, Memo by Gammell, 23/08/45. — *TNA, CAB 80/97*.
16. *Documents on British Policy Overseas*. Vol. 1. London. 1984, p. 149.
17. Оба документа см.: COS (45) 597 (O), Final Report on No. 30 Military Mission, 03/10/45. — *TNA, CAB 80/97*.
18. BARKER E. The British between the Superpowers, 1945—50. London. 1983, p. 18; SMITH B.F. *Op. cit.*, p. 245.
19. COS (45) 246th Meeting, 10/10/45. — *TNA, CAB 79/40*.
20. Позицию Керра марта 1945 г. см.: Путь к Великой Победе, с. 756.
21. См. об этом: FOLLY M. "A Long, Slow and Painful Road": The Anglo-American Alliance and the Issue of Co-operation with the USSR from Teheran to D-Day. — *Diplomacy & Statecraft*. 2012, vol. 23, № 3, p. 471—492.
22. Позицию влиятельного помощника постоянного заместителя министра иностранных дел О. Сарджента от 2 апреля 1945 г. см.: Путь к Великой Победе, с. 766—772.
23. HUGHES M. The Virtues of Specialization: British and American Diplomatic Reporting on Russia, 1921—39. — *Diplomacy & Statecraft*. 2000, vol. 11, № 2, p. 79—104.
24. См., например: ПОРТНЯГИН Д.И. Внешняя политика СССР в оценках Объединенного разведывательного комитета Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии (1944—1947). — *Вестник СПбГУ*, сер. 6, 2014, вып. 1, с. 139—145.
25. Путь к Великой Победе, с. 792—796, 838.
26. Там же, с. 618.

Итоговый доклад Военной миссии № 30

«1. Общая картина работы миссии хорошо известна начальникам штабов. Она была создана в МОСКВЕ более четырех лет назад и существовала под руководством четырех генералов и двух адмиралов¹, действовавших в связке с двумя различными послами².

Несмотря на различия в личностях [глав миссии] и использовавшихся ими подходов, достигнутые результаты варьировались лишь незначительно. Общее отношение русских властей к миссии не протяжении всего периода оставалось неизменным. Его можно суммировать следующим образом: “Добывать столько информации, сколько возможно, ничего не предоставляя взамен (в крайнем случае — самый минимум). При наличии сомнений лучше отказаться от информации, чем предоставить что-либо, что может оказаться пагубным для интересов Советского Союза”.

2. Основные причины подобного отношения вполне ясны, сложнее, однако, оценить относительное значение каждой из них.

3. Значительную роль стоит отвести вековой традиции секретности в отношении любой деятельности правительства, что всегда было характерной чертой российской государственной машины. Все это хорошо известно и не требует дополнительных пояснений.

4. Исходя из информации, находящейся в их распоряжении, неправдоподобно, что страх нападения на Советский Союз является основным фактором, влияющим на политику секретности, проводимую высшим политическим и военным руководством советского правительства. Страх перед подобным нападением является, однако, важным рычагом влияния на их менее информированных подчиненных; упрощается и достижение важной цели советской политики — предотвратить контакты со всеми иностранцами.

5. Третья причина секретности — скрыть приготовления нападения Советского Союза на его соседей — на данный момент не является важной. Сегодня и на протяжении некоторого времени в будущем основной интерес Советского Союза состоит в том, чтобы избежать крупных войн. Вместе с тем советский Генеральный штаб прекрасно осознает преимущества, которые, благодаря строгой политике секретности, приобрели Германия, Япония и СССР; без веских причин он не собирается отказываться от этих преимуществ.

6. Четвертая причина, по-видимому, самая важная, состоит в том, что обмен информацией, визиты в штабы соединений и подразделений, неизбежно влекут за собой контакты между британскими и советскими офицерами в весьма значительных масштабах. Подобную ситуацию (во всяком случае, в настоящее время) советское правительство не готово санкционировать.

7. Последняя причина (и также важная) заключается в осознании того, что в техническом отношении все три вида вооруженных сил России значительно отстают от наших. Обнажить этот факт перед собственными офицерами, значит ранить *чувство их собственного достоинства*, а также создать возможность подрыва полной уверенности, с которой их учили смотреть на собственные вооружения, организацию и технику.

Есть и дополнительный нюанс: русские очень чувствительны в отношении более низкого жизненного уровня и степени комфорта, доступных их офицерам (не считая высшего командования), по сравнению с нашими. Если организация встреч [советских и британских офицеров] не будет заранее тщательно продумана, они могут смутить их.

8. Исходя из причин, указанных выше, маловероятно, что стоит ожидать каких-либо изменений [в советской позиции по обмену ин-

формации и военным контактам] в ближайшем будущем. Подобные изменения могут произойти лишь в результате значительной переориентации советского политического курса.

9. Таким образом, вероятно, что работа военных атташе [которые заменят миссию] будет по своему характеру ограниченной, их источники информации будут сводиться к некоторым наблюдениям общего характера, а также сведениям, полученным от невоенных контактов в МОСКВЕ. Информация о развитии вооруженных сил России будет добываться, прежде всего, путем тщательного анализа в ЛОНДОНЕ российской прессы и радио, а также донесений из секретных источников.

10. Кое-что можно получить и из взаимных визитов высокопоставленных офицеров, если советское правительство согласится на них ³. Крайне важно, однако, предупредить: из подобных визитов не стоит делать ложных выводов об отношении советских властей к иностранцам, как их не стоит делать и из контактов между подчиненными на конференциях, подобных ЯЛТЕ или ПОТСДАМУ. Визитеры, чьи кандидатуры одобрены, принимаются со всем уважением и обходительностью; все, что будет продемонстрировано им, готовится с особой тщательностью и заботой. На больших конференциях природному дружелюбию русских позволяют проявить себя в полной мере.

Естественный вывод, который делают из всего этого: русские — дружелюбный и рациональный народ, с которым весьма просто иметь дело.

Однако российские власти хорошо знают, что визитер — перелетная птица. У него не будет возможности сравнить то, что он увидел, или людей, с которыми он встречался, с обычной будничной российской действительностью.

У офицеров и официальных лиц, которые встретили своих российских коллег на конференциях, не будет шанса попытаться возобновить контакты со своими российскими знакомыми.

Отношение к официальному зарубежному представителю в МОСКВЕ совсем иное. Все попытки увидеть вещи такими, как они есть, встречают противодействие; гостеприимство со стороны частных лиц, в отличие от официального, выражаемого в виде публичных приемов и ужинов, неизвестно.

11. В этом отношении ко всем сообществам иностранцев относятся одинаково, хотя сообщества британцев и американцев находятся в лучшем положении, в отличие от малых стран, предупредительность в отношении которых весьма ограничена.

Из недавнего разговора с главой разведывательного отделения американской миссии я выяснил, что с самого начала [обмена информацией], помимо запоздалых сведений о боевых порядках немецких и японских вооруженных сил, американская миссия не получала от российского Генерального штаба никакой другой информации. В том числе не предоставлялось никаких сведений о вооружении, организации и системе обучения советских вооруженных сил.

12. Что касается общей ситуации в России и политического курса, который нам стоит принять в отношениях с ней, в качестве приложения, я отправляю копию доклада, написанного в начале июля. Посол видел и одобрил его.

Выводы, зафиксированные в том докладе, получили подтверждение в свете опыта последних трех месяцев.

13. Единственным новым фактором с момента написания вышеуказанного доклада стало использование США атомной бомбы в войне с ЯПОНИЕЙ⁴. Этот вопрос крайне сдержанно обсуждался в советской прессе. Были опубликованы первые заявления премьер-министра и президента Трумэна⁵. Одна статья вышла в “Нью Таймс”⁶, в прессе также появилось несколько небольших параграфов по вопросу с выдержками из зарубежных изданий. Атомная энергия была упомянута среди важных открытий военного времени в двухстраничной статье, написанной президентом Академии наук⁷.

За исключением вышеперечисленного, вопрос об атомной бомбе никак не упоминался и не дискутировался ни в одной из газет.

Роль атомной бомбы в коллапсе Японии никогда не упоминалась. Окончательное поражение Японии полностью относилось на счет успешного наступления Красной армии, которое с повышенным вниманием описывалось в прессе.

Вместе с тем известно, что в научных и промышленных кругах наблюдается значительная активность по вопросу развития атомной энергии. Она связывается с именем некоего КАПИЦЫ, который учился в Кавендишской лаборатории в Кембридже⁸.

Учитывая их преклонение перед силой, представляется, что русские были несколько смущены, обнаружив, что их позиции так неожиданно ослабли ввиду появления этого нового оружия⁹.

Статьи, появляющиеся в прессе Великобритании и США, возможно, убедили русских в том, что западный мир не склонен использовать это оружие при отсутствии очевидной провокации.

Исходя из своего недавнего опыта в Юго-Восточной Европе и на других территориях, русские, вероятно, пришли к выводу о том, что необходимость в изменении их нынешнего курса, описанного в приложенном докладе, отсутствует.

Можно предполагать, что их политика в отношении бомбы как таковой, будет заключаться в том, чтобы ускорить передачу оружия в руки Совета Безопасности [ООН]. Они хорошо понимают, что их право вето защитит их от угрозы применения бомбы против них самих. При подобной ситуации их ситуация в отношении США и [Британского] Содружества останется неизменной.

Тем временем они с величайшей энергией ускорят собственные научные разработки и проекты.

Изучение предыдущей советской политики, а также ментальности, по всей видимости, указывают на то, что, имея они монополию на использование атомной бомбы, советские лидеры, не колеблясь, применили бы ее, чтобы реализовать собственные интересы. Было бы прискорбно, если у русских сложилось бы впечатление, что США и мы не готовы сделать то же самое в защиту нашей политической линии, которую мы считаем верной и жизненно важной для собственной безопасности.

14. В завершении я хотел бы отметить постоянную помощь, наставление и сотрудничество, которые я и члены моей миссии получали от посла Его Величества и сотрудников британского посольства с момента моего вступления в должность.

(Подпись) Дж.Э.Х. Гэммелл
Генерал-лейтенант
ГЛАВА МИССИИ

**Записка о России — июль 1945 года,
генерал-лейтенант Дж.Х. Гэммелл, глава миссии**

1. Записка исходит из того, что наши политические и военные цели состоят в том, чтобы иметь либо дружественную, стабильную и достаточно сильную Россию, дабы она могла сыграть свою роль в организации и поддержании международной безопасности; либо, напротив, иметь Россию, столь ослабленную внутренними проблемами и раздорами, дабы она не представляла угрозы миру и безопасности в Европе, на Ближнем Востоке и в Восточной Азии.

2. Россия успешно выстояла в течение четырех лет ожесточенных сражений с Германией. Важно выявить причины ее успеха и оценить, в какой степени они будут оставаться в силе после заключения мира в Европе и на Дальнем Востоке. Немаловажно также проследить изменения в российской политике с основания советского государства и до нынешнего времени. На основе подобного анализа вышеуказанных аспектов можно сделать предположения о будущей российской политике и о нашей собственной политической линии.

3. Представляется, что ключевыми факторами успешного ведения войны Россией, являются:

(а) Патриотизм, проявленный обычными российскими людьми.

(б) Всеобщее восхищение и преданность генералиссимусу Сталину, чей личный престиж, возможно, никогда не имел себе равных в России, стране, привыкшей к деспотичным правителям.

(в) Острая ненависть к немцам, разрушавшим тяжело завоеванное российское процветание и совершившим так много жестокостей.

(г) Общераспространенное среди большей части народа (особенно среди молодых и энергичных людей) убеждение, что в коммунизме, в его нынешней форме, Россия имеет ключ к лучшему будущему.

(д) Жестокий и централизованный контроль, осуществляемый Коммунистической партией, над огромной страной с колоссальными людскими и естественными ресурсами.

(е) Всемогущее и вездесущее НКВД.

(ж) Дисциплина, обучение и эффективность Красной армии, вооружаемой во все больших масштабах расширяющейся промышленностью.

(з) Наконец, колоссальное довоенное развитие промышленности и ее перераспределение, обеспеченное первым и вторым пятилетними планами ¹⁰.

4. ПАТРИОТИЗМ.

Он сознательно развивался Сталиным с 1932 года путем интенсивной пропаганды во все больших масштабах. Война, повсеместно известная как Великая Отечественная война, вызвала подъем энтузиазма, который практически отсутствовал в 1904 году и быстро исчез в 1914—1917 годах. Все говорит о том, что этот патриотизм — долгосрочное явление. Революционные лозунги ленинских дней, по всей видимости, погибли вместе с Троцким и с ликвидацией интеллектуально подкованных старых большевиков в чистке 1936/38 годов.

Этот дух [патриотизма] будет колоссальной объединяющей силой в СССР, поскольку он вышел за пределы границ РСФСР, охва-

тив все союзные советские республики ¹¹. Всякая идея о том, что СССР может быть расколот, не должна тем самым приниматься в расчет.

Большой вопрос заключается в том, перерастет ли этот патриотический энтузиазм в политику империалистической экспансии.

Первым фактором, указывающим в подобном направлении, может быть неутомимость маршалов и других офицеров Красной армии.

Однако все больше и больше высших офицеров являются членами партии и, таким образом, находятся под жестким политическим контролем ¹². Тем самым вероятность того, что Красная армия возьмет дело в свои руки и толкнет СССР в войну, мала. Решения будут приниматься Сталиным и членами Политбюро, которые в основе своей являются гражданскими лицами.

Второй фактор в пользу экспансионистской политики состоит в полном незнании большей частью армии и народа военной силы союзников и того вклада, который союзные армии, флоты и военно-воздушные силы внесли в победу над Германией. Масштаб бомбардировок Германии и тот факт, что союзники взяли четыре или пять миллионов военнопленных на Западе и еще полтора миллиона в Италии, совершенно неизвестны.

Постепенное распространение информации, чему помогают и истории возвращающихся с фронта солдат, приводит, однако, к формированию более реалистичного взгляда. Большинство людей начинает осознать, что нельзя просто так взять все, что они хотят.

Среди факторов, работающих против курса на экспансионистскую политику, [можно назвать] и то, что традиционно русские лучше сражались при обороне своей страны — будь то Святая Русь или Отечество. Тесно связан с этим и тот факт, что огромные пропагандистские усилия были предприняты против империалистических войн. Все достижения Думбартон-Окса и Сан-Франциско ¹³ получили широко-масштабное освещение, Сталин неоднократно заявлял, что советское правительство едино с Великобританией и Америкой в уважении прав малых стран.

Резкое изменение военной политики в пользу экспансионистской войны в ближайшем будущем будет, пожалуй, чересчур серьезным поворотом даже для советской пропаганды.

Наконец, имеется и подлинная тоска народа по миру, достигнутого колоссальными жертвами, которые, с его точки зрения, ассоциируются с войной — будь то война 1914—1917 годов [sic], Гражданская война или война 1941—1945 годов.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что патриотический энтузиазм Великой Отечественной войны, являясь колоссальной объединяющей силой, не приведет к экспансионистским войнам в ближайшем будущем.

5. ВОСХИЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛИССИМУСОМ СТАЛИНЫМ.

Ныне это восхищение, безусловно, находится на высшем уровне, но популярность Сталина в будущем будет зависеть от того, насколько он сможет обеспечить не только “масло”, но также и немного “джема” для обычных простых людей. Со всех стороны приходят сведения, что люди стремятся к более высокому уровню жизни и ожидают получить его ¹⁴.

О том, что и сам Сталин осознает это, свидетельствует его последний тост на недавнем ужине с генералами, в котором он призвал выпить за простых людей, без чьих усилий и жертв лидеры ничего бы не смогли сделать ¹⁵.

Если запросы народа будут в разумной степени удовлетворены, вероятно, что позиции Сталина в государстве останутся непоколебимыми.

Неясно, насколько его решения являются его личными решениями ¹⁶ и насколько они реализуются в рамках всей административной цепочки, однако очевидно, что власть Сталина огромна и его личные взгляды, таким образом, имеют колоссальное значение.

6. НЕНАВИСТЬ К НЕМЦАМ.

Этот фактор не будет серьезно влиять на послевоенный период, поскольку русские не мстительны, и Сталин открыто заявил о том, что советская политика не нацелена на разрушение Германии ¹⁷. Противоположная политика уже очевидна в российском отношении к оккупированной Германии.

В то же время страх перед тем, что Германия однажды вновь может напасть на Советский Союз, является глубоким. Русские будут настаивать на политике, которая сделает невозможным, как с военной, так и экономической точки зрения, восстановление Германии в качестве великой державы.

Более того, русские будут требовать максимальных вещественных репараций, которые могут быть взяты с Германии. Их убежденность в том, что их страна пострадала от нацистов в наибольшей степени, может затруднить работу Репарационной комиссии ¹⁸, особенно, принимая во внимание, что Великобритания, Америка и Франция будут оккупировать наиболее значимые в промышленном отношении районы [Германии], из которых Россия захочет получить оборудование, в котором она так сильно нуждается.

В том, что касается отношения к иностранцам в целом: в то время, как официальная Россия крайне подозрительна в отношении контактов с иностранцами и допускает их лишь под строжайшим контролем, сами русские дружелюбны и стремятся к подобным контактам. Настрой против иностранцев сам по себе, по всей видимости, не будет основной причиной какой-либо экспансионистской войны.

7. ВЕРА В КОММУНИСТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ.

Это самый важный вопрос из всех. Без всяких сомнений, было доказано, что советская экономика выдержала испытание войной, но может ли она обеспечить должный и улучшающийся уровень жизни для всех? Нет оснований сомневаться в том, что при условии стабильности, при готовности принять уровень регламентации, который мы рассматривали бы как неприемлемый, она обеспечит, как минимум, уровень жизни, которого российский народ не знал ранее.

Если система обеспечит [людей] благами, вера в нее будет в России всеобщей, и страна будет сильнее, чем когда-либо ранее. Вопрос заключается в том, согласится ли российский народ принять тот уровень регламентации, который будет связан с этой системой? Факторы, склоняющие к утвердительному ответу на этот вопрос, следующие.

Во-первых, перспектива растущей экономики, создающей рабочие места для всех, кто пригоден для них, без различия класса и

вероисповедания, является колоссальным стимулом и крайне привлекательна.

Это сродни Америки на заре расширения на Запад только с меньшими препятствиями для людей, в распоряжении которых имеются лишь их руки и голова.

Во-вторых, очевидным фактом является то, что русские привыкли к тому, что их жизнь регламентируется, они с готовностью поддерживают лозунги, призывающие к совместным усилиям. На протяжении 20 лет индивидуализм был не в цене, а свобода (в нашем понимании) никогда не была известна.

Без сомнения, имеются значительные трудности и дефицит в самых разных сферах, но русские привыкли к подобным вещам. Пусть сегодня нет “масла”, вместе с тем есть вера и надежда на то, что завтра будут и “масло” и “джем”.

В-третьих, существует могущественное НКВД для беспощадной расправы с отступниками, о чем дополнительно говорится в параграфе 9.

Факторы, которые могут вызвать у русских нежелание принимать требуемую регламентацию, следующие. Первый — возрождение патриотизма и восхваление героев и деятелей дореволюционной России оживили в умах многих либеральные и гуманистические идеалы Толстого, Пушкина и других.

Все это может привести к появлению идей, которые отнюдь не во всем соответствуют нынешней российской идеологии.

Однако шансы на то, что подобные идеи повлияют на публичную политику, — весьма малы, и российские власти, вероятно, хорошо осознают риски и сознательно пошли на них, рассматривая последние как неотъемлемую часть своей националистической политики.

Второй и намного более серьезный фактор, который может повлиять на восприятие русскими системы коммунистической регламентации и контроля, это распространение информации и представлений о более высоком уровне жизни, сопряженном с большей личной свободой, который существует в так называемых капиталистических странах.

В этом смысле возвращение в Россию колоссального числа перемещенных лиц, военнопленных и, прежде всего, демобилизованных солдат, которые видели целый ряд стран, где уровень жизни намного выше российского, все это поставит советские власти перед лицом очень тяжелой проблемы: недопущения того, чтобы их народ получил подлинную картину об условиях жизни вне СССР¹⁹.

Подобная политика — суть всех их действий по предупреждению контактов с иностранцами, как вне, так и внутри России, по осуществлению строгой цензуры новостной информации.

Вышеуказанные цели, вероятно, объясняют и их многочисленные жалобы на отношение к российским военнопленным со стороны союзников²⁰. Они прекрасно осознают, что мы хорошо относимся к их военнопленным, но они заранее хотят снизить значение историй о хорошем обращении, которые, безусловно, будут рассказывать сами военнопленные по возвращении в Россию. Нет сомнения и в том, что через освещение своих жалоб в иностранной прессе они стремятся обесценить истории о плохом обращении с союзными военнопленными со стороны русских. Подобные истории, конечно, будут

широко распространены в Великобритании и в Америке, когда наши военнопленные вернутся домой ²¹.

8. КОНТРОЛЬ СО СТОРОНЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Престиж и могущество Коммунистической партии в результате войны не сократились, раскола между партией и Красной армией не произошло, старшие офицеры все в больших масштабах входят в ряды партии.

Численность партии возросла до 5 700 000 чел., все новые шаги предпринимаются для улучшения обучения и воспитания новых членов партии в духе современной коммунистической доктрины. Во всех недавних официальных выступлениях роли партии в управлении и организации военными усилиями всей страны уделялось огромное значение.

Жесткая позиция, занятая Сталиным против “уравниловки”, начиная с 1934 года ²², и улучшение уровня жизни среди высшего руководства, — все это способствует укреплению единства партии и усилению ее лояльности в отношении лидера.

Если советская экономика продолжит расти и создавать все новые и лучшие рабочие места, вряд ли бы появятся причины полагать, что дисциплина и энтузиазм в партийных рядах пойдут на спад.

Среди высшего руководства партии может иметь место борьба за власть, однако, учитывая, что Сталин пережил военный кризис 1941 года, вряд ли стоит думать, что он уступит власть кому-то в 1945 году.

В этом смысле шансы на то, что возобновится борьба по вопросу возврата к политике мировой революции, ассоциировавшейся с именем Троцкого, весьма малы.

НЭП в 1924 году был уступкой в целях покрыть острые внутренние потребности российской экономики. Поворот вправо в советской экономике, начиная с 1938 года, был чем-то большим, чем средством для покрытия военных нужд. Все указывает на то, что речь идет о явной эволюции советской политики.

Таким образом, роль, которую Коммунистическая партия будет играть в мирное время, вряд ли будет отличаться от той, что она играла накануне и во время войны.

9. МОЩЬ НКВД.

Нет сомнения в том, что эта организация как никогда могущественна и эффективна в навязывании правительственной и партийной линии. Имеются документированные сведения о случае, когда майор НКВД лично явился на место событий, дабы помешать одному из командующих фронтом принять приглашение на ужин в отеле, исходившее от известного зарубежного журналиста.

Хотя в сфере контроля может наблюдаться и некоторое послабление, дабы сделать более явным переход от войны к миру, подобное изменение может произойти лишь в результате смены политики.

Российский народ привык к контролю со стороны полиции. Вряд ли стоит ожидать требования с его стороны о ликвидации организации, ставшей частью его жизни, даже если он боится и не любит ее, а остальная часть Красной армии смотрит на нее с некоторой ревностью. Таким образом, НКВД останется крайне могущественным инструментом в руках правительства.

10. МОЩЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ КРАСНОЙ АРМИИ.

Несмотря на недавнее объявление о частичной демобилизации Красной армии ²³, которая может касаться до 40 процентов ее личного состава, она все еще обладает колоссальной силой.

Во всех недавних публичных выступлениях особо отмечалось значение военной силы, необходимость усилить Красную армию путем перевооружения, обучения и учета уроков войны. Тем самым можно не сомневаться, что Красная армия будет представлять собой самую могущественную военную машину на всем сухопутном пространстве от Атлантики до Тихого океана, и советское правительство, если оно посчитает, что того требуют его жизненно важные интересы, может взять с этой огромной территории все, что оно захочет

11. РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Без развития советской промышленности (по сравнению с уровнем 1928 года), без становления новых колоссальных производств за Уралом, советское правительство вряд ли смогло поддерживать в строю те огромные вооруженные силы, которые оно мобилизовало для войны против Германии.

Преобразование Советского Союза из преимущественно аграрного в индустриальное общество ²⁴ было одной из главных целей коммунистической политики с самого начала.

Первый пятилетний план был нацелен на производство промышленного оборудования, необходимого для производства товаров потребления.

Второй пятилетний план был составлен, исходя из потребностей приближающейся войны, и был нацелен на производство “пушек”, в то время как производство “масла” приостанавливалось.

Теперь, с завершением войны, обеспечение “маслом” дальше откладывать нельзя. Тем самым советская экономическая политика в послевоенный период, по всей видимости, начнется с того момента, где остановился первый пятилетний план.

Важно осознавать, насколько колоссален объем работы, которую предстоит осуществить для использования тех природных ресурсов, которыми страна столь щедро одарена.

Положение СССР в этом отношении полностью противоположно тому, в котором до войны находилась Германия, страна, которая уже была полностью индустриализована, но испытывала недостаток природных богатств и, как следствие, считала себя обреченной на экспансию. Пройдет много лет перед тем, как Советский Союз сможет обеспечить своему народу тот уровень жизни, который позволяют иметь его природные ресурсы.

12. Вышеприведенный обзор рисует образ СССР как политически стабильного государства, очень могущественного в военном и промышленном отношении.

Перед ним стоят две крупные проблемы: повысить уровень жизни своему народу, сохранить политическую стабильность. Дабы достичь этих целей советское правительство будет стремиться предохранить себя от крупномасштабных войн и поддерживать железный занавес ²⁵ между Россией и внешним миром.

13. РОССИЙСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА В 1917—1945 ГОДАХ.

Российская [внешняя] политика, начиная с [Октябрьской] революции, была реалистичной, оппортунистской и направлялась исключи-

тельно российскими интересами в той форме, как они интерпретировались Лениным и Сталиным. Первый период, с 1917 по 1921 год, был периодом максимальных усилий по обеспечению революций в других странах, что должно было подорвать усилия зарубежных государств по оказанию помощи антибольшевистским силам в Гражданской войне.

Второй период, с 1921 по 1934 год, когда никакая крупномасштабная агрессия против СССР не представлялась возможной ²⁶, был отмечен изоляционизмом, заключением пактов о ненападении с соседями и общей атмосферой недоверия к другим государствам и институтам, включая Лигу наций.

На протяжении третьего периода, с 1934 по 1939 год, СССР стоял перед лицом перспективы враждебной Германии и враждебной Японии. Он вступил в Лигу наций, принял активное участие в Конференции по разоружению и начал вести пропаганду за создание антифашистского фронта.

Тот факт, что СССР проигнорировали на Мюнхенской конференции, а также его решимость защитить себя от Германии настолько, насколько возможно, вызвали резкое изменение в политике и поворот к агрессивному изоляционизму в 1939 году.

Он заключил договор о ненападении с Германией в августе, участвовал с ней в новом разделе Польши в сентябре с целью создания большей глубины своей оборонительной зоны и через год аннексировал балтийские государства и воевал с Финляндией, стремясь приобрести важные стратегические преимущества.

С началом войны против Германии СССР подписал англо-российский договор, принял Атлантическую хартию и “четыре свободы” ²⁷, поставил свою подпись под Уставом Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско.

14. Из этого резюме очевидно, что советская политика, начиная с 1921 года, руководствовалась советскими интересами, а не идеологическими формулами. Фундаментальной целью советской политики до этого всегда было сохранение мира с целью обеспечить себе возможность сосредоточиться на решении своих внутренних проблем.

Внутреннее развитие СССР было прервано войной, и до масштабного прогресса в этом отношении, какие-либо изменения в указанной фундаментальной политике маловероятны.

15. СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В БУДУЩЕМ.

Стремясь предугадать будущую советскую политику, важно помнить, что, хотя их официально озвученные цели и, более того, их реальные цели могут быть идентичными, или, во всяком случае, невраждебными, целям союзников, Советы могут применять средства для достижения этих целей, которые вызовут неприятие у демократических государств.

В целом верным будет сказать, что политика Великобритании и Соединенных Штатов основана на моральных принципах в той форме, как мы их понимаем; мы не готовы серьезным образом порывать с этими принципами для достижения тех или иных целей. Политические действия, которые не согласуются с нашими демократическими принципами, не получают необходимой поддержки. Советское правительство, напротив, не ощущает себя связанным подобными соображениями.

В соответствии с нашими стандартами, подобный подход аморален, советское правительство будет использовать любые методы для достижения своих целей, за исключением тех, которые, с его точки зрения, вступают в конфликт с его постоянными интересами. Политика советского правительства (будь то включение своих соседей в состав Советского Союза, создание марионеточных правительств в рамках своей сферы влияния, или создание военных баз за пределами своих границ) может быть сдержана лишь угрозой войны такого масштаба, которой не хочет советское правительство, либо всеобщим неодобрением [действий СССР], которое советское правительство сочтет противоречащим его постоянным интересам.

Примеры тому можно найти в событиях прошлых недель вокруг Польши и по вопросу о голосовании, обсуждавшемся в Сан-Франциско²⁸. В каждом из них советское правительство, осознав, что практически все мировое общественное мнение настроено против него, пошло на уступки. В случае Польши сила союзных военно-воздушных сил и армий также сыграла свою роль.

Советские власти хорошо осознают угрозу для своего режима, которая может исходить от влияния на его полуобразованный народ западных идей либерализма, личной свободы, и материального уровня жизни.

Они не захотят тем самым подвергать значительное число советских граждан «заражению» со стороны Запада и будут держать значительное количество войск в таких странах как Польша, Венгрия, Австрия и Чехословакия, в которых даже сейчас мужчины и женщины, вероятно, обладают более высоким уровнем жизни, чем в Советском Союзе.

Национализм в вышеуказанных странах силен, и советское правительство не захочет инкорпорировать их в состав Советского Союза, по крайней мере, на данном этапе, особенно учитывая, что мировая негативная реакция на это будет очень интенсивной.

Таким образом, советское правительство будет стараться использовать возможности, предоставленные оккупацией, для того, чтобы избавиться от как можно большего числа политических деятелей на правом фланге. Используя свое влияние для насаждения как можно более левых правительств, советское правительство затем может вывести свои войска²⁹.

Кратко говоря, советская политика будет состоять в том, чтобы включить в Советский Союз любое государство, которое, с его точки зрения, он может поглотить, не потеряв внутреннего единства; создать подконтрольные государства на своих границах и советские базы за рубежом.

Пределы этой политике определяются намерением Советского Союза:

(а) Не быть вовлеченным в войну такого масштаба, которая бы помешала его промышленному развитию.

(б) Не стать объектом такого широкомасштабного осуждения со стороны Объединенных Наций, которое бы нанесло вред постоянным советским интересам.

(в) Не подвергать себе риску широкомасштабных контактов между советскими гражданами и гражданами стран, подверженных влиянию Запада.

16. НАША БУДУЩАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РОССИИ.

Первая ключевая характеристика наших действий в отношении с советским правительством должна состоять в том, что любая политическая линия, которую мы выберем, должна быть абсолютно здоровой, готовой выдержать самый критический анализ в свете демократических принципов, которые мы исповедуем. В то же время она должна иметь такую форму и содержание, дабы мы могли представить ее русским как связанную с нашими жизненно важными материальными и военными интересами.

Русские обратят мало внимания на аргументы, основанные исключительно на идеях правосудия и свободы, которые не имеют никакого веса на их шкале ценностей.

Вторая ключевая характеристика нашей политики состоит в том, чтобы мы были уверены: в ее поддержку нам удастся мобилизовать поддержку Объединенных Наций и в особенности Соединенных Штатов. Это должна быть политика, за которую и мы сами будем готовы сражаться. Нам стоит избегать какой-либо политической линии, которую нельзя провозгласить или объяснить нашему народу и миру в простых терминах. Отсюда напрямую вытекает вопрос: что нам делать с “железным занавесом”, проходящим ныне через Восточную Европу?

17. Вопросы об открытости, цензуре, информации и личных контактах между гражданами, как и между Великобританией и СССР, крайне сложны.

Однако одна вещь представляется ясной: в демократической стране, такой как наша, если правительство хочет иметь необходимую поддержку для проведения эффективной внешней и военной политики, электорат в целом должен обладать подлинными фактами об условиях за рубежом.

Отсутствие подобных сведений было одним из главных факторов, объясняющих слабость нашей внешней политики между 1918 и 1939 годом.

В настоящее время в том, что касается СССР, народ Великобритании не информирован о подлинных фактах. В гонке между демократией и тоталитаризмом лошадь тоталитаризма бежит под лживой мастью, а данные о ее весе сфабрикованы. Нашей целью должно стать раскрытие ее истинной масти и обеспечение того, чтобы информация о ее истинном весе была опубликована.

Нереалистично было бы ожидать, что советское правительство на данном этапе изменит свою внутривластную политику в вопросах цензуры и пропаганды.

Любая попытка заставить их сделать это, лишь озлобит их и делает отношения хуже.

Вместе с тем, хотя советское правительство и не захочет соглашаться на это, ему будет непросто сопротивляться общему требованию со стороны других Объединенных Наций опубликовать за рубежом полную и объективную информацию об условиях в Советском Союзе. Их позиция в этом вопросе крайне слаба, а, учитывая, что лучшая оборона — нападение, мы должны использовать эту слабость в полной мере.

Такая политика, как представляется, дает нам наилучшие шансы для самоутверждения и перехвата инициативы в наших отноше-

ниях с советским правительством, что является вопросом огромной важности.

Аргумент, который мы должны использовать, а он является весьма правдивым, заключается в том, что другие Объединенные Нации никогда не будут доверять СССР, если советское правительство будет настаивать на том, чтобы любая информация о его действиях, за исключением выбранной им самим, не была известна за рубежом.

Если советское правительство согласится на это, безусловно, это приведет к тому, что контакты между русскими и гражданами других стран станут более частыми, и информационный поток перестанет быть односторонним.

Все это может помочь и приблизить то время, когда советское правительство реализует обещание, данное в Конституции 1936 года о свободе слова, прессы и собраний. В настоящее время все это — мертвая буква.

Пытаться сделать что-то большее, чем обрисовано выше, было бы неразумным, но сделать меньше — было бы еще глупее. Практически точно мы не можем преобразовать или подорвать российскую экономику прямым психологическим ударом по системе, но мы можем и должны стремиться к тому, чтобы наша политика не была испорчена или подорвана ввиду утаивания или незнания правды.

Неизвестно, имеются ли в Уставе [Организации] Объединенных Наций какие-либо статьи, связанные со свободой прессы, контактов между гражданами, цензуры и т.п., но, если они есть, их необходимо полноценным и свободным образом использовать в поддержку политики, намеченной выше.

18. Подытоживая: наша политика всегда должна строго соответствовать нашим собственным наилучшим стандартам; это должна быть политика, которую можно в простых выражениях объяснить миру в целом; за нее мы должны быть готовы сражаться.

Представляя нашу политику российским лидерам, мы должны избегать подкрепления ее излишне моральными аргументами, которые они не признают. Но мы должны представлять ее твердо, подчеркивая, что на кону стоят наши жизненно важные интересы.

Мы должны также обеспечить ситуацию, при которой наша страна и мир были бы полностью информированы об условиях в Советском Союзе и в Европе, дабы наш собственный народ мог составить правильное суждение.

Вместе с тем мы должны признать, что советское правительство рассматривает распространение зарубежных идей среди своего народа так же, как мы рассматриваем заболевание ног и рта у нашего скота; оно готово принять аналогичные меры для его ликвидации.

Таким образом, было бы бесполезно и вредно для наших собственных интересов пытаться переделать советский народ вопреки желаниям его лидеров.

19. В течение передышки нескольких ближайших лет задача будет состоять в том, чтобы убедить советских *лидеров*: идеи, зафиксированные в Уставе [Организации] Объединенных Наций действительно служат постоянным интересам России, а не являются неосуществимыми идеалами».

Примечания

1. Генерал-лейтенант Ф.Н. Мэйсон-Макфарлейн (июнь 1941 — май 1942 г.), контр-адмирал Дж. Майлс (май 1942 — март 1943 г.), генерал-лейтенант Дж. ле К. Мартель (март 1943 — февраль 1944 г.), генерал-лейтенант Б. Бэрроуз (март-октябрь 1944 г.), контр-адмирал Э. Арчер (октябрь 1944 — май 1945 г.), генерал-лейтенант Дж. Гэммелл (май-сентябрь 1945 г.).
2. С. Криппс (май 1940 — январь 1942 г.), А.К. Керр (февраль 1942 — январь 1946 г.).
3. Осенью 1945 г. это казалось вполне возможным на фоне прошедшего визита Д. Эйзенхауэра в СССР (август 1945 г.) и обсуждавшейся идеи об ответном визите Г.К. Жукова.
4. Стоит отметить, что, ввиду памятной записки, подписанной У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом в Гайд-парке в сентябре 1944 г., на использование атомной бомбы требовалось не только решение США, но и согласие британской стороны. Оно было дано 4 июля 1945 года. См. подробнее: HUMANS J.E.C. Britain and Hiroshima. — *Journal of Strategic Studies*. 2009, vol. 32, № 5, p. 769—797.
5. Правда. 8.VIII.1945.
6. С июня 1945 г. название журнала — «Война и рабочий класс» (выходил с июня 1943 г.).
7. ВАВИЛОВ С. Наука и новый пятилетний план. — *Известия*. 8.IX.1945.
8. Известный советский физик П.Л. Капица (1894—1984) работал в Кавендишской лаборатории Кембриджского университета с 1921 по 1934 год.
9. Аналогичным был вывод «Ежегодного отчета о положении дел в Советском Союзе» за 1945 г., составленного в британском посольстве в Москве в октябре 1946 г.: «Они ощущали себя непобедимыми; все складывалось как нельзя лучше. Но внезапно эта их самоуверенность растаяла в дыму атомных бомбардировок, убедительно показавших, что союзникам уже не требуется помощь Советов для разгрома Японской империи, и попутно открывших советским лидерам глаза на то, о чем они напрочь забыли в упоении собственной победой: на громадное техническое превосходство Запада». *Путь к Великой Победе*, с. 870.
10. Первый пятилетний план принят в 1928 г. (на период 1928—1932 гг.), второй — в 1934 г. (на период 1933—1937 гг.).
11. Схожим был вывод и американского Объединенного комитета по разведке от 15 ноября 1945 г.: «Советский режим преуспел там, где провалился царский — в развитии лояльности Союзу со стороны различных национальностей и этнических групп». Цит. по: ПЕЧАТНОВ В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М. 2006, с. 263.
12. Британское посольство в Москве еще в обзоре событий за 1943 г. отмечало, что «испытательный срок для отличившихся в боях кандидатов в члены Коммунистической партии был сокращен с одного года до трех месяцев — мера, направленная на увеличение в армии числа членов партии». *Путь к Великой Победе*, с. 491.
13. Имеются в виду международные конференции Объединенных Наций в Думбартон-Окс (Вашингтон, 21 августа — 7 октября 1944 г.) и Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.).
14. Подобные настроения, действительно, присутствовали в среде рядовых советских граждан, о чем красноречиво говорят письма, отложившиеся в архиве ЦК КПСС. «... мы — советский народ — отстаивали нашу Родину в период Отечественной войны не для того, чтобы люди не имели возможности есть вдоволь хлеб, а для действительной зажиточной и богатой жизни», — говорилось в письме одного из председателей колхоза в Тамбовской области 1952 года. *Коммерсант-Власть*. 14.03.2016, № 10, с. 46.
15. Речь идет об известном госте Сталина «За русский народ!», произнесенном на приеме в Кремле 24 мая 1945 г. в честь командующих войск Красной армии. См.: НЕВЕЖИН В.А. Сталин о войне. Застольные речи 1933—1945 гг. М. 2007, с. 226—282.
16. В условиях максимальной закрытости принятия политических решений в СССР зарубежные дипломаты высказывали целый ряд гипотез и домыслов об относительной роли Сталина и его советников, о влиянии СНК и Политбюро, военных

- и других структур (см., к примеру, размышления известного советника посольства США в СССР Дж. Кеннана в сентябре 1944 г. в: FRUS. 1944. Vol. 4. Washington. 1966, p. 909—910). В британском Форин Офис в ходу была идея о двух «школах мысли» в Кремле: одной, нацеленной на сотрудничество с Западом (ассоциировалась с некоторыми кругами НКВД и во многом с самим Сталиным), второй, — изоляционистской и нацеленной на обеспечение советских интересов собственными силами и жесткими методами (связывалась с рядом членов Политбюро и НКВД). См.: FOLLY M. Op. cit., p. 475.
17. В выступлении по радио 9 мая 1945 г. Сталин подчеркнул, что «Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию». Правда. 10.V.1945.
  18. Создана 11 февраля 1945 г. по решению Крымской (Ялтинской) конференции с центром в Москве. См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сб. документов. Т. IV. М. 1984, с. 259.
  19. Проблема ожиданий перемен в СССР, которые принесли с собой многие ветераны, действительно, была немаловажной для советского общества после войны. Как отмечает В.М. Зубок, «в 1945 г. некоторые наиболее образованные и нравственно развитые офицеры советской армии испытывали те же чувства, что некогда ощущали декабристы, вернувшиеся в Россию после победы над Наполеоном. Один из таких ветеранов вспоминал: “Мне казалось, что за Отечественной войной непременно последует бурный общественный и литературный подъем — как после войны 1812 года...”» ЗУБОК В.М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачёва. М. 2011, с. 19. Схожую ситуацию в сентябре 1945 г. описывал и сотрудник британского посольства в Москве Ф. Робертс: солдаты, вернувшиеся из-за рубежа, «склонны сожалеть о том, что за рубежом они обнаружили больше свободы и лучшие материальные условия, а также задаваться вопросами о некоторых аспектах советской системы». Roberts to FO, 27/09/45. In COS (45) 615 (O). — TNA, CAB 80/97.
  20. Обращения посла СССР в Великобритании Ф.Т. Гусева в Форин Офис см.: САНУ, т. 2, с. 317, 320—321.
  21. На деле многие американские военнопленные, оказавшиеся на территории, освобожденной Красной армией, и через Одессу переправленные на запад, считали условия своего содержания в СССР «настолько хорошими, насколько можно ожидать». ПЕЧАТНОВ В.О., МАГАДЕЕВ И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 2. М. 2015, с. 454.
  22. В отчетном докладе XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) (26 января 1934 г.) Сталин уделил особое внимание критике тенденции к «уравниловке», сказав, среди прочего, что «всякому ленинцу известно, если он только настоящий ленинец, что уравниловка в области потребностей и личного быта есть реакционная мелкобуржуазная нелепость, достойная какой-нибудь первобытной секты аскетов, но не социалистического общества, организованного по-марксистски...» СТАЛИН И.В. Сочинения. Т. 13. М. 1951, с. 354.
  23. По всей видимости, речь шла о законе СССР от 23 июня 1945 г. «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии». См.: Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13(2—3). М. 1997, с. 378—379.
  24. Схожий факт в сентябре 1943 г. помощник государственного секретаря США А. Берли описал в следующих словах: «... население, наконец, стало весьма эффективно пользоваться благами механизации (как писал [американский писатель] Морис Хиндус, “мужик освоил машину”)...». Путь к Великой Победе, с. 441.
  25. Это выражение, весьма активно употреблявшееся Черчиллем уже в мае 1945 г., как считается, своим источником имело радиобращение нацистского министра финансов И. Шверин фон Крозига, говорившего о «железном занавесе» с Востока, который продвигается вперед. Об этом выступлении сообщалось в «Таймс» 2 мая. См.: GILBERT M. Winston S. Churchill. Vol. VIII. Boston. 1988, p. 7.

26. Гэммелл переоценивал уровень «успокоенности» советского руководства в тот период, Кремль продолжал опасаться масштабной войны с капиталистическими странами. Наиболее известным эпизодом в этом отношении была «военная тревога» 1927 года. См.: КЕН О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.). М. 2008, с. 42—52.
27. Провозглашены в речи Ф. Рузвельта Конгрессу США 6 января 1941 г.: свобода слова, вероисповедания, свобода от нужды, свобода от страха.
28. Речь шла о двух событиях, в которых СССР пошел на некоторые уступки западным странам: формирование 28 июня 1945 г. коалиционного Временного правительства национального единства в Польше; общее заявление великих держав 7 июня в ходе Сан-Францисской конференции о возможности голосования в Совете Безопасности простым большинством по процедурным вопросам (при возможности предварительного голосования с целью определить, является ли вопрос процедурным; при данном голосовании требовалось единогласие постоянных членов Совета).
29. Подобные ожидания британских военных и дипломатов развивались и осенью 1945 г., когда в кругах военного министерства и Форин Офис курсировала информация о проблемах Красной армии с продовольствием в странах Центральной и Восточной Европы, о недовольстве местного населения и о проблемах с поддержанием дисциплины в советских войсках. FO to COS, 10/10/45; From 30 Military Mission, 21/09/45. In COS (45) 615 (O). — TNA, CAB 80/97.

Секретная немецкая летная школа и испытательный центр в Липецке в 1925—1933 гг.

Е.С. Полуни, В.В. Теплухин

Аннотация. В работе представлен анализ исторического развития секретной немецкой летной школы и испытательного центра в Липецке на фоне советско-германского военно-политического сотрудничества 1920-х — начала 1930-х годов. Автор затрагивает следующие основные вопросы истории Липецкого военно-учебного центра рейхсвера: причины военной кооперации и возникновения центра в Липецке, материально-техническая база школы, организация учебного процесса и испытаний, характеристика немецкого и советского персонала и летного состава, предпосылки расформирования Липецкого центра и итоги его деятельности для России и Германии.

Ключевые слова: СССР, Германия, военно-политическое сотрудничество, Липецкий военно-учебный центр рейхсвера, обучение летного состава, испытания авиатехники, вооружения и оборудования.

Abstract. The work presents an analysis of the historical development of the secret German flying school and test center in Lipetsk on the background of the Soviet-German political and military cooperation 1920 — the beginning of the 1930s. The author addresses the following key questions in the history of Lipetsk military training center Reichswehr: causes military cooperation and the emergence of the center of Lipetsk, material and technical resources of school, organization of educational process and test, characteristics of German and Soviet personnel and flight crew, conditions the dissolution of the Lipetsk center and the results of its activities for Russia and Germany.

Key words: The Soviet Union, Germany, the military-political cooperation, Lipetsk military training center Reichswehr, flight crew training, Test aircraft, weapons and equipment.

---

70 лет назад победой советского народа завершилась самая кровопролитная в мировой истории война, однако интерес к многочисленным

Полунин Евгений Сергеевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина. Воронеж. E-mail: evgeny.polunin1989@yandex.ru; *Теплухин Вячеслав Владимирович* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Военно-воздушной академии им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина. Воронеж. E-mail: v.v.teplukhin@mail.ru.

Polunin Evgeny S. — candidate of historical sciences, researcher professor at the Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin. Voronezh. E-mail: evgeny.polunin1989@yandex.ru; *Teplukhin Vyacheslav V.* — candidate of historical sciences, researcher professor at the Air Force Academy named after professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin. Voronezh. E-mail: v.v.teplukhin@mail.ru.

вопросам ее предыстории не угасает до сих пор. Одной из таких проблем является восстановление военного потенциала Германии после первой мировой войны, несмотря на наложенные условиями Версальского мирного договора ограничения. В этом контексте представляется перспективным обратиться к основным аспектам истории секретной немецкой авиашколы в Липецке (1925—1933), роль которой в процессе возрождения германских ВВС в преддверии второй мировой войны активно обсуждается в отечественной и зарубежной историографии советско-германского военно-политического сотрудничества межвоенного периода.

В советской исторической науке тема немецкого военно-учебного центра в Липецке не получила широкого освещения¹. К ней обратились уже современные отечественные историки. В 1990-е гг. появились публикации С. Горлова, С. Ермаченкова, С. Мишанова, В. Захарова, Д. Соболева, Д. Хазанова, в которых история Липецкой немецкой летной школы рассматривалась, как правило, в качестве одного из аспектов военного взаимодействия советских ВВС и рейхсвера². Важным событием для истории изучения проблемы стал выход в 1992 г. сборника Ю. Дьякова и Т. Бушуевой, в котором впервые широкой общественности были представлены документы советско-германского военно-технического сотрудничества. В последние годы также появились некоторые новые труды по данному вопросу. Особого внимания среди них заслуживают работы В. Масликова и Ю. Тихонова³. На западе сложилась собственная традиция изучения секретной Липецкой летной школы, среди представителей которой можно назвать историков М. Цайдлера и У. Фолькера⁴. И российские, и немецкие исследователи с привлечением доступных им источников попытались ответить на вопрос о значении Липецкого центра для России и Германии в то время. С учетом их опыта и на основе документов (протокола договора об образовании школы, отчетов участников событий и других) в настоящей публикации реконструируется история немецкой авиашколы в Липецке от становления советско-германской военной кооперации и организации учебного центра до причин постепенного сворачивания сотрудничества и расформирования школы.

Сложившаяся после первой мировой войны в Европе международная ситуация объективно толкала молодые Советскую и Веймарскую республики в объятия друг друга. Обе страны, первая как источник революционных брожений, вторая как агрессор, оказались в изоляции. Германия, по решению держав-победительниц, была сильно ограничена в военной сфере, в частности, потеряла ВВС и возможность проводить разработки в области военной авиационной промышленности⁵. Однако в Германии хорошо понимали, что война в будущем немислима без современных ВВС, и вскоре начали искать возможность продолжения испытаний техники и подготовки военных летчиков в обход Версальских запретов. Искать поддержки на западе в то время для немцев не представлялось возможным, поэтому «после подписания Версальского договора германские правящие круги все больше обращают свои взоры к Советской России»⁶.

С другой стороны, советские власти, нацеленные на модернизацию страны, были заинтересованы в получении новейших техноло-

гий, которых не следовало ожидать от агрессивно настроенных к Советской России союзников по Антанте. В особо тяжелом положении находилась авиация обеих стран, у России самолетный парк устарел и не обновлялся, а военные самолеты Германии по приказу держав-победительниц утилизировались без права производить новые. Удачным выходом из этой ситуации для немцев стало партнерство с Россией, также заинтересованной в военной кооперации ввиду потребности в новой военной технике после опустошительной Гражданской и неуспешной советско-польской войн. Исторический феномен взаимовыгодного сотрудничества Советской России и Германии в 1920-е — 1930-е гг. получил в советской научной литературе название рапалльская политика ⁷.

Кажущаяся на первый взгляд схожесть послевоенного положения в Германии и России не подтверждается при ближайшем рассмотрении. Горлов и Ермаченков подчеркивают принципиальную разницу в целях будущих партнеров: в Советской России пытались построить новое современное общество и армию, а в Германии правые слои общественности стремились возродить утраченную военную мощь и взять реванш за поражение в мировой войне ⁸. Советское правительство рассчитывало на созидательное использование немецкого научно-технического потенциала, постройку немецких оборонных предприятий (в частности, авиационного), восприятие опыта приглашенных немецких специалистов. А главной целью Германии стал обход небезосновательно наложенных на страну ограничений в военной области ⁹. При этом статья 179 третьей главы Версальского договора прямо запрещала Германии посылать граждан в иностранные армии, в том числе, с целью обучения ¹⁰. Во всяком случае, часть военной и политической элиты Веймарской республики рассчитывала на ревизию Версальско-Вашингтонской системы. Разумеется, усиление Советской России ни в коем случае не входило в планы германских военных руководителей. Они лишь рассчитывали на ее нейтралитет в случае франко- или польско-германского конфликта, а также на поставки боеприпасов и сырья с востока ¹¹.

Ряд событий первой половины 1920-х гг. окончательно склонил чашу весов в пользу советско-германского военно-политического сотрудничества. С введением франко-бельгийских войск в Рурскую область 11 января 1923 г. из-за уклонения немцев от выполнения репарационных обязательств рухнули надежды на быстрое крушение Версальской системы, и проявилась слабость Германии того времени. Веймарская республика лишилась 70% добычи каменного угля, свыше 50% чугуна, западные районы оказались отрезаны от остальной территории страны. В этих условиях германские верхи провозгласили политику «национального единения» и «пассивного сопротивления». Лишь Советская Россия поддержала Германию, осудив оккупацию Рейнланда и Рура в обращении ВЦИК к народам всего мира от 13 января 1923 г. и в ответе на ноту германского посольства 17 января того же года. Именно тогда руководство рейхсвера заказало в Нидерландах 100 новых самолетов «Фоккер D XIII», впоследствии ставших основой самолетного парка Липецкой секретной авиашколы. К тому времени наблюдался и идеологический поворот в Советской России: большевики выработывали стратегию поведения в условиях поражения но-

ябрьской революции в Германии и переноса на перспективу мирового революционного процесса по итогам советско-польской войны. Наконец, отправным импульсом для налаживания военной кооперации стало установление дипломатических отношений между странами по Рапальскому договору, открывшем почти десятилетний период двустороннего сотрудничества между странами. Важно принять во внимание, что до Генуэзской конференции в Германии еще не были уверены в целесообразности партнерства с Советской Россией и надеялись на скорый пересмотр западными странами Версальских ограничений ¹².

Созданию немецких учебно-научных центров в Советской России предшествовали другие формы сотрудничества в военной области. Первые контакты рейхсвера и советских представителей относятся еще к августу-сентябрю 1920 года. В том же году заседание Политбюро одобрило организацию немецких военных учебных курсов на советской территории. С 1920 по 1923 г. в Берлине и в Москве прошла серия секретных переговоров о сотрудничестве, в которых с самого начала военная авиация рассматривалась как один из важнейших вопросов. С немецкой стороны была задействована созданная к началу 1921 г. под управлением майора Фишера «Особая группа Р» («R» — Russland, Россия), в русском варианте «Вогру» (военная группа). Ее исполнительным органом в Москве стала образованная в конце 1923 г. «Особая группа / Зондергруппа Москва» или «Центр Москва» (Sondergruppe / Zentrale Moskau). Возглавлял группу Герман фон дер Лит-Томзен (в 1928—1931 гг. — Оскар фон Нидермайер, в 1931—1933 гг. — Л. Шюттель) ¹³, функции заместителя выполнял Нидермайер ¹⁴, вопросами авиации занимался капитан Ратт. 11 августа 1922 г. рейхсвер и Красная армия заключили секретное соглашение, по которому Россия разрешала немцам обучать военные кадры и вести испытания на своей территории. Взамен Германия обязалась передать свой технический опыт для развития советской военной промышленности и допускать советских специалистов к участию в испытаниях.

Военно-учебный центр рейхсвера в Липецке стал первым и самым крупным. Закономерно встает вопрос, почему выбор пал именно на этот город. Первое время немецкие летчики тренировались на аэродроме Смоленска (в начале 1920-х гг. немцы обучали здесь советских военлетов), а в проектах местом размещения школы до июля 1923 г., до визита А.П. Розенгольца в Берлин, рассматривалась Одесса ¹⁵. Масликов приводит комплекс причин, обусловивших в итоге выбор Липецка: оптимальная удаленность от Москвы, умеренный климат и достаточное количество теплых солнечных дней для полетов, наличие водоемов для обучения морских летчиков и даже курортов для восстановления здоровья ветеранов первой мировой войны ¹⁶. Те же соображения высказываются в монографии Тихонова, за исключением одного: стратегической важности расположения Липецка на железной дороге из Риги в Царицын, по которой шли поставки немецкой техники и переброска офицеров ¹⁷. Однако самым значимым из приведенных аргументов представляется наличие в Липецке аэродрома с сопутствующей инфраструктурой.

В преддверии открытия немецкого центра Липецк посетила группа немецких пилотов, осмотревших объекты и подсчитавших расходы ¹⁸.

Юридической базой для создания школы стал подписанный 15 апреля 1925 г. договор (в немецкой литературе — Липецкий договор). Подписи под ним поставили начальник Управления ВВС РККА П.И. Баранов и Лит-Томзен как представитель оперативного штаба по руководству немецкими военными объектами на территории России. Лит-Томзен, в свою очередь, заключил договор с руководителем школы Вальтером Штаром, а тот — с каждым из персонала¹⁹. Так достигалась формальная непричастность германского правительства. Договор оформил согласие советских ВВС с организацией на базе Липецкого аэродрома немецкой летной школы и станции авиационной техники; а также бесплатную аренду «Зондергруппой Москва» бывшей липецкой фабрики и других построек для организации лагерных и жилых помещений. Все началось с подготовки материально-технической базы и инфраструктуры. По мнению немецких авторов, опереться в этом вопросе на расположенные в Липецке объекты можно было лишь в малой степени²⁰.

Основные необходимые школе постройки перечислялись во второй части договоренностей: ангары для самолетов, мастерская, здание администрации, складские помещения для бензина и амуниции. Имеющиеся помещения подлежали ремонту и перестройке, некоторые объекты возводились с нуля. Ремонтно-строительные работы, которые, согласно приложениям к договору, брала на себя советская сторона, а оплачивала «Зондергруппа Москва» (по сути — германское Министерство обороны), полагалось завершить к 30 июня²¹. Немцы смогли быстро реконструировать здания, возвести два небольших ангара и ремонтную мастерскую, благодаря чему летную школу или как ее называли в Германии «Вифупаль» — научно-испытательную и образовательную станцию (WIVUPAL, Wissenschaftliche Versuchs- und Personalausbildungsstation) — удалось открыть уже 15 июля 1925 года. Всего к 1929 г. было построено пять самолетных ангаров, пять жилых домов, восемь барачных, казино. Жилых помещений не хватало, поэтому приходилось снимать квартиры в городе (руководство школы разместили в здании дореволюционной постройки). Среди обустроенных объектов были также испытательные площадки, санитарные помещения с операционным залом, две взлетно-посадочные полосы, два стенда для испытания моторов, телефонная станция, склады для горючего, церковь и многое другое. Строительство особенно активно велось в 1926—1929 гг. и обошлось немецкой стороне более чем в миллион рублей²².

Главной ценностью для школы, безусловно, являлся ее самолетный парк, формирование которого, ввиду протяженности пути в Советскую Россию и секретности проекта, было непростой задачей. Липецкий договор регулировал лишь основной, морской, маршрут через порт Ленинграда (советская сторона брала на себя освобождение грузов от таможенного контроля и транспортировку до Липецка). Однако поставки шли также по железной дороге из Кенигсберга через Литву и Латвию и по воздуху в форме беспересадочных полетов на большой высоте для самых ценных грузов. Транспортировкой занимались смешанные торгово-транспортные фирмы: «Русско-германское транзитное общество» и «Русско-германское торговое акционерное общество». Основу авиапарка секретной школы составили луч-

шие на тот момент самолеты «Фоккер D XIII», закупленные «Вогру» в 1923—1925 гг. на средства «Рурского фонда» у перенесенной в Нидерланды фирмы Фоккера. 50 из 100 приобретенных самолетов прибыли в Россию морским путем из Штеттина в Ленинград 28 июня 1925 г. на пароходе «Эдмунд Гуго Стиннес»²³. Школа приобрела также разные типы бомбардировщиков, разведчиков и транспортных самолетов. Например, в учебных целях использовался «Хейнкель D XVII», семь таких двухместных боевых самолетов прибыли в Липецк в 1926 году. Его сменил «Альбатрос L-76/77». Учебно-тренировочные полеты выполнялись также на легких летательных аппаратах «Альбатрос L-68» и моноплане «Альбатрос L-69»²⁴. Авиационный парк школы все время рос. Если осенью 1926 г. там насчитывалось 52 самолета: 34 «Фоккер D XIII», один «Фоккер D VII», 8 разведчиков «Хейнкель HD XVII», несколько учебных «Альбатросов», по одному учебному «Хейнкель HD XXI» и «Юнкерс A XX», то к 1 ноября 1930 г. по архивным данным школа располагала 59 «Фоккер DXIII», двумя «Фоккер DXVII», одним «Хенкель XD40», шестью «Хенкель XDVII», пятью «Альбатрос L76». В единичном экземпляре также были представлены самолеты «Юнкерс A20/35», «Юнкерс F13», «Юнкерс K47», «Дорнье Меркур», «Рорбах-Роланд»²⁵. Лит-Томзен уделял особое внимание технической базе школы, чтобы будущие немецкие военные летчики во время своего обучения были обеспечены всем необходимым²⁶.

Липецкая секретная немецкая авиашкола состояла из штабной группы и двух учебных эскадрилий: летчиков-истребителей и летчиков-наблюдателей (корректировщиков). При школе работали группа авиационных испытаний, авиационные мастерские и склады, радиостанция, фотолаборатория. Советская сторона разрешила также эксплуатацию полигона под Воронежем, где, например, прошли совместные учения с советскими артиллеристами. У авиашколы были следующие подразделения: 1-е — административное (отвечало за контакты с советским окружением, за найм советских рабочих, соблюдение трудовых норм, разбор конфликтов), 2-е — хозяйственное, 3-е — санитарное, 4-е — финансовое. Военными учебными центрами из Москвы руководил О. фон Нидермайер, а из Берлина — разведывательный отдел германского генштаба. Конкретно Липецкой школой в Германии занималась «Инспекция № 1». С советской стороны контакт с немцами осуществлял аппарат особого представительства штаба 4-го неотдельного авиаотряда в составе командира и начальника штаба, именовавшийся «часть A5». Командовал отрядом комбриг Зиновий Райвичер, с 1930 г. — Владимир Орлов (из-за конфликта с руководителем школы В. Штаром обоих перевели из Липецка), с 1931 г. — Александр Томсон²⁷.

Основной деятельностью Липецкого военно-учебного центра рейхсвера была подготовка немецких летчиков и проведение испытаний новых образцов авиационной техники, авиаприборов и вооружения. На территории Германии была возможна лишь начальная подготовка летного состава в спортивных или гражданских авиационных школах, а военное образование пришлось перевести за рубеж. План обучения готовился в Берлине «инспекцией № 1». Первыми в Липецке должны были пройти переподготовку ветераны первой мировой вой-

ны, которым затем в качестве инструкторов предстояло готовить новое поколение летчиков из откомандированных в Россию после немецких школ гражданской авиации. Программу обучения пришлось создавать с нуля на основе полученного в Липецке практического опыта. Тихонов выделяет три этапа истории обучения немецких летчиков в Липецке: 1925—1927 гг. — переобучение персонала и ветеранов войны, 1928—1930 гг. — подготовка летчиков-истребителей и летчиков-наблюдателей, 1930—1933 гг. — обучение исключительно летчиков-истребителей²⁸.

Договор от 15 апреля 1925 г. определил четырехнедельный срок для курса подготовки летчика с перерывом между курсами в одну неделю. Первый курс запланировали на период с 15 июля по середину августа. Группа обучавшихся состояла из 6—7 человек. Всего было три учебных курса: начальная подготовка летчиков, подготовка летчиков-истребителей и летчиков-корректировщиков. За год проходили обучение пилоты четырех курсов²⁹. С 1925 г. готовили летный состав и инструкторов. Весной 1926 г. на подведении итогов немцы предложили расширить школу истребителей, а также создать учебный отряд летчиков-корректировщиков (их подготовка началась с 1928 г.). С 1927 г. германское военное министерство из всех форм военного сотрудничества первостепенное значение стало придавать летной и танковой школам. Обучение летного состава длилось 5—6 месяцев, потом сроки выросли до девяти и более месяцев. До 1930 г. школа работала сезонно, в летнее время прибывали обучающиеся, а в зимний период, когда ученики и большинство специалистов возвращались в Германию, жизнь здесь замирала. Однако затем обучение продлили до середины октября, а испытания стали проводить и зимой с установкой на самолеты лыж³⁰.

Вначале курсанты отрабатывали одиночный полет, затем действия в звене и, наконец, в эскадрилье (налет составлял от 50 до 100 часов). Для имитации воздушного боя в воздух можно было поднимать не более двух эскадрилий по 9 самолетов. Кроме воздушного боя в практический курс входило бомбометание из различных положений, изучение вооружения и оборудования самолетов: пулеметов, пушек, оптических приборов (прицелы для бомбометания и зеркальные прицелы для истребителей). Практика корректировщиков в России включала полеты и фотографирование в Липецке и в завершении — бомбометание на полигоне около Воронежа. Со временем подготовка усложнялась, например, прибавились стрельба по буксируемым мишеням, «слепые полеты». В Липецких мастерских самолеты оборудовались также выливными авиационными приборами (ВАП) для распыления в полете отравляющих веществ³¹. Немецкие летчики иногда обучались вместе с советскими, что было полезно для обеих сторон, как отмечает Х.А. Якобсен, на основании воспоминаний липецкого ученика Харо Хардера (H. Harder)³².

В летнее время в школе находилось около 140 учеников, зимой их численность сокращалась до 40. Всего за восемь лет существования немецкой летной школы в Липецке обучение прошли 120—130 летчиков-истребителей и около 100 летчиков-корректировщиков. Они получили соответствующие военные звания без указания на принадлежность к авиации. Здесь прошли переподготовку около 30 участни-

ков первой мировой войны. По данным Масликова, школа выпустила от 100 до 450 немецких летчиков³³. Тихонов приводит данные о численности выпускников в диапазоне от двух до нескольких сотен человек, а также отмечает необходимость учитывать подготовку летных кадров на базе Липецкого опыта уже на территории Германии³⁴. С цифрами по прошедшим подготовку в Липецком центре советским летчикам и техническим специалистам дела обстоят сложнее. Выпуск советских специалистов был либо на уровне, либо несколько меньше, чем у немцев³⁵.

Не менее важна испытательная деятельность Липецкого центра, которая со временем только расширялась. Вопросом подготовки испытаний в Липецке занимался откомандированный в школу в 1926 г. референт германского военного министерства по вооружению и оборудованию Курт Штудент. Его командировка началась с Москвы, где 17—21 августа он посетил Авиachim, ЦАГИ, академию ВВС, концессии Юнкерса в Филях и провел переговоры. С 22 августа Штудент находился в Липецке, где осмотрел объекты школы. Вернувшись в Берлин, он отстаивал идею активных испытаний в России, в частности, предложил не позднее 1927 г. построить в 50 км от Липецка на площади 4 на 4 км полигон для испытания бортового вооружения, бомб и отравляющих веществ. При этом целесообразность испытаний в России он связывал не только с необходимостью обойти Версальские ограничения, но и с политическим значением научно-технической кооперации, заинтересованность в которой демонстрировала советская сторона³⁶.

В Липецке испытывались боевые самолеты, разные типы вооружения, оптические приборы. Среди первых испытаний были состязательные полеты истребителей «Фоккер D XIII» и «Фоккер D XI» в 1925 г., в ходе которых первый показал свое превосходство. Были изучены доставленные из Швеции два истребителя-штурмовика «К-47». На реке Воронеж испытывался гидросамолет. Фриц фон Опель поднял в небо Липецка планер с работающим реактивным двигателем. Испытания вооружений начались с «моторного ружья» — нового типа синхронизатора для авиационного пулемета. В 1929 г. были испытаны новейшие взрыватели авиабомб, прицелы, устройства для бомбометания. С 1928 г. при школе стала действовать испытательная группа с тремя подразделениями: испытаний авиабомб (Э. Макварт), бортового вооружения (Эмиль Туй), летных испытаний самолетов (Карл Август фон Шенебек). Советские власти были заинтересованы в испытаниях на своей территории современной немецкой авиатехники, к которой уже в 1927—1928 гг. активно подключились группы советских летчиков и инженеров. Немцам демонстрировали последние достижения советской военной промышленности: турельный пулемет Д.А. Дегтярёва, тяжелый «АНТ-14», разведчик «Р-5»³⁷. Хотя в конце 1920-х гг. военно-политическая кооперация достигла своей кульминации, именно тогда с советской стороны стало проявляться недовольство уровнем технического оснащения Липецкой школы. Позицию советского руководства до уровня школы доносил, в частности, П.И. Баранов. В Бундесархиве сохранился «протокол советских требований от 29 сентября 1929 г.», в котором представлены сделанные Барановым в разговоре с начальником школы предложения: расширение испытаний,

активное участие в них советских специалистов, приобретение самых современных машин и оборудования ³⁸.

Идя навстречу советским пожеланиям о расширении испытательной деятельности, немцы организовали при авиашколе в 1928 г. центр по испытанию секретно построенных в Германии самолетов. А с 1930 г. в Липецке стали специализироваться на технических экспериментах. Школа после посещения ее 22 августа 1930 г. комиссией с участием начальника штаба германских ВВС майора Фельми была реорганизована в опытную станцию «Вифупаст» (Wissenschaftliche Versuchs- und Prufsansatz fur Luftfahrzeuge, научная опытно-исследовательская станция летательных аппаратов), которая состояла из трех групп: истребительная (Шенебек), опытная (Вихерт) и техническая (Рейденбах). Начальником станции назначили майора Макса Мора (его заместителем был гауптман Карл Фейт), в 1932 г. его сменил капитан Готтлоб Мюллер. Старшим врачом станции был Густав Галлер, старшим казначеем и начальником 4-го отделения — Вильгельм Фрич, во главе технической группы встал Готфрид Рейденбах, а начальником третьего отделения назначили Макса Ибея. В целом немецкий персонал был сокращен до 50 чел., ликвидировался ряд групп (наблюдателей, учебно-техническая, опытная), убыли все тяжелые самолеты (двенадцать «Альбатросов» и восемь «Хейнкелей»). В составе центра основное место стали занимать группа истребителей и техническая группа. В 1931 г. в Германию были отозваны 12 лучших преподавателей, в том числе Шенебек ³⁹. На 1 ноября 1930 г. в центре находилось 34 военнослужащих (2 старшего, 16 среднего и 13 младшего состава), 54 чел. иностранного персонала постоянного состава, 286 вольнонаемных рабочих, 10 служащих ⁴⁰. Обучение коррективщиков было перенесено в Брауншвейг, а из Германии прибыли летчики-испытатели и инженеры. За период с 1928 по 1931 г. было испытано 20 типов самолетов, среди которых «Арадо SD II», «Юнкерс К 47», «Дорнье «Do 10», «Хейнкель HD 38», «Фокке-Вульф S 39», «Рорбах Ro VIII» и многие другие. Только в 1931 г. в Липецк прибыло 18 машин, 5—6 типов совершенно новой конструкции. В 1932 г. в Липецком центре испытывали многоцелевой «HD-59», новые бомбы, взаимодействие истребительной и бомбардировочной авиации. Испытания проводили отряды опытных специалистов (Больтенштейна, Брейтфельда, Ульбрихта и другие). Во многом создание испытательной станции стало результатом усилий советского военного руководства, которое и в последующие годы продолжало настаивать на интенсификации и расширении исследований ⁴¹. До 1933 г. в общей сложности немцы испытали около 800 различных компонентов военной авиатехники (из них более 40 типов самолетов), использовали 100 000 патронов и 3000 бомб. Однако в октябре 1932 г. испытательные работы практически были свернуты ⁴².

Отдельного внимания заслуживают персонал и курсанты школы. Согласно договору от 15 апреля 1925 г., в штате значились с немецкой стороны: начальник летной школы, летчик-преподаватель и его помощник, два инженера с помощником, один специалист по вооружению, администратор складских помещений; с советской: помощник начальника летной школы и двадцать рабочих (четырнадцать

механиков, два столяра, шорник, маляр, кузнец, сварщик). Администратор складов и два инженера приступали к работе во второй половине мая, начальник школы и остальные немецкие сотрудники — в середине июня, а советский персонал — во второй половине месяца. По договоренности хотя бы часть советских кадров должна была знать немецкий язык. Размещением и обеспечением советского персонала занимались советские ВВС, а расходы покрывала «Зондергруппа Москва». Советский штат менялся по мере изучения немецкой техники: в Липецке повысили квалификацию слесари, токари, водители, мотористы. Вспомогательный персонал (врач, охрана) также был советским, а его работа оплачивалась из немецких средств ⁴³.

Важнейшим представителем советской части школы был помощник начальника, который заботился о взаимодействии немцев с русским окружением. Первым помощником стал З. Райвичер, командир штаба авиаотряда, который, по свидетельству самих немцев, относился к ним прекрасно, а этот период в жизни школы был идеальным. Связь с иностранным отделом УВВС РККА обеспечивал С. Король. В отечественной литературе встречается мнение, что теплых межличностных отношений между русскими и немцами так и не сложилось. Если с советским техническим и летным персоналом взаимоотношения складывались нормально, то советские чиновники зачастую проявляли свои не самые лучшие качества. Известна история конфликта между Штаром и представителем советских ВВС при школе В. Орловым, обострившегося в конце 1929 г. на фоне арестов по подозрению в торговле одеждой сотрудниками школы. В итоге, Штара сменили на ветерана первой мировой войны Эдуарда Томсона ⁴⁴.

Отдельной темой для будущих исследований может стать подготовка в немецкой Липецкой школе советских летчиков, самые известные среди которых — участники Гражданской войны в Испании Евгений Саввич Птухин и Пётр Иванович Пумпур, а также Степан Георгиевич Король. В Липецке также обучались Фёдор Арманд, Эрнст Шахт. Курс учебы советских летчиков у немцев длился не долго, немецкие инструкторы обучали не по часам, а по способностям. Липецкий центр посетил и В.П. Чкалов, который в 1927 г. продемонстрировал там блестящие навыки высшего пилотажа. Для подготовки советского технического персонала в Липецке открыли школу механиков, также при школе с новой техникой знакомились группы квалифицированных рабочих ⁴⁵. Судьба многих связанных со школой советских граждан была predetermined. В их среде еще в 1929 г. ОГПУ провело операцию «летчики». Тогда по обвинению в шпионаже было арестовано 19 человек. В 1937 г. прошли восемь дополнительных арестов ⁴⁶, тогда же был задержан бывший командир 4-го авиаотряда Томсон. Наконец, в 1941 г. было арестовано еще 39 человек. Не всех из них удалось разоблачить как германских агентов. В свою очередь, по «делу военных» были осуждены участники советско-германских военных контактов: М.Н. Тухачевский, И.Э. Якир, И.П. Уборович, А.И. Корк, Р.П. Эйдеман, Б.М. Фельдман и другие ⁴⁷.

Во главе немецкого персонала стоял начальник школы, в 1925—1930 гг. его обязанности исполнял ветеран первой мировой войны Штар (1882—1948). Липецкую авиашколу в узких кругах так и назы-

вали «школа Штара»⁴⁸. По характеру он был типичным прусским офицером, как замечают сами немцы, русские его не любили, но из-за нежелания портить отношения с немцами терпели. Школа началась со штабной группы под начальством Штара и отдела подготовки летчиков-истребителей под руководством известного летчика первой мировой войны К.А. Шенебека. После открытия сюда прибыли ветераны первой мировой: Вернер Юнк, Э. Туй, Фридрих Август Кекриц. В августе 1925 г. в Липецк приехал Гуго Шперле в качестве наблюдателя от Технического отдела боевой авиации германского Министерства обороны⁴⁹. Одним из первых технических специалистов за работу взялся инженер Эрнст Борман⁵⁰, он спроектировал и построил самолетные ангары, моторную станцию, казино, некоторые жилые дома, бараки для учеников, депо, мастерские, гаражи, склады ГСМ. Интересно, что не все приглашенные согласились на свое участие в проекте⁵¹.

После неудачного опыта привлечения участников первой мировой войны, в Липецк направили немецких гражданских летчиков из школы под Мюнхеном. Первый год, по воспоминаниям Ганса Аренса, получился хаотичным, лето выдалось холодное и дождливое, учителей не хватало, школа еще находилась в состоянии строительства. Штар организовал две тренировочные группы по 11 летчиков во главе с Шенебеком и Йозефом Май. И все же уже первый опыт оказался успешным. Из 40 курсантов 17 дослужились до чина генерала: Курт Пфлугбейль, Герман Плохер, Ганс Зайдемманн, Хельм Шпайдель, Курт Вайт и другие. В дальнейшем школа пополнялась новыми кадрами, и ее жизнь налаживалась. Немцы запомнились в Липецке высокой трудовой организованностью, строгим учетом рабочего времени и порядком при выплате денежного довольствия⁵².

Немецкие летчики жили в специально построенной казарме, каждый в отдельной комнате. Семейные офицеры снимали квартиры в городе (позднее для них у аэродрома появился трехэтажный жилой дом с коммунальными квартирами). К 1930 г. основная масса немцев жила в так называемой немецкой колонии у бывшего винного склада. Местом отдыха служил фруктовый сад на склоне Каменного Лога, на реке Воронеж немцы располагали тремя собственными пристанями. Офицеры получали большое жалование, например, Альберт Блумензаат мог позволить себе новый деревянный дом в Липецке, кухарку и няню для ребенка. Досуг выстраивался вокруг казино, уютного деревянного домика, кроме того, немецкие «друзья» очень любили охоту на волков. Немцы, во всяком случае, до начала 1930-х гг. пользовались широкой свободой. По Липецку они передвигались без ограничений, некоторые даже обзавелись семьями⁵³.

Постоянный немецкий персонал школы насчитывал восемь человек, среди русских был помощник руководителя школы и около двадцати человек обслуживающего и технического персонала. В летний период прибывало 50 немецких летчиков для завершения своего обучения и 70—100 технических специалистов для проведения испытаний. Таким образом, летом личный состав школы насчитывал 180—200 чел., а с 1930 г. — около 300. Так, в 1932 г. в центре находилось 303 чел.: 43 немца, 26 советских летчиков, 234 советских рабочих и технических специалистов⁵⁴.

И персонал, и ученики Липецкой авиашколы оставили заметный след в военной истории Германии и Европы в целом. Так или иначе, их последующая судьба была связана с созданным нацистами люфтваффе. Лит-Томзен с 1939 г. получил чин генерала воссозданных германских ВВС. Его заместитель и преемник Нидермайер смог добиться блестящих успехов и в государственной карьере: в 1934 г. Гитлер рассматривал его кандидатуру наряду с В. Канарисом на должность руководителя Абвера. Однако в дальнейшем ему не доверяли высоких постов. С мая 1942 г. в чине генерал-майора он возглавлял задействованную против итальянских партизан 162-ю пехотную дивизию (мусульманский легион), а с мая 1944 г. являлся советником по восточным легионам при командующем западным фронтом. Штаб в военных действиях не участвовал, уйдя в отставку в чине генерал-майора еще в 1929 году. А начальник опытной станции Мор в 1930-е гг. возглавлял несколько военных авиационных округов Германии, с 1939 г. служил офицером по особым поручениям при главнокомандующем люфтваффе. Штудент отличился как создатель парашютных и авиадесантных частей люфтваффе. Его XI авиадесантный корпус участвовал в компании против Норвегии, Нидерландов, Югославии, Греции. С 1941 г. Штудент командовал парашютными войсками, армейскими группами и группами армий. Один из лучших учителей Липецкой школы Шёнебек в 1939—1944 гг. был военновоздушным атташе немецкого посольства в Болгарии, а затем служил в штабе истребительной авиации Германии. Выпускники Липецкой авиашколы начали военную карьеру в Испании (Э. д'Эльза, Х. Хардер, Г. Лютцов, Г. Радуш, Г. Траутлофт), а продолжили ее на всех фронтах второй мировой войны. Приведем ряд примеров. Г. Плохер в Испании возглавил генштаб «Легиона Кондор», с 1942 г. — начальник штаба командования ВВС «Восток», в 1943 г. — командир 4-го воздушного дивизиона, в 1944 г. в чине командира 6-й десантной дивизии воевал во Франции. Г. Шперле в Испании разработал ряд тактических приемов, пригодившихся затем люфтваффе в войне. После аншлюса Шперле занимался реорганизацией австрийских ВВС. Командовал воздушными силами в Польше, во Франции, в «битве за Англию». Отвечавший за испытания «Мессершмитта Вf.109» в Испании Й. Траутлофт на западном и на восточном фронтах второй мировой войны одержал около 58 побед. Макс Ибель, также участвовавший в «битве за Англию», воевал в Польше и во Франции, с декабря 1942 г. командовал германской истребительной авиацией на западе. Липецкие ученики стали известными немецкими асами. Особого внимания среди них заслуживает Г. Лютцов. Он воевал в Польше, во Франции, в СССР, с 1944 г. был инспектором дневной истребительной авиации, освоил реактивный «Ме-262». На его счету от 108 до 115 побед. А ночным асом стал Г. Радуш, одержавший за одну ночь с 22 на 23 июня 1943 г. сразу 5 побед. На его счету было около 64 победных боя в 140 вылетах ⁵⁵.

Весь период существования военно-учебного центра Рейхсвера в Липецке его окружал ореол секретности. Даже в Липецком договоре стороны зашифровывались как «RL» (Russische Luftflotte, русский ВВС) и «SGM» (Sondergruppe Moskau). Сама школа официально функционировала как 4-я эскадрилья авиасоединений КВФ, 4-й авиаци-

онный отряд 38-й авиаэскадрильи ВВС РККА (впоследствии 4-й немецкий отдельный отряд 40-й отдельной авиационной эскадрильи), а в немецких документах обозначалась как научно-испытательная авиационная станция ⁵⁶. Тихонов сообщает о двух путях приезда немцев в Россию: скоростным поездом Париж — Рига через ст. Дюнабург и на советских грузопассажирских судах в Ленинград. Немцы прибывали под вымышленными именами, с чужими паспортами, выдавая себя за служащих частных фирм или туристов. В Липецке они носили либо гражданскую, либо советскую военную форму без знаков различия. Зашифровывалось все: самолеты как «ящики», летчики-курсанты как «юнгмеркеры» (Jungmarker), погибших при транспортировке в Германию помещали в ящики с подписями «детали машин». Все же информация, так или иначе, просачивалась. Например, жена погибшего в Липецке Амлингера сообщила в прессу, что ее муж пал в далекой России за германскую Родину ⁵⁷. На западе быстро узнали о советско-германском сотрудничестве, на эту тему уже в начале декабря 1926 г. вышла статья в «Манчестер Гардиан». 16 декабря того же года депутат Рейхстага, социал-демократ Ф. Шайдеманн, на заседании парламента обвинил военных в незаконном вооружении. В Лондоне и Париже к началу 1930-х гг. обладали детальными сведениями о военной активности рейхсвера в СССР. Однако месторасположение Липецкой школы оставалось на западе загадкой, пока в 1932 г. английский журналист С. Мелвил в своей книге не упомянул «аэродром в Липецке». Веймарские правительства не находили ничего лучше, чем объяснять все частной инициативой отдельных лиц. Однако ясно, что военно-политическое сотрудничество обеспечивалось и поддерживалось германским правительством ⁵⁸. Одним из показателей этого были его расходы на Липецкую летную школу и испытательный центр.

Финансировался самый дорогой военно-учебный центр рейхсвера на территории СССР германским военным министерством (аренда аэродрома и других объектов была для немцев бесплатной, хотя со временем появились идеи отменить эту льготу ⁵⁹). Немецкая сторона оплачивала труд советского технического и вспомогательного персонала, поставки ГСМ, монтажные, ремонтные и строительные работы, оборудование школы ⁶⁰. Содержание Липецкого центра обходилось германской казне ежегодно от 2 до 3,9 млн рейхсмарок в 1929 г., когда бюджет достиг своего максимума. При этом на объекты школы деньги выделялись отдельно, а обучение советских летчиков и технических специалистов шло за счет советской стороны. Таким образом, за весь период существования на школу было потрачено около 20 млн марок ⁶¹. Не удивительно, что официальным предлогом закрытия центра стали высокие расходы ⁶².

Несмотря на весомость финансовых соображений, причины сворачивания германо-советского военного сотрудничества и расформирования Липецкого центра в частности, сложнее и глубже. Главной из них представляется изменение внешне- и внутривнутриполитических реалий в начале 1930-х годов. Хотя во второй половине 1920-х гг. наблюдался расцвет рапалльской политики, для Германии отношения с СССР были лишь козырем в переговорах с западными державами. С середины 1920-х гг. наметился разворот Веймарской республики в сторону запада. Это отчетливо проявилось в дипломатии Штрezeма-

на. Локарнский пакт дал гарантии нерушимости лишь западных границ Германии, оставив открытым вопрос о восточных. Тогда началось сближение Германии с Великобританией и Францией, а идея сотрудничества с Советским Союзом находила все меньше поддержки у немцев. С другой стороны, Советский Союз в то время также взял курс на улучшение отношений с западными странами, в частности, с Францией (еще в январе 1925 г. в Москве вручил верительные грамоты французский посол Эрбетт, после чего развернулось противоборство между ним и германским послом Брокдорфом-Ранцау)⁶³. В 1932 г. были подписаны договоры о нейтралитете и ненападении с Францией и Польшей. Решающим для советско-германского военного сотрудничества международным событием стало признание военного равноправия Германии на Женевской конференции в декабре 1932 года⁶⁴. После этого Липецкий центр стал для Рейхсвера излишним.

В 1926 г. Германию приняли в Лигу Наций, а в январе 1927 г. западные страны сняли с нее военный контроль. К началу 1930-х гг. Германия могла открыто обучать военных летчиков и проводить испытания уже на собственной территории, что было целесообразнее и эффективнее. Например, Соболев и Хазанов именно это считают главной причиной расформирования Липецкого военно-учебного и испытательного центра. Однако нельзя не учитывать и политические факторы, которые все же ни отечественные, ни зарубежные исследователи не относят к основным. Хотя будущий разрыв и наметился раньше, с приходом Гитлера к власти соответствующие процессы ускорились. Для нацистов был неприемлем союз с СССР, который рассматривался как объект завоевания «жизненного пространства» на востоке. Лозунг «Дранг нах Остен» стал для нацистов основным способом вооружить Германию. Со своей стороны, Советский Союз также не мог допустить сотрудничество с идеологическим противником⁶⁵.

Еще с начала 1930-х гг. наблюдалось угасание интереса немцев к Липецкому проекту. В ноябре 1931 г. руководитель войскового управления Рейхсвера Адамс на переговорах с Тухачевским и начальником У ВВС РККА Я. Алкснисом уклонился от обсуждения советской идеи превращения Липецкой станции в крупный совместный научно-исследовательский центр. К тому времени немцы все реже допускали наших специалистов к своим испытаниям, хотя советские власти рассчитывали на продолжение военно-технического сотрудничества⁶⁶. С приходом Гитлера к власти советская сторона сама взяла курс на постепенное упразднение центра, решение об этом было принято на совещании 31 мая 1933 г. в Наркомате по военным и морским делам⁶⁷. Ликвидация началась 19 июля 1933 года. Аэродром был возвращен Советскому Союзу 18 августа. Еще в Липецких договоренностях определялось, что при расформировании школы смешанная комиссия проведет согласование цен и передаст объекты советской стороне. Безвозмездно СССР получил все постройки и значительную долю оборудования. Выпуск 1933 г. составил лишь 15 человек. 14 сентября последние представители рейхсвера покинули Липецк, 20—30 сентября 1933 г. центр расформировали⁶⁸.

Разумеется, самые жаркие дебаты возникают по поводу военно-исторического значения Липецкой школы и испытательного центра.

Очевидно, что и немецкая, и советская стороны извлекли выгоду из военно-политического сотрудничества. Одним из важнейших положительных итогов для немцев была возможность подготовки военных кадров. Липецкая авиашкола дала Германии несколько сотен военных летчиков, нередко впоследствии высоко поднявшихся по карьерной лестнице. Из четырех генерал-фельдмаршалов люфтваффе трое имели отношение к школе: Штудент, фон Рихтгофен, Шперле. Кроме того, и в отечественной, и в немецкой литературе бытует тезис, что без испытаний техники на территории СССР Германии не удалось бы так быстро создать современную армию после прихода нацистов к власти ⁶⁹.

Благодаря Липецкому учебно-военному центру немцы смогли собрать немало сведений о Советском Союзе в преддверии войны, иными словами имела место разведывательная деятельность, пусть и самого общего характера. Кадровыми разведчиками были начальники отделов Липецкой школы Г. Иогансон, К. Булингер, Э. Марквард. Начальник административного отдела Макс Клесс активно собирал информацию о промышленных объектах и об оппозиции. С разведкой были связаны сам Штар, инженер-строитель Э. Борман, авиаспециалисты фон Деттен, Бок, Хессель. Они посещали авиазаводы, танковую школу под Казанью; проводилась аэрофотосъемка Воронежа, Ельца, Острогожска, станций Грязи, Графская, Чугун ⁷⁰. Все это было известно нашим разведчикам, с которыми сотрудничали заведующий фотолабораторией К. Опельбаум, член КПГ начальник механического цеха Кених, начальник 2-го отделения лейтенант Г. Верулен. ОГПУ пристально следило за Липецким объектом, были задействованы широкие агентурные и современные технические возможности. Интерес вызывала у органов склонность многих немцев фотографировать жизнь советской провинции и деревни. Опасность этой ветви немецкой разведки была не высока: на уровне провинции и при такой форме шпионажа нельзя было получить действительно важные сведения. Пожалуй, единственное исключение составляли результаты аэрофотосъемки ⁷¹.

Однако были и положительные итоги. Среди последних: набранный в Липецком центре советскими техническими специалистами опыт, обучение советских летчиков новой технике, ознакомление с организацией подобных военно-учебных центров. Хотя порой приходилось идти на ухищрения ради получения обещанного немцами технического опыта: иногда присланные в школу образцы новой техники фотографировались и исследовались советскими специалистами по ночам. Таким образом, изначальная советская цель — изучить передовой зарубежный военный и технический опыт — в большей или меньшей степени, но все же была достигнута ⁷².

Наиболее интересный вопрос по итогам советско-германского военного сотрудничества заключается в том, помогло ли оно подготовке Германии ко второй мировой войне. И среди западных, и среди отечественных исследователей можно встретить защитников известной идеи, что «фашистский меч ковался в СССР» ⁷³. Однако думается, что ближе к реальности те, кто считают это преувеличением. Например, Соболев и Хазанов замечают, что новейшая германская техника возникла позже, а в секретных авиашколах в Германии было

подготовлено больше военных летчиков, чем в СССР. Масликов конкретизирует эту мысль цифрами: если Липецкая школа дала Германии около 200 летчиков, то к 1933 г. у нее уже было 3200 военных летчиков, в основном, подготовленных в Германии ⁷⁴.

Таким образом, Липецкий военно-учебный центр стал одним из проявлений советско-германской военно-политической кооперации 1920-х — начала 1930-х годов. Процесс сближения Советской России и Веймарской Германии в тот период начался, как попытка этих стран выбраться из международной изоляции, однако на уровне военного сотрудничества их цели заметно различались. Если Россия искала возможность модернизации своей армии, то Германия, прямо нарушая подписанный ею Версальский договор, нащупывала пути военного реванша после первой мировой войны. Военная кооперация между странами развернулась по разным направлениям: от командировок немецких специалистов и работы филиалов немецких авиационных предприятий до организации подготовки военных кадров и испытаний техники. Представляется, что именно в последнем удалось добиться высокой результативности, одним из доказательств чего и является история деятельности Липецкой авиашколы и испытательного центра. Германское Министерство обороны вложило огромные средства в его создание, откомандировало в Липецк выдающихся летчиков прошедшей войны и отличных технических специалистов. До конца 1920-х — начала 1930-х гг. центр имел большое значение для Германии: среди всего лишь нескольких сотен выпускников были выдающиеся впоследствии военные деятели, а Липецкая испытательная станция не дала угаснуть немецким авиационным исследованиям. Советский Союз, в свою очередь, получил возможность ознакомиться с новыми немецкими технологиями и тактическими приемами. Однако к началу 1930-х гг. Германия уже могла обучать летные кадры и проводить испытания авиатехники на своей территории, а приход Гитлера к власти ознаменовал окончательный отказ от сотрудничества с СССР, в результате чего и прекратил свое существование Липецкий военно-учебный центр рейхсвера.

Примечания

1. В отличие от советско-германских дипломатических контактов и экономического сотрудничества того периода. См.: АХТАМЗЯН А.А. Рапалльская политика. Советско-германские дипломатические отношения в 1922—1932 годах. М. 1974; ТРУХНОВ Г.М. Рапалло в действии: Из истории советско-германских отношений (1926—1929 гг.). Мн. 1982.
2. ГОРЛОВ С.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 20-е годы. — Военно-исторический журнал. 1991, № 9, с. 4—11; ГОРЛОВ С.А., ЕРМАЧЕНКОВ С.В. Военно-учебные центры рейхсвера в Советском Союзе. — Военно-исторический журнал. 1993, № 6, с. 39—44; МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Готовили ли ВВС РККА асов для Люфтваффе? — Крылья Родины. 1991, № 10, с. 31—32; СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. М. 2000.
3. ДЬЯКОВ Ю.Л., БУШУЕВА Т.С. Фашистский меч ковался в СССР: Красная Армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество. 1922—1933. Неизвестные документы. М. 1992. Наиболее полно и масштабно о Липецкой летной школе и испытательном центре написано в кн.: ТИХОНОВ Ю.Н. Засекреченный город. Саратов. 2011.

4. ZEIDLER M. Reichswehr und Rote Armee: 1920—1933; Wege und Stationen einer ungewöhnlichen Zusammenarbeit. München. 1994; VOLKER U. Schon vor 1933 wurde aufgerüstet. — Die Zeit. 1.IV.1994, № 14, S. 19.
5. Соответствующие ограничения прописаны в статьях: № 198 — «Германии не позволено располагать ВВС ни в составе сухопутных сил, ни в составе ВМФ»; № 201 — «В течение шести месяцев после вступления договора в силу наступает запрет на производство и импорт летательных аппаратов и их деталей, а также авиамоторов и их деталей для всей германской территории»; № 202 — «С вступлением в силу настоящего договора вся техника сухопутных и морских ВВС за исключением предусмотренных во 2 и 3 абзацах 198 статьи аппаратов должны быть доставлены правительствам Антанты и их союзникам». Friedensvertrag von Versailles [«Versailler Vertrag»] vom 28. Juni 1919: <http://www.documentarchiv.de/wr/vv05.html>.
6. Цит. по: АХТАМЗЯН А.А. Ук. соч., с. 22.
7. ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч. с. 11; АХТАМЗЯН А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг. — Новая и новейшая история. 1990, № 5, с. 5.
8. ГОРЛОВ С.А., ЕРМАЧЕНКОВ С.В. Ук. соч., с. 39.
9. СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 53.
10. «Германия обязуется со вступлением в силу настоящего Договора не аккредитовать ни в какой чужой стране никаких военных, морских или воздухоплавательных миссий, не посылать их и не позволять им выезжать; она обязуется, кроме того, принимать подобающие меры к тому, чтобы не допускать германских граждан покидать свою территорию для поступления в армию, флот или воздухоплавательную службу какой-либо иностранной державы или для прикомандирования к ней в целях оказания ей помощи в военном деле или вообще для содействия в обучении военному, морскому и воздухоплавательному делу в чужой стране». Цит. по: ДЬЯКОВ Ю.Л., БУШУЕВА Т.С. Ук. соч., с. 29—30.
11. ТРУХНОВ Г.М. Ук. соч., с. 124—125; АХТАМЗЯН А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг., с. 6.
12. ОРЛОВА М.И. Германия 1918—1939 годов. Лекции по курсу. М. 1973, с. 50—51; АХТАМЗЯН А.А. Рапальская политика, с. 65, 109—111.
13. ГОРЛОВ С.А. Ук. соч., с. 5; СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 109; ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 9, 16.
14. Подробнее статью о Нидермайере см.: ШИРОКОРАД А. Так кто же вы такой — доктор Нидермайер? — Независимая газета. 20.VIII.2010.
15. ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 8—9, 16—17; МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 31.
16. МАСЛИКОВ В. Авиашкола «Вифупаль». — Красная звезда. 19—25.IV.2013, № 69.
17. ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 17—19.
18. HENNING S. Geheime Flugstunden in Russland. — Die Zeit. 1.VIII.2010, Jahrgang № 31. Тихонов отмечает, что данных о пребывании представителей «Центра Москва» в Липецке до 1925 г. нет, однако он предполагает, что немцы все же должны были осмотреть аэродром заранее. ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 20.
19. Персонал 1925—1928 г., по свидетельству архивных документов, формировался из лиц, лично известных В. Штару, связь с которыми будущий начальник Липецкого центра установил, преимущественно, в период первой мировой войны. Государственный архив Липецкой области (ГА ЛО), ф. Р-2176, оп. 1, д. 1, л. 2.
20. Lieth-Bericht. 15.5.1926. — Bundesarchiv (BArch), RH 2/2297, Bl. 343; Vertragsprotokoll 15.4.1925. — BArch, RH 2/2214, Bl. 2; MENZEL TH. Lipezk. Die geheime Fliegerschule und Erprobungsstätte der Reichswehr in der Sowjetunion: http://www.bundesarchiv.de/oeffentlichkeitsarbeit/bilder_dokumente/00931/index-2.html.de.
21. Vertragsprotokoll 15.4.1925, Bl. 2. — Bl. 3.
22. См. подробнее: JACOBSEN H.-A. Rote Starthilfe für die Luftwaffe. — Die Zeit. 14.XI.1969, № 46, S. 17; MENZEL TH. Op. cit.; МАСЛИКОВ В. Ук. соч.; ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 25.
23. Сделка проводилась при посредничестве германского крупного промышленника Г. Стиннеса. Тогда же были приобретены несколько «Фоккер D VII» и

- «Фоккер D XI». СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 110; ГОРЛОВ С.А., ЕРМАЧЕНКОВ С.В. Ук. соч., с. 43.
24. По мнению знатоков, «Альбатрос L-76» был лучшим самолетом школы. Большой полутораплан мог эксплуатироваться как разведчик-бомбардировщик и двухместный истребитель. МАСЛИКОВ В. Ук. соч.
  25. МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 31; ГА ЛО, ф. Р.-2176, оп. 1, д. 1, л. 25.
  26. См., например, доклад Лит-Томзена от 15 мая 1926 г.: Lieth-Bericht 15.5.1926, Bl. 343.
  27. ГА ЛО, ф. Р.-2176, оп. 1, д. 1, л. 1—2, 4.
  28. ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 56.
  29. Vertragsprotokoll 15.4.1925, Bl. 4; МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 31.
  30. ДЬЯКОВ Ю.Л., БУШУЕВА Т.С. Ук. соч., с. 167; АХТАМЗЯН А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг., с. 15.; МАСЛИКОВ В. Ук. соч.
  31. СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 117—118. См. приводимый Ю.Н. Тихоновым отчет за 1930 г.: ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 67—69.
  32. JACOBSEN Н.-А. Op. cit.
  33. МАСЛИКОВ В. Ук. соч.; MENZEL TH. Op. cit.; JACOBSEN Н.-А. Op. cit.; HENNING S. Op. cit.; ДЬЯКОВ Ю.Л., БУШУЕВА Т.С. Ук. соч., с. 19.
  34. ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 76—77.
  35. МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 31; СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 118.
  36. См. план командировки по дням в отчете К. Штудента: Reisebericht Student 10.9.1926. — Varch, RH 2/2213, Bl. 133, 139.
  37. Подробнее об испытательной деятельности Липецкой летной школы см.: СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 113, 121—122; МАСЛИКОВ В. Ук. соч.; ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 86; ГОРЛОВ С.А., ЕРМАЧЕНКОВ С.В. Ук. соч., с. 43—44.
  38. Protokoll der sowjetischen Forderungen 27.9.1929. — VArch, RH 2/2303, Bl. 43 — Bl. 47; Доклад «О сотрудничестве РККА и рейхсвера». 24 декабря 1928 г. В кн.: ДЬЯКОВ Ю.Л., БУШУЕВА Т.С. Ук. соч., с. 86.
  39. Подробнее о реорганизации школы см.: СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 121—122; ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 70, 90; ГА ЛО, ф. Р.-2176, оп. 1, д. 1, л. 12—13, 20—23, 34—35.
  40. ГА ЛО, ф. Р.-2176, оп. 1, д. 1, л. 24.
  41. HENNING S. Op. cit.; СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 121—122; МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 32. Например, на встрече с немецкими представителями 10 ноября 1931 г. Тухачевский предложил в будущем году провести в Липецке испытания на самолетах с мощными моторами на тяжелом топливе, проверить «Юнкерс» с герметичной кабиной, провести бомбометание на больших высотах и многое другое. Информация о встрече Тухачевского с Адамом, Кестрингом, Гофмейстером и Манштейном. 10 ноября 1931 г. В кн.: ДЬЯКОВ Ю.Л., БУШУЕВА Т.С. Ук. соч., с. 122.
  42. МАСЛИКОВ В.С. Небожители. Липецк. 2015, с. 19.
  43. Vertragsprotokoll 15.4.1925, Bl. 3—5; МАСЛИКОВ В. Авиашкола «Вифупаль».
  44. HENNING S. Op. cit.; ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 24.; ГОРЛОВ С.А., ЕРМАЧЕНКОВ С.В. Ук. соч., с. 44.
  45. HENNING S. Op. cit.; ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 141—150.; МАСЛИКОВ В.С. Небожители, с. 23; СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 119.
  46. Осуждены как агенты германской разведки: С.П. Знаменский, Б.Д. Архангельский, Г.И. Михайлов, А.Н. Лысенко, Э.Ф. Мюллер, А.В. Куликов, Ж.Р. Аккерман. ГА ЛО, ф. Р.-2176, оп. 1, д. 1, л. 8.
  47. МАСЛИКОВ В. Авиашкола «Вифупаль»; АХТАМЗЯН А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг., с. 3.
  48. В первой мировой войне Штар командовал воздушным соединением на французском фронте. ГА ЛО, ф. Р.-2176, оп. 1, д. 1, л. 3.
  49. HENZEL TH. Op. cit.; ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 24.

50. Борман был специалистом по доменным печам, летчиком-истребителем, ветераном первой мировой войны. ГА ЛО, ф. Р-2176, оп. 1, д. 1, л. 7.
51. СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 111—112; HENNING S. Op. cit.; Lieth-Bericht. 15.5.1926, Bl. 343.
52. HENNING S. Op. cit.; см. также воспоминания липчанина Якова Петровича Водопьянова, работавшего в 4-м авиационном отряде сначала разнорабочим, а затем мотористом: МАСЛИКОВ В.С. Небожители, с. 20—21.
53. О быте и досуге немецких авиаторов в Липецке см.: ГА ЛО, ф. Р-2176, оп. 1, д. 1, л. 30; СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 118—119; МАСЛИКОВ В. Авиашкола «Вифупаль»; HENNING S. Op. cit.
54. ГОРЛОВ С.А., ЕРМАЧЕНКОВ С.В. Ук. соч., с. 42; МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 31.
55. Подробнее о судьбе участников Липецкого проекта см: HENNING S. Op. cit.; MENZEL TH. Op. cit.; ШИРОКОРАД А. Ук. соч.; ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 196, 199, 201—202, 205, 210; ЗАЛЕССКИЙ К.А. Кто был кто в Третьем рейхе: Биографический энциклопедический словарь. М. 2003, с. 755—756, 785—787; СПИК М. Асы люфтваффе. Смоленск. 1999, с. 103—104, 337; ЗЕФИРОВ М.В. Асы Люфтваффе: Ночные истребители. М. 2001, с. 154.
56. ГА ЛО, ф. Р.-2176, оп. 1, д. 1, л. 1.
57. ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 55; МАСЛИКОВ В. Авиашкола «Вифупаль»; VOLKER U. Op. cit.; ГОРЛОВ С.А., ЕРМАЧЕНКОВ С.В. Ук. соч., с. 43.
58. HENNING S. Op. cit.; Англичанам в это время уже было известно о военно-промышленном советско-германском сотрудничестве. ТРУХНОВ Г.М. Ук. соч., с. 48; ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 156—159; VOLKER U. Op. cit.
59. «Потребовать от немцев компенсации за используемые ими наши здания и земельные площади в Липецке, Казани и Томке в виде арендной платы»: Цит. по: Проект постановления Политбюро ЦК ВКП (б) «О существующих взаимоотношениях с рейхсвером». 1929 г. В кн.: ДЬЯКОВ Ю.Л., БУШУЕВА Т.С. Ук. соч., с. 103.
60. Vertragsprotokoll. 15.4.1925, Bl. 3.
61. МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 31; МАСЛИКОВ В. Авиашкола «Вифупаль»; VOLKER U. Op. cit.; MENZEL TH. Op. cit.
62. Кестриг — Егорову о ликвидации школы в Липецке. 22 июля 1933 г. В кн.: ДЬЯКОВ Ю.Л., БУШУЕВА Т.С. Ук. соч., с. 173.
63. Подробнее о международном фоне советско-германского военно-политического сотрудничества во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. см.: ОРЛОВА М.И. Ук. соч., с. 66—67; ГОРЛОВ С.А. Ук. соч., с. 9; АХТАМЗЯН А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920—1933 гг., с. 7; ЕГО ЖЕ. Рапальская политика, с. 137.; МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 32.
64. Начало этого процесса заложено «Планом Юнга» 1930 г., по которому были уменьшены репарационные выплаты, ликвидированы контрольные функции держав-победительниц, Германия стала политически и экономически независимой. ОРЛОВА М.И. Ук. соч., с. 114.
65. Там же, с. 66, 115; МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 32; HENNING S. Op. cit.; VOLKER U. Op. cit., S. 19.
66. Уже в 1930-м г. ходили слухи о скорой эвакуации немцев, на что указывала отправка вещей на родину, поиск квартир и работы персоналом в Германии и многие другие факты. ГА ЛО, ф. Р-2176, оп. 1, д. 1, л. 31—33. В переговорах в ноябре 1932 г. советские представители предложили испытать в Липецке полеты в стратосфере, нефтяные двигатели, полеты в тумане, автоматическую стабилизацию самолетов в воздухе, автоматическое бомбосбрасывание, передачу изображения с самолета на землю, осветительную службу при ночных полетах и многое другое: «Будет доложено в Берлин...» Переговоры Ворошилова, Тухачевского, Алксниса и Деревцова с Адамом и Гофмейстером. Ноябрь 1932. В кн.: ДЬЯКОВ Ю.Л., БУШУЕВА Т.С. Ук. соч., с. 133—135.

67. Для этого предусматривались следующие меры: не допускать увеличения численности немецкого персонала, свести до минимума передвижения немецких летчиков по территории СССР, отказ немцам в льготных транспортных тарифах, прекращение испытаний на полигоне для бомбометания, сокращение численности сотрудничавших с немцами советских летчиков и специалистов. МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 32.
68. СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 125; Vertragsprotokoll 15.4.1925, Bl. 5; МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 32.
69. VOLKER U. Op. cit., S. 19; МАСЛИКОВ В. Авиашкола «Вифупаль».
70. ГАЛО, ф. Р.-2176, оп. 1, д. 1, л. 3.
71. МАСЛИКОВ В. Авиашкола «Вифупаль»; ТИХОНОВ Ю.Н. Ук. соч., с. 160—162, 164—165; ГАЛО, ф. Р.-2176, оп. 1, д. 1, л. 33.
72. МИШАНОВ С., ЗАХАРОВ В. Ук. соч., с. 31—32; МАСЛИКОВ В. Авиашкола «Вифупаль».
73. В предисловии одноименной книги читаем: «Именно здесь, в России, были в значительной степени заложены основы будущих наступательных вооруженных сил Германии, ставших в 1939 году ужасом для Европы, а в 1941-м обрушившихся на СССР». ДЬЯКОВ Ю.Л., БУШУЕВА Т.С. Ук. соч., с. 11; MARGOLINA S. Stalins Steigbügelhalter in Deutschland. — Die Welt. 5.VI.2010.
74. МАСЛИКОВ В. Авиашкола «Вифупаль»; СОБОЛЕВ Д.А., ХАЗАНОВ Д.Б. Ук. соч., с. 126.

Волостные суды конца XIX — начала XX в.

(по материалам Сычевского уезда Смоленской губернии)

Н.И. Горская

Аннотация. В работе на материалах Сычевского уезда Смоленской губернии рассматривается уголовная практика волостных судов конца XIX — начала XX века. Использован комплекс однородных источников (документация волостных судов), отражающих деятельность крестьянских судов после принятия закона 1889 года. Основное внимание уделено значению ареста в системе уголовных санкций с точки зрения идеи гуманизации наказания и значения сословных судов в повседневной жизни деревни.

Ключевые слова: крестьянство, волостной суд, Сычевский уезд Смоленской губернии, гуманизация наказания, арест, модернизация.

Abstract. The work considers the criminal practice county courts of late 19th and early 20th centuries on materials of Sychevsky County of Smolensk Province. Used a set of homogeneous sources (documentation county courts) reflecting the activity of county courts after the law of 1889. Emphasis is placed on the value of the arrest in the system of criminal sanctions in terms of the idea of humanization of punishment and county courts values in everyday life.

Key words: peasantry, county Court, Sychevsky County of Smolensk province, humanization of punishment, arrest, modernization.

Волостной суд, созданный после отмены крепостного права, в отличие от судебной реформы 1864 г., воспринявшей западные образцы, являлся элементом русского общинного устройства и институтом, который более других воспитывал и развивал крестьянское правосознание, являясь в определенном смысле его результатом. Он претерпел значительную эволюцию в результате реализации законов 1889 г., изменивших систему местного управления и надзора над крестьянским самоуправлением и судом ¹.

В современной историографии замена мировых судей земскими начальниками в сельской местности, под контроль которых были поставлены волостные суды, расценивается двояко: либо, согласно со-

---

Горская Наталья Ивановна — доктор исторических наук, профессор Смоленского государственного университета. E-mail: Gorskaya-n@yandex.ru.

Gorskaya Natalya I. — doctor of historical Sciences, professor of the Smolensk State University. E-mail: Gorskaya-n@yandex.ru.

ветской традиции, как «контрреформа», как отступление от либеральных постулатов всесословности и независимости суда и возвращение к административно-судебной власти потомственного дворянства в лице земских начальников ²; либо как основной инструмент «консервативной стабилизации», нацеленный на укрепление правопорядка и усиление государственной власти ³.

Вместе с тем повседневная жизнь деревни, отношения внутри крестьянского мира и в определенном смысле социальная стабильность зависели не только от земских начальников, но во многом и от власти волостных судов, которая проявлялась в характере и действенности уголовных санкций, одной из которых был арест.

В России применялись два вида лишения свободы: тюремное заключение в качестве карательной меры и арест — в качестве исправительной. В практике волостных судов применялся только арест, который воплощал мысль о гуманизации наказания. Подобная идея укоренилась в русском общественном сознании, обсуждалась в правительственных кругах и получила реальные очертания в ходе реформирования уголовного законодательства и тюремной системы Российской империи ⁴ второй половины XIX — начала XX века ⁵.

Под гуманизацией, как и в наши дни, понималось смягчение наказания, а также создание таких условий содержания правонарушителей в местах лишения свободы, которые не усугубляли бы меру наказания дополнительными страданиями. Не касаясь специально содержания арестантов, постараемся ответить на вопрос о распространении прогрессивной идеи гуманизации на крестьянские суды и выяснить особенности крестьянской юрисдикции в сфере борьбы с уголовными правонарушениями после 1889 г., а в более широком смысле — его значение в жизни русской деревни накануне революции 1917 года.

Обратимся к практике волостных судов Сычевского уезда Смоленской губернии, что обусловлено несколькими моментами. С одной стороны, Смоленская губерния накануне отмены крепостного права была «одной из самых крепостнических губерний России», где бесправное и бедное крестьянство, не имевшее самоуправления и местного суда, составляло 69,07% населения ⁶, поэтому состояние волостных судов в одном из уездов Смоленской губернии может быть принято в качестве общей оценки эволюции данного крестьянского института. С другой стороны, в Государственном архиве Смоленской губернии сохранился значительный корпус документации волостных судов и среди разрозненных материалов, что обычно для этого вида источников, имеются общие списки осужденных волостными судами уезда. Наконец, на территории Смоленской губернии не был реализован закон от 15 июня 1912 г., по которому волостные суды включались в общую судебную систему и подчинялись мировым судьям. Здесь до 1918 г. в целом сохранилось действие законов 1889 г. и обособленность крестьянского судопроизводства.

Сычевский уезд, относился к группе восточных уездов Смоленской губернии (вместе с Гжатским, Вяземским и Юхновским), расположенных в относительной близости к Москве. Несмотря на развитое отходничество, это были типичные уезды одной из аграрных губерний центральной России, в которой остро проявлялись

социально-экономические противоречия пореформенной деревни. Но после отмены крепостного права здесь происходили и положительные экономические и культурные сдвиги.

Равнинный открытый ландшафт позволял жителям Сычевского уезда специализироваться на развитии скотоводства и на производстве льна, который поставлялся на европейские рынки. В начале XX в. в Сычевском уезде стремительно развивалась мелкая крестьянская кооперация (мелкий кредит, сельскохозяйственные общества, потребительская кооперация), сохранялось интенсивное отходничество, благодаря деятельности земства и устройству школ крестьянскими обществами росла грамотность населения, издавалась газета «Сычевский житель». Согласно переписи 1897 г., грамотность среди сельского населения Сычевского уезда составляла 14,5% (мужчин — 32,7%; женщин — 5,9%), что было выше общегубернского показателя (12,2%) и немного ниже уровня грамотности населения в других восточных уездах (в Гжатском — 18,4%, Юхновском — 17,5% и Вяземском — 15,3%)⁷. Несмотря на бытовавшее в то время мнение, что «грамотные превосходят неграмотных по части богохуления, несоблюдения договоров и клятвы»⁸, развитие экономики и договорных отношений способствовало пониманию крестьянами необходимости грамотности⁹, которая сказывалась на интенсивности гражданского судопроизводства.

В Сычевском уезде располагалось немало центров сельской культуры — крупных сел и образцовых хозяйств, где действовали школы (земские, приходские, министерские), лавки, базары, библиотеки, сельскохозяйственные предприятия. Среди них были волостные центры: село Бехтеево, село Воскресенское, село Милюково, а также имение губернского предводителя дворянства и председателя III Госдумы Н.А. Хомякова — Липицы, имение графа А.Д. Шереметева — Высокое, имение княгини Мещерской — Дугино и другие. Увеличению мобильности населения способствовало постоянное совершенствование инфраструктуры уезда. В дополнение к земским грунтовым дорогам, Сычевскому тракту (Вязьма — Сычевка — Ржев), девяти почтовым станциям и телеграфу по всей территории уезда с юга на север пролегла железная дорога Вязьма — Ржев, пересекавшаяся с Московско-Виндавской железной дорогой на севере и Московско-Брестской — на юге. Писковское земское шоссе связывало два волостных центра западной части уезда: село Писково и село Воскресенское. В начале XX в. в Сычевке и в волостных центрах появился телефон¹⁰. Не случайно среди осужденных волостными судами Сычевского уезда встречались жители не только других волостей, но и соседних уездов (Гжатского, Вяземского, Бельского, а также Зубцовского уезда Тверской губернии), а среди истцов по гражданским делам — Петербурга, Москвы, Смоленска, Твери и других городов. Оставаясь судами одной волости, крестьянские суды приобретали опыт рассмотрения дел с участием «чужаков», которые, случалось, составляли «бумаги» с участием городских адвокатов.

К особенностям Сычевского уезда можно отнести преобладание, в связи с развитым отходничеством, женского населения (в 1897 г. в сельской местности женщин было на 26,6% больше, чем мужчин), а также наличие значительной старообрядческой общины. В 1911 г. она

в полтора раза превышала численность Сычевки и насчитывала 10 988 человек ¹¹. Ее центры находились в приходах сел Бехтеева, Пискова и города Сычевки. Среди старообрядцев, по данным Смоленского окружного суда, наблюдался «самый малый процент преступности» ¹².

Количество волостных судов на территории Сычевского уезда идеально соответствовало требованиям закона относительно их территориальной удаленности от сельских поселений, количества судей, избираемых сельскими обществами, и численности подсудного населения. Являясь по площади небольшим уездом губернии (из 12 уездов меньше только Краснинский), Сычевский уезд был в числе наиболее густонаселенных. В конце XIX в. здесь проживало более 94,5 тыс. человек. К 1 января 1911 г. население уезда увеличилось в сельской местности на 23,6%, в Сычевке — на 42%, составив 125 381 чел. или 47 чел. на одну квадратную версту. В сельской местности, по переписи 1897 г., проживало 90 611 чел. (более 91% — крестьяне), на 1 января 1911 г. — 118 600 чел. или 44,4 чел. на одну квадратную версту. В 1889—1917 гг. в административном отношении Сычевский уезд делился на четыре участка земских начальников, 24 волости и 218 сельских обществ ¹³.

Таким образом, в конце XIX в. в каждой волости проживало примерно 3775 чел., а поскольку уголовная ответственность наступала с 10 лет ¹⁴, то каждому волостному суду было подсудно примерно 2700 чел. (дети до 10 лет составляли 28,4% населения). В 1910 г. цифра подсудности увеличилась примерно до 3,5 тыс. чел. (в волости проживало 4,9 тыс. чел.), но была несравненно меньше нынешней, когда на каждого мирового судью (самый близкий к населению суд) приходится 15 тыс. человек. Власти одного волостного суда подлежало 9—10 сельских обществ, занимавших 107 кв. верст ¹⁵. «Лица, проживающие вне предела волости и далее 15 верст от нахождения суда» могли присылать на суд своих представителей ¹⁶. В Сычевском уезде расстояние от центра волости до пограничного селения составляло 10—12 верст, поэтому сычевские крестьяне должны были являться на суд лично, что, без сомнения, повышало их ответственность перед судебной властью, тем более что в случае неявки сторон дело не рассматривалось.

Географическая близость и доступность волостного суда при активной экономической жизни и большой плотности населения, объединенного множеством хозяйственных интересов, неизбежно порождающих споры, ставили суд в центр крестьянской общественной, экономической, бытовой и даже семейной жизни. Такое положение суда позволяло ему держать в поле зрения недопустимое поведение и все проступки жителей волости. Значимость суда в глазах крестьян усиливалась за счет внешних атрибутов судопроизводства, которые были обязательны по закону и в судах Сычевского уезда применялись в обязательном и образцовом порядке: печать, протоколы на специальных бланках, подписи председателя и членов суда, отсылки к закону, использование в разбирательстве письменных договоров, векселей и других документов.

По закону волостные суды должны были собираться не менее двух раз в месяц ¹⁷, но в действительности, из-за наплыва дел, заседали по три-четыре раза в месяц, рассматривая каждый раз до десятка, а

то и более дел. Так, в 1904 г. Соколино-Субботниковский волостной суд рассмотрел 528 дел; в 1907 — 851 дело: 118 уголовных и 733 гражданских¹⁸. Интенсивность работы не снижалась ни во время революции 1905—1907 гг., ни в начале первой мировой войны, и только с 1916 г. активность волостных судов Сычевского уезда заметно снизилась. В 1916 г. суды принимали к рассмотрению не сотни, а десятки дел¹⁹.

В Сычевском уезде судьями постоянно работали 96 чел. и столько же являлись кандидатами, избранными сельскими обществами. Судьи-крестьяне обладали более высоким статусом, чем это было до 1889 г.: они могли совмещать должность судьи с должностью сельского старосты и в обязательном порядке получали достаточно высокое «денежное содержание» из волостных сумм: председатель — до 100 руб., члены суда — до 60 рублей²⁰. Однако авторитет суда превосходил авторитет личностей. Крестьяне обращались в суд с жалобами на самих судей и сельских старост. Так, в 1910 г. Зубакинский волостной суд дважды рассматривал конфликт между крестьянами деревни Артемово Петром Николаевым и Иваном Семёновым Лазаревым, являвшимся председателем Зубакинского суда в 1910—1917 годах. В первом случае дело выиграл Лазарев, обвинивший Николаева в краже; во втором случае — Николаев, которого Лазарев назвал «грабителем». На время рассмотрения этих дел, как и требовалось по закону, Лазарев передавал председательство в суде другому судье (Дмитрию Кузьмину)²¹.

В волостных судах преобладали гражданские дела, которые рассматривались на основе крестьянских обычаев (понятий о справедливости и полезности), хотя и с соблюдением постоянно увеличивающихся формальностей судопроизводства. В условиях общинной жизни и переплетения хозяйственных интересов волостной суд являлся признанным и необходимым инструментом разрешения хозяйственных споров. В Зубакинском волостном суде в 1910 г. было рассмотрено 547 жалоб, из них 103 дела — лишь 18,8% можно квалифицировать как уголовные проступки²². В 1912 г. суд этой волости имел в производстве 98 (19,5%) уголовных и 404 гражданских дела; в 1913 г. — 87 (17,4%) уголовных и 413 гражданских дел²³. Такие же пропорции между гражданскими и уголовными делами наблюдались в других волостях и в целом были характерны для Смоленской губернии. Гражданско-правовая культура крестьян вполне соответствовала возможностям волостного суда при рассмотрении земельных отношений, вопросов строительства, наследства, возмещения убытков и т.п.

В вопросах соблюдения общественного порядка серьезным стабилизирующим фактором также был неписанный закон, общинная этика, одновременно диктовавшая правила поведения на суде судьям и подсудимым. Однако в 1889 г. в области уголовного судопроизводства произошли серьезные изменения. С этого времени за уголовные проступки волостной суд применял санкции, определенные для того или иного проступка законом, а не руководствовался, как это было ранее, крестьянским обычаем или усмотрением судей. В русском юридическом языке уголовные правонарушения, в отличие от сегодняшнего дня, делились на преступления и проступки. Во власти волостного суда, как и раньше, остались только проступки, но теперь к ним

относились деяния, фиксированные российским уголовным законодательством. Волостные судьи (как и раньше и как мировые судьи) рассматривали то, или иное дело «по совести», но обязательно с учетом показаний сторон и свидетелей, а санкции диктовал закон. Этим положением власть удовлетворила некоторые требования той части российской общественности, которая выступала за распространение на крестьян государственного закона в области уголовного права²⁴. Однако при этом волостные суды были оставлены в структуре Министерства внутренних дел, а мировые суды, которых сторонники правового равенства крестьян видели второй инстанцией волостной юстиции, были вовсе ликвидированы. Вместе с тем, значительная часть уголовных правонарушений, которая раньше была прерогативой государственной власти в лице мировых судей, перешла к крестьянскому самоуправлению, пусть и под надзором земских начальников. В этом смысле можно говорить о расширении свободы и ответственности в рамках сословной крестьянской организации.

С 1889 г. волостному суду были переданы проступки по 84 статьям «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» (в 1906 г. были отменены две статьи относительно «нарушения благочиния») ²⁵. Это были проступки против порядка управления; нарушение тишины и порядка, найма, нарушение уставов строительного, путей сообщения и противопожарных правил; проступки против личной безопасности, оскорбление чести, угрозы и насилие, кражи и некоторые другие.

Как показало изучение практики волостных судов Сычевского уезда, в их производстве преобладали проступки, носившие «бытовой» характер и обладавшие незначительной общественной опасностью. Поэтому нередко «жалобщики» забывали обиды, мирились с обидчиками и не являлись в суд. Например, в 1910 г. крестьянин деревни Забелино Зубакинской волости Алексей Тимофеев обвинял своего земляка Ивана Тимофеева в краже тына. Но дело было прекращено за неявкой сторон ²⁶. Среди крестьянских проступков преобладали оскорбления словом или действием, мелкие кражи (домашней птицы, предметов крестьянского быта и труда), нарушение крестьянских владений (проезд по усадьбе, прогон коров), неисправность дорог, неосторожное обращение с огнем («были с огнем в овине», «курили табак в сарае»), нарушение «общественной тишины» криками или ссорами. К уголовным проступкам относились и жалобы на нарушение крестьянской этики («не помогает в доме», «не слушается мать», «обижается на однодеревенцев»). Наказывались крестьяне, нарушавшие семейные традиции уважения старших. Так, одно решение Торбеевского волостного суда 1892 г. гласило: «подвергнуть крестьянина деревни Попляскина Василия Михая за нанесение обид действием теще Аксинье Корнеевой простому аресту при волостном правлении на 7 дней» ²⁷. Зубакинский волостной суд еще строже — 20-дневным арестом — наказал Кузьму Иванова из деревни Боброва за оскорбление своей матери Натальи Акимовой ²⁸.

Факты обращения в волостной суд по незначительным и постоянно возникавшим делам как нельзя лучше свидетельствуют о том, что он играл роль арбитра в неизбежных спорах повседневной жизни и не оставлял их вне поля общественного контроля и осуждения.

Так, в 1907 г. из 118 уголовных дел, рассмотренных волостным судом Соколино-Субботниковской волости, 69 были делами о личных обидах, 34 случая — «всякого рода проступками», 11 — нарушениями уставов строительного и путей сообщения, 2 дела — кражами и 2 — нарушениями порядка управления ²⁹.

Большая часть из такого рода дел была подсудна волостному суду и до 1889 г., который за их совершение назначал арест до семи дней, общественные работы до шести дней, денежное взыскание до трех рублей и телесные наказания до 20 ударов ³⁰. С 1889 г. власть крестьянского уголовного суда значительно возросла. Он налагал простой и строгий (с содержанием на хлебе и воде) арест до 15 дней, а за кражу, мошенничество и присвоение чужого имущества — до 30 дней; наказание розгами до 20 ударов, выговор в присутствии суда и денежное взыскание от 25 коп. до 30 рублей ³¹.

В числе 84 статей, перешедших к волостным судам, были 169, 170, 172—174 статьи «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». В них определялись меры наказания за самые тяжкие проступки, подсудные волостному суду, а именно: за кражу, мошенничество, присвоение чужого имущества и покушение на эти проступки, а также за мотовство и пьянство, расстраивающие хозяйство, и за нарушение условий найма на работы ³². При этом подсудность волостного суда, по сравнению с мировым, ограничивалась. Суд принимал к рассмотрению эти дела в случаях, если максимальный размер похищенного или присвоенного имущества ограничивался 50 руб., а кража совершалась только в первый или второй раз (троекратную кражу рассматривали общие судебные места) ³³.

Кроме того, волостные суды не могли рассматривать кражи лошадей и крупного рогатого скота (такие кражи могли привести к расстройству хозяйства), утаивание найденного свыше ста рублей, если хозяин находки был известен, необъявление о находке ценою свыше трехсот рублей и нарушение условий найма, заключенного по договорному листу ³⁴. За совершение проступков по статьям 169, 170, 172—174 определялась не только максимальная, но и минимальная мера ответственности: семидневный арест или телесное наказание. Для лиц, к которым по закону не применялись телесные наказания (волостных судей, сельской администрации, женщин; крестьян, не окончивших никакого училища, не служивших в солдатах, не получивших никаких знаков отличия, страдавших тяжкими болезнями; малолетних и стариков) предназначался строгий арест и денежное взыскание ³⁵.

Как мы видим, в 1889 г., по сравнению с 1861—1889 гг., были отменены общественные работы, которые практически не применялись из-за сложности их организации, появился выговор, а основными санкциями стали арест и денежное взыскание. При этом сроки ареста увеличились в два раза, в случае краж — более, чем в 4 раза; а денежное взыскание — в 10 раз. С 1892 г. волостной суд мог арестовывать провинившегося и на срок до 45 дней, присоединяя к этому наказанию в ряде случаев и до 20 ударов розгами. Увеличение сроков ареста происходило «через соединение наказаний» в случае, если лицо совершало несколько противоправных действий, рассматриваемых судом» ³⁶.

На фоне расширения и некоторой формализации уголовной подсудности можно, с одной стороны, говорить о сбалансированности силы проступка и силы наказания, а с другой, — утверждать, что в 1889 г. возросла строгость суда и его карательная сила. Из 84 проступков, подведомственных волостным судам, в 30 случаях назначалась альтернативная санкция: арест или денежное возмещение, в 6 случаях — арест, в 36 случаях — денежное взыскание. Система наказания выстраивалась таким образом, чтобы торжествовал принцип неотвратимости наказания, и чтобы наказание не привело к расстройству хозяйства, от которого страдал не только правонарушитель, но и вся семья, а то и община. Для этого судьям предоставлялось право выбора из альтернативных санкций, право замены денежного взыскания арестом. Денежное взыскание, в случае несостоятельности, заменялось арестом «с зачетом двух рублей денежного взыскания за каждый день ареста или общественных работ»³⁷. Другими словами, максимальное денежное взыскание волостного суда — 30 руб. — могло быть заменено максимальным лишением свободы: 15-дневным арестом; денежное взыскание равное 10 руб. — пятидневным арестом и т.д. По циркуляру МВД от 27 января 1894 г., для этого не требовалось никаких справок или устных свидетельств, достаточно было «заявления обвиненного в неимении средств к уплате взыскания»³⁸. Правда, и арест мог быть заменен, при обстоятельствах, уменьшающих вину, денежным взысканием или выговором³⁹.

С экономической точки зрения арест являлся достаточно серьезной мерой наказания, особенно во время полевых работ, поскольку отрывал крестьянина от хозяйства, но одновременно был предпочтительнее денежного взыскания, максимальная величина которого, достаточно высокая для сычевского крестьянина, превышала стоимость десятины земли в уезде и стоимость всех годовых денежных сборов. В конце XIX — начале XX в. десятина обрабатываемой земли в уезде, по оценке Сычевского земства, равнялась 24 рублям⁴⁰. В 1894 г. в Пырьевском обществе Соколино-Субботниковской волости максимальное взыскание (30 руб.) было в 2,7 раз больше всех денежных сборов (государственных, земских, мирских), составлявших 11 руб. 20 коп. с каждого душевого надела. Из 15 домохозяев деревни Пырьево у пятерых был один-полтора душевых надела, у четверых — два-два с половиной, у двоих — три, у четверых — четыре-четыре с половиной душевых надела. Значит, у трети наименее обеспеченных земель крестьян (один-два душевых надела) арест в 2—2,7 раза превышал максимальный «штраф», а у наиболее обеспеченных земель (4 душевых надела) он составлял 70% всех годовых платежей. В этой же деревне и незначительный платеж, равный одному рублю (часто применяемая величина денежного взыскания за мелкие проступки), составлял едва ли не шестую часть выкупных платежей с каждого душевого надела (6 руб. 20 коп.) и почти соответствовал земскому сбору (1 руб. 7,5 коп.) с каждого душевого надела⁴¹. В деревне Гайдуки того же Пырьевского общества из 20 домохозяев не было ни одного крестьянина, ежегодные денежные платежи которого достигали бы 30 рублей. В этой деревне размер платежей с каждого двора колебался в пределах 9—23 рублей⁴². В 1913 г. в Соколино-Субботниковской волости 30 руб. оставались се-

рьезной суммой (к этому времени были отменены выкупные платежи, и денежная нагрузка государственных платежей на двор сократилась). За эти деньги можно было купить трех овец с ягнятами или хозяйственные постройки (овин или сарай) в придачу с плугом, санями и упряжью ⁴³.

Являясь «удобной» заменой денежному взысканию, арест не нес на себе и той нравственной нагрузки, с которой было сопряжено тюремное заключение, считавшееся у крестьян позорящим наказанием. Напоминание односельчанами факта пребывания в тюрьме расценивалось как оскорбление личности. Подобное дело в 1916 г. рассматривал Богоявленский волостной суд. Крестьянин деревни Мясниково Иван Григорьев подал в суд на Татьяну Рукину за оскорбление его словами, которые заключались в том, что Рукина в ссоре напомнила Григорьеву, что он «сидел в тюрьме за преступление». Волостной суд приговорил Рукину к трехмесячному аресту при волостном правлении. 5 октября 1916 г. земский начальник оставил жалобу «без последствий» ⁴⁴.

В русском правосознании кража считалась серьезным правонарушением, поэтому значительно ужесточился контроль за исполнением наказаний. Волостные суды обязаны были сообщать земским начальникам о судимости за кражи и хищения. После отбывания наказания лица, осужденные за кражи, в том числе по 169, 170, 172—174 статьям, заносились делопроизводителем волостного суда в алфавитный указатель и в особые справочные листки в двух экземплярах с соответствующими сведениями о судимости. Указатель хранился в волостном суде, а листки передавались в вышестоящие инстанции: «один — местному земскому начальнику, другой — в уездный съезд». На основании листков земский начальник составлял «алфавитный указатель лиц, осужденных всеми волостными судами» его участка. Уездный съезд на основании справок волостных судов и алфавитных указателей, поступавших от земских начальников, составлял «полный список жителей уезда», осужденных волостными судами за эти проступки, и сообщал его волостным судам и губернскому присутствию ⁴⁵.

В Смоленском государственном архиве, в фонде Ярыгинского волостного суда, сохранились алфавитные списки жителей Сычевского уезда, осужденных волостными судами и уездным съездом за кражу, мошенничество, присвоение и растрату чужого имущества почти за четверть века: с 1890 по 1914 год ⁴⁶. Несмотря на вероятную, но незначительную неполноту списков ⁴⁷, в нашем распоряжении оказался достаточно редкий для разрозненной документации волостных судов источник, позволяющий представить общую картину распространения в крестьянской среде целого уезда самых серьезных проступков, подвластных волостным судам.

В Сычевском уезде за кражу, мошенничество и укрывательство краденого в 1890—1914 гг. было осуждено 983 чел., из них волостными судами — 786, Сычевским уездным съездом (в качестве второй инстанции) — 197 человек. Основным преступлением была кража. Волостные суды рассмотрели 778 случаев краж, 8 — мошенничества и укрывательства; Сычевский уездный съезд — 190 случаев краж и 7 — укрывательства и растраты. Таким образом, в конце XIX — начале XX в. в Сычевском уезде за кражи, хищения и мошенничество еже-

годно осуждалось примерно по 70 чел., а в каждой из 24 волостей — по 2—3 человека. Эти данные свидетельствуют о том, что кражи не были распространенным явлением в крестьянской среде, как это было принято считать в дореволюционной литературе. В пользу подобного утверждения говорят и сведения по отдельным судам. Как говорилось выше, из 118 уголовных дел, находившихся в 1907 г. в производстве Соколино-Субботниковского суда, было всего два случая краж. Более всего краж в Сычевском уезде произошло в 1892 г. (123 случая), что было связано с недородом и голодом. В 1892 г. было больше всего случаев и прошения милостыни — восемь, семь из которых было совершено женщинами ⁴⁸. В данном случае в основе краж лежали социальные причины.

Среди крестьян Сычевского уезда встречались и рецидивисты. По нашим подсчетам, за 24 года перед судами уезда их прошло 17 человек. Например, в 1890 г. крестьянин Бехтеевской волости деревни Аржауховки Андрей Пантелеев 80-и лет по приговору Сычевского уездного съезда был заключен в тюрьму на один год (судим по однородному преступлению — во второй раз, а по разным — в третий). 2 марта 1892 г. Ярыгинский волостной суд приговорил Илью Степанова Ореха из деревни Подсосонья за кражу к 19 ударам розог, а 16 ноября 1892 г. за повторную кражу — к 30-дневному аресту ⁴⁹.

Основной мерой наказания за кражи был арест, он применялся в 686 случаях из 786 (87%), 68 раз назначались розги как отдельная мера, 28 раз — денежное возмещение и 4 раза — исправительные работы. Аресту подвергались женщины, уличенные в кражах (172 чел. из 983, то есть 17,5%), а также малолетние воры (10—16 лет), число которых, впрочем, было невелико: за 24 года примерно полтора десятка (возраст осужденных указывался не всегда). В 1894 г. крестьянин Короваевской волости деревни Загоскина Степан Фёдоров 16-и лет за покушение на кражу был приговорен Короваевским волостным судом к аресту на 8 дней. В 1912 г. Гавриил Павлов 16-и лет, крестьянин деревни Попляскина Торбеевской волости, по решению Торбеевского волостного суда, приговорен за кражу к аресту на 7 дней ⁵⁰. Малолетних правонарушителей иногда направляли в исправительную колонию Смоленского земства: в 1898 г. крестьянин Василий Егоров 15-и лет деревни Постникова за кражу был направлен уездным съездом «в исправительный приют имени Смоленского губернского земства впредь до его исправления» ⁵¹.

Телесные наказания, сохраненные для крестьян после их отмены 1863 г., являлись самым зримым и вопиющим признаком сословного неравенства. Их сохранение в практике волостных судов и земских начальников являлось воплощением репрессивности волостного суда и государственной политики по отношению к крестьянству. Они были предметом острой критики со стороны образованного общества и, как писали современники, «настолько возмущают общественную совесть, что стоит только собраться по какому-либо поводу большей или меньшей общественной группе и тотчас невольно возникает вопрос о необходимости добиваться отмены телесных наказаний» ⁵².

Телесные наказания охотно применялись волостными судами. Это происходило из соображений экономической целесообразности, привычки к терпению и многовековой традиции использования ро-

зог в качестве принудительной и воспитательной меры. Земские начальники потворствовали в этом волостным судам. Они обязаны были утверждать все приговоры о телесных наказаниях и могли заменить розги штрафом до 30 дней или арестом до 15 дней. В Смоленской губернии за 6 лет (1891—1896 гг.) было утверждено 34,8% , или более трети всех приговоров волостных судов губернии. Сычевский уезд был лидером по применению телесных наказаний. Здесь в 1891—1896 гг. земскими начальниками было утверждено 54% приговоров к телесным наказаниям, Сычевским уездным съездом —8,5% приговоров⁵³. Центральная, как и местная власть была обеспокоена рвением земских начальников. Циркуляр МВД 1891 г. предостерегал их от чрезмерного употребления этой меры: «Исполнителями таких приговоров не должны быть молодые люди, на которых подобная операция производит развращающее впечатление. Необходимо строго наблюдать, чтобы исполнение означенных приговоров не являлось потехой или зрелищем для праздной толпы»⁵⁴.

В 1894 г. Смоленское губернское присутствие считало, что применение телесных наказаний может «понизить нравственный уровень населения», поэтому ужесточило соответствующую отчетность. С 1894 г. применение телесного наказания должно было излагаться в форме «мотивированного постановления в особом наряде», и при каждой волости требовалось вести особые списки лиц, повергнутых телесным наказаниям»⁵⁵. Это привело к их сокращению в практике волостных судов. Приговоры к телесному наказанию составили в Смоленской губернии в 1891 г. — 14,3% всех обвинительных приговоров волостных судов; в 1896 г. они сократились до 2,6%⁵⁶.

Розги, хотя и с ограничениями, применялись и к детям с десятилетнего возраста. До 17 лет суд назначал не более 10 розог, до 14 лет приговор приводился в исполнение родителями⁵⁷. В 1890 г Михаил Дмитриев, крестьянин Ярыгинский волости 12-и лет, за кражу был приговорен волостным судом «к отдаче в наказание отцу»⁵⁸.

11 августа 1904 г. в результате отмены телесных наказаний «сельские обыватели были пенитенциарно уравнены с другими сословиями»⁵⁹. Изъятие телесных наказаний из практики волостных судов являлось приметой гуманизации наказания и имело воспитательное значение для населения. Из судебной документации видно, что иногда крестьяне расценивали телесные наказания детей как проступок со стороны родителей. В 1910 г. крестьянин деревни Ломы Артемий Никитин обвинял в Зубакинском волостном суде «крестьянского сына Ивана Афанасьева Гучкова в нанесении удара сыну-мальчику»⁶⁰.

После отмены розог значение ареста в санкционном списке волостных судов получило почти исключительное значение. Уездный съезд, как правило, приговаривал правонарушителей к тюремному заключению, за исключением 6 случаев 1912—1914 гг., когда все они были приговорены к заключению в земском арестном доме. Краткосрочный арест до 7 дней, по нашим подсчетам, составлял 314 случаев, то есть почти 40 (39,9%)⁶¹. Такой арест применялся за кражу того, что находится без присмотра на улице, вне дома и хозяйственных построек. В 1910 г. Зубакинский волостной суд за кражу яблок и сапог у сычевского мещанина Василия Ильича Сёмушкина подверг крестьянина деревни Боброва Дмитрия Игнатову аресту при волост-

ном правлении на 7 суток, сочтя при этом, что «сапоги не ворованные, а найденные»⁶². Что касается проникновения в жилище, то оно каралось достаточно строго. В 1910 г. «кража из избы без всякого взлома карманных часов, галош и старых сапог», притом, что первые две вещи были возвращены, была наказана арестом на 25 суток⁶³.

На обжалование решений волостного суда полагался 30-дневный срок, после этого решение вступало в законную силу и приводилось в исполнение по распоряжению и под руководством волостного старшины. По повестке волостного правления, приговоренные к аресту, являлись в волость и «сдавались» волостному старшине. Такой способ «доставки» арестантов до 1889 г. применялся и в мировых судах. Он говорит о многом: о законопослушности крестьянина и его зависимости от мира, суда и волостного начальства, о «приемлемости» наказания, которое, по оценке его крестьянами, принималось ими как должное. При этом в случаях с арестом соблюдалось правило неотвратимости наказания, что придавало решениям волостного суда дополнительную силу. Из 983 крестьян, осужденных в Сычевском уезде за кражу и мошенничество, все, за одним исключением, отбыли свое наказание. В 1892 г. крестьянка Курашевской волости деревни Ладного Марфа Петрова 56-и лет была приговорена волостным судом за покушение на кражу к аресту на 5 дней, но не отбыла этот срок полностью из-за болезни⁶⁴.

Решение волостного суда после вступления в законную силу исполнялось не сразу. Бывало, что проходило несколько месяцев до заключения приговоренного к аресту: «Дорожин Пётр Иванов крестьянин Никитской волости деревни Яблонцева 52-и лет за кражу приговорен судом 11 августа 1891 г., отбыл 15 ноября 1891 г.»; «Фёдорова Домна крестьянка деревни Петрыкина Баскаковской волости 36-и лет по решению Баскаковского волостного суда от 13 марта 1906 г. за кражу приговорена к аресту на 15 дней. Исполнено 8 декабря 1907 г.»; «Степанова Агафья крестьянка деревни Яблоньки Гривской волости, 48 лет, по решению Гривского волостного суда 24 августа 1914 г. за кражу приговорена к аресту на 7 дней. Исполнено 30 октября 1914 г.»⁶⁵.

В ряде случаев, «ввиду особо уважительных причин», была возможна шестимесячная отсрочка наказания с разрешения земского начальника⁶⁶. К таким причинам относилось отсутствие свободных мест в арестных помещениях. Арестованные содержались в «холодных» при волостных правлениях, в земском арестном доме и исправительном арестном отделении при Сычевской уездной тюрьме.

При волостных правлениях содержались лица, осужденные волостными судами на более короткие сроки — до 15 дней. Получившие более длительные сроки (до 30 дней), как правило, отбывали наказание «с арестантами, присужденными к аресту окружными и судами и всеми вообще судебными установлениями»⁶⁷, то есть в исправительном отделении Сычевской тюрьмы или в арестном доме Сычевского земства. Однако это правило соблюдалось далеко не всегда. Общее число «арестных мест» во всех арестных помещениях Сычевского уезда приблизительно превышало 150 единиц. В Сычевском арестном доме, устроенном в Сычевке в начале 1870-х гг., содержалось до 10 арестантов в арестном отделении Сычевской тюрьмы (на 1 января 1910 г.)

— 73 чел. (64 мужчины и 9 женщин)⁶⁸; при 24 волостных правлениях — по несколько человек. Волостные «холодные» находились в распоряжении МВД, а арестный дом и арестное помещение — в распоряжении Министерства юстиции. Лучшие условия содержания были в земском доме, который уездное земство перестроило в 1900 г. в соответствии с новыми веяниями гуманизации пенитенциарной системы, охватившими земские собрания⁶⁹.

Повышение значения ареста в практике волостных судов способствовало выполнению еще одного правила российской пенитенциарной системы: наказание осуществлялось в той местности, где совершалось правонарушение. В условиях традиционного общества, привязанности крестьян к своей местности отбывание наказания в родной волости значительно повышало «привлекательность» ареста по сравнению, например, с тюрьмой, которая у крестьян ассоциировалась с чужбиной.

Широкое применение ареста и отмена телесных наказаний в сочетании с неотвратимостью уголовного преследования, с одной стороны, смягчали репрессивность волостного суда, усилившуюся по контрреформе 1889 г., с другой, — соответствовали представлениям о справедливости, бытовавшим в крестьянской среде, и авторитету волостного суда. Идея гуманизации наказания прямо или косвенно вторгалась в крестьянское правосудие, не ослабляя при этом его власти. В целом, деятельность волостных судов, употребляя современный историографический термин, была чертой «модерности», поскольку свидетельствовала о прогрессе в межкрестьянских отношениях.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00202.

1. Положение о земских участковых начальниках; Правила об устройстве судебной части в местностях, в коих введено означенное положение; Временные правила о волостном суде в той же местности и Правила о порядке приведения в действие Положения о земских участковых начальниках. Полное собрание законов (ПСЗ)-III, т. 9, № 6196.
2. ЗАЙОНЧОВСКИЙ П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х — начала 90-х годов). М. 1970; ЗЫРЯНОВ П.Н. Социальная структура местного управления капиталистической России (1861—1914 гг.) В кн.: Исторические записки. Т. 107. М. 1982, с. 226—302; БУЗАНОВА Н.А. Земские начальники Тамбовской губернии: 1889—1917 гг. Дисс. канд. ист. наук. Тамбов. 2005; ЖДАНОВИЧ Л.Н. Чиновники по крестьянским делам северо-западных губерний России 1861—1904 гг. Дисс. канд. ист. наук. Калининград. 2005.
3. БЕРБАНК ДЖ. Правовая культура, гражданство и крестьянская юрисдикция: перспективы начала 20 века. В кн.: Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара. 2000, с. 270—298; ЗВОНЦОВА А.В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е гг. XIX — начале XX в.: по материалам Тульской губернии. Дисс. канд. ист. наук. Тула. 2006; БАШКИРЁВА Н.В. Земские участковые начальники Воронежской губернии: состав, функции, деятельность (1889—1917 гг.). Дисс. канд. ист. наук. М. 2010.
4. Тюремная система Российской империи в широком смысле включала помещения для лиц, подвергавшихся аресту.

5. Обзор десятилетней деятельности Главного тюремного управления (1878—1889). СПб. 1889; ТАГАНЦЕВ Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. Т. 2. М. 1994.
6. БУДАЕВ Д.И. Смоленская деревня в конце XIX — начале XX века. Смоленск. 1971, с. 19.
7. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии. Смоленск. 1912, с. 34—35.
8. ОРЛОВСКИЙ И.И. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск. 2008 (переиздание книги 1907 года), с. 71.
9. Например, 23 сентября 1906 г. крестьяне Череповецкого сельского общества Соколино-Субботниковской волости на сельском сходе «имели суждение» о нехватке мест в Субботниковском училище и решили, не дожидаясь строительства земского училища, ходатайствовать «перед кем это будет следовать о высылке... учителя» с готовностью предоставить ему квартиру и помещение для учащихся: Государственный архив Смоленской области (ГА СО), ф. 927. Соколино-Субботниковский волостной суд, оп. 1, д. 8, л. 143.
10. ОРЛОВСКИЙ И.И. Ук. соч., с. 115—116, 170—171.
11. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии, с. 26, 31.
12. ОРЛОВСКИЙ И.И. Ук. соч., с. 70—71.
13. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии, с. 18—21, 24—25, 28, 30.
14. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. ПСЗ-II, т. 39, отд. 2, № 41 478, ст. 10.
15. Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии, с. 19, 28.
16. Временные правила о волостном суде 12 июля 1889 г, ст. 23.
17. Там же, ст. 8.
18. ГА СО, ф. 927, оп. 1, д. 7, 1904; д. 12, 1907.
19. Там же, ф. 926. Ярыгинский волостной суд, оп. 1, д. 6, 1915, л. 34.
20. Временные правила о волостном суде 12 июля 1889 г, ст. 7.
21. ГА СО, ф. 781. Зубакинский волостной суд, оп. 1, д. 7, 1910, л. 3—6; д. 15, 1914, л. 110.
22. Там же, д. 8, 1910.
23. Там же, д. 14, л. 137.
24. ГОРСКАЯ Н.И. Выборный мировой суд России второй половины XIX века. Смоленск. 2008, с. 100—130.
25. Временные правила о волостном суде 12 июля 1889, ст. 17.
26. ГА СО, ф. 781, оп. 1, д. 8, 1910, л. 5об.
27. Там же, ф. 139. Торбеевский волостной суд, оп. 1, д. 1, 1892, л. 11.
28. Там же, ф. 781, оп. 1, д. 4, 1904, л. 9об.
29. Там же, ф. 927, оп. 1, д. 12, 1907, л. 3об.
30. Общие положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 19 февраля 1861 г. ПСЗ-II, т. 36, отд. 1, № 36 657, ст. 102.
31. Временные правила о волостном суде 12 июля 1889 г., ст. 33.
32. Там же, ст. 41.
33. Сборник узаконений, определяющих права и обязанности волостных старшин и писарей. СПб. 1904, с. 82.
34. Там же, с. 83.
35. Временные правила о волостном суде 12 июля 1889 г., ст. 38.
36. Там же, ст. 33, 38; ГА СО, ф. 927, оп. 1, д. 4, л. 24—25.
37. Временные правила о волостном суде 12 июля 1889 г., ст. 40.
38. Сборник узаконений, с. 90.
39. Временные правила о волостном суде 12 июля 1889 г., ст. 34.
40. ГА СО, ф. 927, оп. 1, д. 6, 1894, л. 26.
41. Там же, л. 83—83об.
42. Там же, л. 86об.
43. Там же, д. 16, 913.
44. Там же, ф. 596. Богоявленский волостной суд, оп. 1, д. 3, л. 1, 10.
45. Сборник узаконений, с. 79.
46. ГА СО, ф. 926, оп. 1, д. 2, 1890.

47. За 1895 г. нет записей с 8 мая по 8 ноября, за 1900 — до 8 мая и после 8 августа, за 1902 г. — после 8 августа до конца года.
48. ГА СО, ф. 926, оп. 1, д. 2, л. 4—6.
49. Там же, л. 3об, 5об.
50. Там же, ф. 926, оп. 1, д. 2, 1890, л. 13об., 51об.
51. Там же, л. 29.
52. ЖБАНКОВ Д.Н., ЯКОВЕНКО В.И. Телесные наказания в России в настоящее время. М. 1899, с. 1.
53. Там же, с. 59.
54. ЕВРЕИНОВ Н. История телесных наказаний в России. Харьков. 1994, с. 141.
55. ЖБАНКОВ Д.Н., ЯКОВЕНКО В.И. Ук. соч., с. 59.
56. Там же.
57. ЕВРЕИНОВ Н. Ук. соч., с. 141.
58. ГА СО, ф. 926, оп. 1, д. 2, 1890, л. 1.
59. ЕВРЕИНОВ Н. Ук. соч., с. 151.
60. ГА СО, ф. 781, оп. 1, д. 8, 1910, л. 72—73.
61. Там же, ф. 926, оп. 1, д. 2, 1890, л. 29, 48—53.
62. Там же, ф. 781, оп. 1, д. 7, л. 13.
63. Там же, л. 109.
64. Там же, ф. 926, оп. 1, д. 2, 1890, л. 6.
65. Там же, л. 2об., 46, 52.
66. Временные правила о волостном суде 12 июля 1889 г., ст. 29.
67. ПСЗ-III, т. 9, № 6196, с. 510, ст. X.
68. ГА СО. ф. 388. Смоленская губернская тюремная инспекция, оп. 1, д. 2, 1910, л. 61об.
69. МЫШ М.И. Положение о земских учреждениях со всеми относящимися к нему узаконениями, правительственными и судебными постановлениями. СПб. 1890, с. 898—899.

Византийское наследие Владимира Мономаха

А.С. Ищенко

Аннотация. В публикации рассматриваются многообразные связи великого киевского князя Владимира Мономаха с Византией в контексте идеи византийского наследия в русской общественно-политической мысли XV—XVI веков. Анализируется родство князя по материнской линии с византийским императорским домом, данные письменных и вещественных источников о близости Владимира Всеволодовича к византийскому обществу и культуре, его политические и военные взаимоотношения с Империей. Делается вывод о том, что именно во многом благодаря этим связям, переосмысленным в исторической памяти, Владимир Мономах и был избран на роль символа российской монархической власти, равной по статусу власти византийских императоров.

Ключевые слова: Византия, Русь, Московское царство, историческая память, идея византийского наследия.

Abstract. The work is devoted to the diverse relations of Vladimir Monomakh, prince of Kiev, with Byzantine, and perceptions about these relations in the context of Byzantium legacy in Russian social and political thought of XV—XVI centuries. The author analyses the kinship of the prince from mother's side with Byzantium royal house, and data of written and material sources about intimacy of Vladimir Vsevolodovich with Byzantium society and culture, his political and military relations with Empire. The main idea of the researcher was to show that in large part due to all these relations that had been rethought in historical consciousness, Vladimir Monomakh was chosen as a symbol of Russian monarchy power that was equal to the power of Byzantium emperors.

Key words: Byzantine, Rus', Moscow kingdom, historical memory, idea of Byzantium legacy.

Владимир Всеволодович Мономах — один из наиболее известных древнерусских правителей, вошедший в историческую память в качестве объединителя княжеского рода, остановившего усобицы, и последовательного борца с половцами, начавшего целенаправленное на-

---

Ищенко Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института Донского государственного аграрного университета. E-mail: ischenko-2010@mail.ru.

Ischenko Alexander S. — candidate of historical sciences, associate professor at the Novocherkassk Institute of Engineering and Land Reclamation, Don State Agrarian University. E-mail: ischenko-2010@mail.ru.

ступление на Степь. При этом в ряду других русских князей он выделялся не только своей неутомимой деятельностью во благо Русской земли, как это живописали небеспристрастные к нему летописцы, но и своим происхождением — родством с византийским императорским домом, сыгравшим на рубеже XV—XVI вв. далеко не последнюю роль в трансформации образа князя в династический и самодержавный символ.

Несмотря на то, что Владимиру Мономаху посвящена обширная литература, в которой рассматриваются, в том числе, и его связи с Византией, вопрос о влиянии этих связей на превращение данного князя в символическую фигуру российской исторической памяти до сих пор не ставился. Между тем, для адекватного понимания места Владимира Мономаха в отечественной исторической памяти он имеет первостепенное значение.

Согласно сообщению «Повести временных лет» (ПВЛ), помещенному под 1053 г., матерью Владимира Мономаха была греческая царевна: «У Всеволода родися сынъ, и нарече имя ему Володимеръ от царице гръкыне»¹. Свое необычное происхождение подчеркивал и сам князь. Начиная «Поучение» детям, написанное, вероятно, не без греческого литературного влияния, он счел необходимым сообщить: «Азь худый дедомъ своимъ Ярославомъ, благославленнымъ, славнымъ, нареченый въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимеръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мъномахы...»² Супругой Всеволода и матерью его первенца, будущего знаменитого князя Владимира Всеволодовича, стала царевна из дома правящего императора Константина IX Мономаха. Однако подобная интитуляция с указанием своего происхождения по женской линии, в сущности, противоречила традициям, ибо, как справедливо подметил А.П. Толочко, «именами женщин в древнерусской письменности всегда пренебрегали, называя их по имени мужа или сына»³. Но тут случай особый — прослеживаемая в нем тенденция возведения своей родословной от рода византийских императоров возвеличивала власть и статус Владимира, выделяла его среди прочих Рюриковичей⁴. Ради утверждения своего превосходства на Руси можно было, таким образом, пойти и на нарушение принятых традиций. В этой связи, однако, следовало бы ожидать весьма частого именованя в летописи Владимира Всеволодовича Мономахом. Но в ПВЛ, не считая помещенного под 1096 г. в Лаврентьевском ее списке «Поучения», он именуется практически всегда только как Владимир. Упоминание о его родовом прозвании встречаем лишь в продолжении ПВЛ по Ипатьевскому списку (под 1111, 1113 и 1115 гг.), помещенной далее в нем Киевской (под 1125, 1140, 1193 гг.) и Галицко-Воынской летописях (под 1201 г.), а также летописи Лаврентьевской (под 1177 г.), ряде поздних летописей и других позднесредневековых документов. Однако использование Владимиром Всеволодовичем антропонима Мономах — аргумента принадлежности к императорскому роду Мономахов — известно не только из «Поучения» князя, а учитывая, что последнее было включено в летопись достаточно поздно⁵, то и не столько из него.

Самым надежным подтверждением прижизненного наименования Владимира Всеволодовича Мономахом является найденная в Новгороде в 1960 г. свинцовая печать с изображением св. Василия

Кесарийского, в честь которого он был крещен, и греческой надписью: «печать Василия, благороднейшего архонта Руси, Мономаха»⁶. Известны и другие печати, атрибутируемые Владимиру Всеволодовичу, на которых изображение св. Василия сопровождается русской надписью «Господи, помози рабу своему Василию» или «Господи, помози рабу своему Василию, князю русьскому»⁷. В результате сопоставления этих печатей В.Л. Янин пришел к выводу, что печать с греческой легендой и родовым прозванием князя, скорее всего, относится к более раннему периоду его деятельности (например, к 1070-м гг.). На позднейших печатях греческие легенды сменяются русскими⁸. Так или иначе, но именно первый из этих типов печатей представляет наибольший интерес. Благодаря ему можно судить не только о прижизненном наименовании князя Мономахом, но и считать это наименование официальным. Данный тип интересен и тем, что в нем использован редкий в русской сфрагистике греческий титул князя архонт и еще более редкий для Руси византийский же титул «благороднейший», отражающий, согласно Янину и Г.Г. Литаврину, «генетическую связь линии Владимира Всеволодовича с византийским императорским домом, родство, которым Мономашичи гордились»⁹. Такая титулатура демонстрирует стремление князя выделиться.

Превосходство Мономаха благодаря рождению внушал князю и митрополит Никифор, для которого он был «добляя глава наша и всеи христолубивеи земли», потому что его «Богъ издалеча проразуме и предъповедь, егоже изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царьские и княжские крови смесивъ, его же благочестие въспита... И тьи (Владимир. — А.И.) есть истинный икъунникъ (копия, точное изображение подлинника. — А.И.) царское и княжеское икуны»¹⁰. Судя по этим, адресованным князю, посланиям, а также по помещенной в одном из них яркой характеристике личностных качеств Владимира, между ним и митрополитом-греком установились довольно теплые и дружеские отношения¹¹. Этому, очевидно, не в последнюю очередь способствовало византийское происхождение князя. Неслучайно, анализируя адресованные ему послания митрополита Никифора, Д. Оболенский пришел к выводу о «близости Владимира к византийскому обществу и его интеллектуальному миру»¹². Если это так, то рассматривавшаяся выше печать Владимира на греческой надписи которой он назван Мономахом, является свидетельством не только его амбиций, стремления подчеркнуть свою исключительность в ряду других князей, но и материнского воспитания в духе византийских культурных традиций, связи с византийской родиной матери.

Эта же связь Мономаха, по словам Г.В. Вернадского, проявилась и «в поддержке грекофильских тенденций в русской Церкви, за что его порицают некоторые... русские историки националистического духа»¹³. Среди последних Вернадский очевидно не в последнюю очередь имел в виду такого крупного историка первой половины XX в., как М.Д. Приселков. В борьбе на территории Руси грекофильской и национальной тенденций в развитии церкви, представленных соответственно митрополитами, ставившимися из греков и Киево-Печерским монастырем, Мономах, по его мнению, только прикрывался «национализмом», а на деле был сторонником грекофильской ориентации¹⁴. Подмечая некоторую противоречивость и «раздвоенность»

натуры Владимира, Приселков в этой связи видел действительность, которая была вовсе «не русского происхождения: перед нами портрет или, вернее, копия с обычного типа византийского изделия»¹⁵. Впрочем «грекофилизм» Мономаха, по мнению ряда исследователей, во многом являлся мнимым¹⁶.

Более убедительно связь с Византией, помимо свинцовых печатей, может быть прослежена на двух других «материальных» примерах. Первый из них — так называемая Черниговская гривна — датированный концом XI в., найденный в 1821 г. около Чернигова золотой амулет-змеевик, который носили на груди для защиты от всяких бед и болезней. На его лицевой стороне изображена фигура архангела Михаила в рост, с тяжелыми длинными крыльями, с жезлом-лабаром (или рипидой) в правой руке и с державой в левой. Вокруг этого изображения помещается надпись на греческом языке, представляющая начало «трисвятой песни» (Исайя, 6,3). На оборотной стороне — поясное изображение женщины с отходящими в разные стороны змеями, от чего и происходит название амулета. Эта медузоподобная женщина окружена двумя концентрическими надписями: греческой, представляющей собой заговор против духа болезни («истеры») и славянской: «Господи, помози рабу своему Василию. Аминь»¹⁷. Целый ряд соображений указывает на то, что именно Владимир Мономах был владельцем данной золотой филактерии, вероятно, потерянной им во время странствий¹⁸. Где бы ни был отлит для него этот роскошный амулет, в Византии или на Руси, он, по справедливой оценке А.С. Орлова, отражает «именно национальное греческое исповедание, представляющее собою синкретизм античного язычества и восточного христианства»¹⁹.

Другим примером связи Владимира с Византией может служить фресковая живопись Софии Киевской. Вероятно, именно в годы его княжения в Киеве был выполнен ряд росписей на стенах и сводах двух башенных лестниц, ведущих на хоры, где во время богослужения находились князь и его семья. На этих росписях помещались изображения византийских придворных церемоний: разнообразные игры на константинопольском ипподроме, дворец Кафизмы, откуда император и его приближенные смотрели на игры и соревнования, фигура самого императора в окружении придворных, сцены охоты²⁰. Занесенная в Киев из Византии, эта тематика использовалась, по оценке В.Н. Лазарева, «для прославления великокняжеской власти. И когда киевские князья подымались по лестнице на хоры и видели изображения многочисленных цирковых сцен, то последние ассоциировались не столько с византийскими василевсами, сколько с понятием власти как таковой»²¹. Перед нами, очевидно, стремление с помощью изобразительного искусства приблизить Киев к Константинополю, уподобить его этой столице мира и Новому Иерусалиму²². О запечатленных же в искусстве сценах, как предполагают некоторые историки, художникам — если они были русскими — могла рассказать мать Владимира Мономаха²³. Последнее, впрочем, если согласиться с тем, что рассмотренные росписи были сделаны в годы княжения Владимира Мономаха в Киеве, маловероятно, ибо она умерла явно задолго до этого времени. Однако, в любом случае, отрицать ее роль в изготовлении внутреннего убранства Софийского собора было

бы опрометчиво. С ее появлением на Руси, куда она приехала не одна, а с двором, пусть и небольшим²⁴, византийское культурное влияние не могло не стать более заметным. Должны были оживиться и культурные контакты Киева с Византией²⁵. Но все это предположения.

С чем же трудно поспорить, так это с ролью матери в воспитании Владимира, которого она вместе с мужем нарекла «Мономахом» — именем, согласно средневековым представлениям, определявшим судьбу человека, его ориентацию на ту или иную систему ценностей²⁶. По заключению современных исследователей, этот «князь, с присутствием ему примерным правоверием, сформировался как личность под влиянием матери вопреки далеко не во всем христианской обстановке двора»²⁷. Вероятно, матери Владимир обязан и знанием греческого языка, на котором она говорила «и который, конечно, входил в число тех “пяти”, которыми владел (его. — А.И.) отец»²⁸. Выше уже упоминалось, что написанное Владимиром «Поучение» несет на себе среди прочего и следы греческого литературного влияния: в нем присутствуют ссылки на труды таких византийских богословов как Василий Великий, Иоанн Экзарх, Ксенофонт и др. Согласно предположению Л.Е. Морозовой, с этими произведениями его познакомила мать, получившая в Византии хорошее образование и пристрастившая к чтению книг не только сына, но и мужа²⁹.

К сожалению, кем именно доводилась императору Константину Мономаху мать Владимира Всеволодовича доподлинно не известно. В ПВЛ, как отмечалось выше, она была названа «царицей грекиней», что указывает лишь на ее родство с византийским императором. О степени же этого родства становится известно только из некоторых поздних летописей, сообщающих, что мать Владимира была дочерью Константина Мономаха. На это, в частности, указывают Тверской сборник и Густынская летопись. В первом запись под 1054 г. дополнена следующими сведениями: «Родися Всеволоду Ярославичу сынъ от царици грекини Манамахи, и наречень бысть Владимиръ Манамах, деднимъ прозвищемъ; бе бо за Всеволодомъ дщи греческаго царя Костантина Манамаха»³⁰. В Густынской летописи запись читается после сообщения о походе русских на Царьград под 1043 г.: «по трех же летехъ смирися Ярославъ со Греки и поят дщерь у Константина Мономаха царя Греческаго, за сына своего Всеволода»³¹. Дочерью Константина Мономаха супруга Всеволода называлась и в одном из синодиков киевского Выдубицкого монастыря. По предположению В.Г. Брюсовой, источником всех этих дополнительных о ней сведений могли послужить древнейшие южнорусские летописи³². Однако более вероятно, что все эти сведения являются интерпретацией информации первоисточников, их модернизацией, органично вписывавшейся в концепцию русско-византийских отношений конца XV — начала XVI века.

Представление о матери Владимира Мономаха как о дочери Константина IX не критически было воспринято большинством историков и даже отразилось в переводе академического издания ПВЛ, согласно которому Владимир «родился... от дочери царской, гречанки»³³. Между тем, имеют место обстоятельства, не позволяющие безоговорочно с этим согласиться. Главное из них — это молчание византийских источников. Последние, как заметили Янин и Литаврин, «не содержат

решительно никаких указаний на брак представительницы византийского рода Мономахов с сыном киевского князя»³⁴. Ничего не известно из византийских документов и о существовании дочери Константина, хотя история его жизни и эротических приключений, благодаря Михаилу Пселлу, достаточно хорошо известна. Несмотря на это, изучив содержащиеся у византийских хронистов сведения о родственниках Константина IX, Янин и Литаврин пришли к выводу, согласно которому «наиболее правдоподобным остается допущение, что мать Владимира была родной дочерью императора» от его второго брака, который «продолжался примерно между 1025 и 1033 гг.», то есть до восшествия на престол³⁵. При этом исследователями было высказано предположение, что она носила имя Мария. Основанием к этому послужило сходство в надписях публикуемой ими печати Владимира с печатью «архонтиссы Марии». Изображение на печати Марии Андрея Первозванного позволяет, по мнению авторов, видеть в этом изображении патрона ее супруга. Поскольку христианское имя Андрей имел Всеволод Ярославич, наиболее вероятным является предположение, что архонтисса Мария и есть жена Всеволода (Андрея) Ярославича³⁶.

Будучи обстоятельно аргументированной, эта гипотеза получила поддержку и других исследователей, в том числе и зарубежных. Полностью присоединился к ней, признав ее вполне убедительной, А.В. Соловьёв³⁷. Склоняется к ней и биограф Владимира Мономаха А.Ю. Карпов, не исключая, вместе с тем, что эта «будущая жена Всеволода Ярославича была незаконнорожденной дочерью Константина Мономаха от его любовницы Склирены (племянницы его второй жены), с которой Константин находился в длительной связи по крайней мере с начала 30-х годов XI века и которую, став императором, он ввел во дворец с почетным титулом севасты»³⁸.

Точка зрения, согласно которой дочь Константина Мономаха, ставшую супругой Всеволода Ярославича, звали Марией, является, однако, не единственной. Существуют и другие версии, опирающиеся на устные или письменные источники. Так, в местных смоленских преданиях о перенесении иконы Смоленской Божией Матери из Константинополя на Русь мать Владимира, дочь императора Константина Мономаха, именуется Анной; в синодике киевского Выдубицкого монастыря — Анастасией³⁹; в помяннике из Киево-Печерского патерика в редакции Иосифа Тризны (1647—1656) — Ефросинией⁴⁰. Но все эти известия весьма позднего происхождения и в отличие от гипотезы Янина и Литаврина не вызывают у исследователей большого доверия. В упомянутом устном предании, скорее всего, отразилось имя царицы Анны, супруги князя Владимира Святого, ибо в некоторых записях смоленского предания речь идет именно о ней⁴¹. В сообщениях же Выдубицкого синодика и помянника Иосифа Тризны, как справедливо подметил А.Ю. Карпов, «вызывает сомнение, прежде всего, тот факт, что Анастасия или Ефросиния названа здесь матерью как Владимира, так и его младшего брата Ростислава, что в любом случае неверно, ибо брат Владимира Ростислав появился на свет во втором браке своего отца. Соответственно речь может идти о второй супруге Всеволода Ярославича — мачехе, но не матери Мономаха»⁴². Справедливости ради следует отметить, что высказывались ар-

гументы и против отождествления матери Владимира с «архонтиссой Марией». Надпись «Мономах» на рассматривавшейся выше печати, как заметил А. Каждан, «далеко не очевидна; ее намного логичнее было бы прочитать “Монах”, т.е. монахиня. Она могла быть монахиней в монастыре святого апостола Андрея Первозванного, а не супругой Андрея-Всеволода. И, наконец, Мария, не интерпретируется как архонтисса “из России”, а просто как “очень благородная архонтисса”. В этом случае, печать теряет связь с загадочной женой Всеволода»⁴³. Нельзя, наконец, не признать, что «решение вопроса о происхождении супруги Всеволода по данным сфрагистики имеет силу лишь косвенного доказательства»⁴⁴.

Сомневаться в том, что эта на деле неизвестная по имени супруга Всеволода была дочерью императора Константина IX, позволяет не только молчание о ней византийских источников, вообще не знающих его дочерей, но и некоторые другие причины. С такой же степенью достоверности можно утверждать, что выданная замуж на Русь принцесса была, скажем, племянницей императора, как это допускал, например, В.В. Мошин. Однако более вероятным представляется ее еще более отдаленное с ним родство. В пользу этого могут свидетельствовать уже сами обстоятельства заключения брака Всеволода Ярославича и представительницы византийского дома. Судя по всему, этот брак был заключен между 1046 и 1052 гг., закрепив, как полагают, мир между Русью и Византией после неудачного похода в 1043 г. на Царьград русского войска во главе со старшим сыном Ярослава Мудрого Владимиром⁴⁵. В этой ситуации женитьба четвертого сына киевского князя, имевшего в то время незначительные шансы когда-либо занять отцовский престол, на родной дочери византийского императора (притом единственной), выглядит малообъяснимой. Встречающиеся в историографии утверждения о подготовке Руси к новой войне, сколачивании ею широкой антивизантийской коалиции и т.п., призванные объяснить столь крупную со стороны империи уступку, не убеждают⁴⁶. Общеизвестно, что византийцы вообще очень осторожно относились к заключению подобных династических браков и если соглашались на них, то только в исключительных случаях, будучи вынуждены так поступить из-за военных успехов варваров. Так, Владимиру Святому, чтобы добиться обещанной ему за помощь в подавлении восстания Варды Фоки руки сестры императора Василия II Анны, пришлось, ни много, ни мало, захватить Корсунь⁴⁷. В данном же случае произошло обратное: в 1043 г. победительницей оказалась Византия, и ей тогда ничто не угрожало. Как бы то ни было, в конечном счете, приходится согласиться с А. Кажданом: мы не знаем, кем конкретно была супруга Всеволода. Более разумно предположить, что он «был женат на даме из рода Мономахов, родственнице Константина IX»⁴⁸. С уверенностью можно только утверждать, что она не была «порфирородной» — то есть рожденной в Порфире, особом покое императорского дворца, где имели счастье появляться на свет лишь дети правящего в то время императора.

Что касается византийских связей самого Владимира Мономаха, то нельзя забывать, что, несмотря на свое происхождение и воспитание матери-гречанки, носительницы богатых христианских традиций, он был именно русским князем, выросшим и сформировавшимся в

условиях древнерусских реалий с характерными для нее дофеодальными пережитками в княжеской среде ⁴⁹. «Хотя и текла в жилах у Мономаха греческая кровь, — пишут современные исследователи, — сердцем и помыслами он был привязан к судьбам Русской земли, и этим пронизана каждая строчка княжеских произведений» ⁵⁰. Несмотря на определенную близость византийской культуре, копирование из Византии ряда идей и представлений о власти, претензий Владимира на политическое равенство с византийскими императорами не просматривается ⁵¹. Его «благородство», как заметил В.Я. Петрухин, «не заставляет его следовать тому репрезентативному образцу, который являл василевс на престоле — символ незыблемости божественной императорской власти. Скорее, князь походил на сменивших Мономахов деятельных Комнинов» или, как подметили С. Франклин и Д. Шепард, «его старшего современника, византийского военачальника Кекавмена». Но еще уместнее, по мнению упомянутых исследователей, будет «представить, что, отправляясь в путешествие с Мономахом, мы оказываемся на одном коне с его прапрадедом Святославом» ⁵². «Бодрость» и «подвижность» Мономаха, определялись тем самым «не просто его деятельным характером, но и спецификой княжеской власти на Руси» ⁵³, реалиями русской жизни. Скорее всего, именно этими реалиями, а не византийской традицией он руководствовался, когда в 1117 г. вывел из Новгорода своего старшего сына Мстислава и посадил его в близком к Киеву Белгороде ⁵⁴. Хотя эти действия и напоминают «византийский императорский обычай назначать себе при жизни соправителя-наследника» ⁵⁵, сходство это, пожалуй, более внешнее. Очевидно и то, что Владимир не был таким уж грекофилом по убеждениям, как иногда склонны считать. По верному наблюдению М.Б. Свердлов, он демонстрировал свою открытость в политическом и культурном взаимодействии с западноевропейскими странами. Причем, «династические западноевропейские связи его княжеской ветви явно преобладали над генеалогическим происхождением по материнской линии от византийского императорского дома. Сам он (то есть Владимир. — *А.И.*) был женат на английской принцессе Гиде, дочери Харальда Годвинсона. Его старший сын, новгородский князь Мстислав, имел также скандинавское имя Харальд. Женат он был на дочери шведского короля Инга Стейнкельсона. Дочь Владимира Евфимия была замужем за венгерским королем Кальманом. Сестра Мономаха Евпраксия Всеволодовна выдана замуж за саксонского маркграфа Генриха Длинного, а после его смерти — за императора Священной Римской империи Генриха IV» ⁵⁶. Уникальность фигуры Владимира Мономаха, по-видимому, отчасти и объясняется его близостью как византийской, так и западноевропейской культуре. И все же нельзя забывать, что именно родство с византийскими императорами, а не владетельными домами Западной Европы, делало его «особенным» среди других русских князей.

Тому же, что отношение Владимира к Византии не было таким уж однозначным, вероятно, в немалой степени способствовало столкновение интересов этих двух стран. О политических отношениях Мономаха с Византийской империей известно, впрочем, на удивление немного. Очевидно, они «оставались спокойными и мирными вплоть до 1116 г., когда в Подунавье вспыхнули военные действия

между империей и Русью. Обострение соперничества Владимира Мономаха с Алексеем I Комниным в Крыму привело к тому, что русский князь решил использовать против императора его политического противника»⁵⁷ — появившегося в Византии в конце XI столетия человека, выдававшего себя за Льва, сына императора Романа IV Диогена. По сообщению Анны Комниной, он был самозванцем, происходившим «из низов»⁵⁸, однако Владимир Мономах признал его за подлинного Льва Диогена и даже выдал за него дочь Марицу (Марию)⁵⁹. При явной поддержке тестя этот «Леонь царевичь», как сообщает под 1116 г. ПВЛ, «иде... на курь от Олексия царя, и влася городов ему дунайскихъ неколко», но в Дристре он был убит двумя «сарацинами», подосланными императором⁶⁰. Для Мономаха, однако, захваченные земли уже были своими. Для юридического и идеологического обоснования этого, по мнению А.П. Толочко, в Константинополе были предприняты специальные меры, результатом чего стало открытие договоров Руси с Византией, последний из которых, заключенный в 971 г. в «Доростоле» Святославом Игоревичем, и создавал такой прецедент⁶¹. Поэтому, чтобы закрепить за собой дунайские города, Владимир послал на Дунай Ивана Войтишича, и тот посадил там киевских посадников. Затем на Дунай с воеводой Фомой Ратиборичем ходил сын Мономаха Вячеслав, но когда они пришли к Дристру, то «не въспевше ничто же, воротишася»⁶². Таким образом, предпринятая Владимиром Мономахом попытка овладеть ключевым городом в Нижнем Подунавье, когда-то уже бывшим во владении русских князей, окончилась неудачей. Как и весь нижнедунайский регион, Дристр остался за Византией.

В историографии существуют две противоположные оценки этого конфликта. Чаще всего о нем писали как о «небольшом столкновении», «неожиданном», стоящем «особняком»⁶³. С такой трактовкой, однако, не согласился А.А. Горский. По его мнению, «за скупыми строками летописного сообщения стоит политическое наступление Владимира Мономаха на Византию. Максимальной целью киевского князя было посажение своего ставленника на византийский престол с последующим закреплением его за своими потомками, минимальной — установление контроля над Нижним Подунавьем и, возможно, восстановление здесь Болгарского царства под эгидой Руси»⁶⁴. Вряд ли, конечно, Владимир мог ставить перед собой столь амбициозную и труднодостижимую задачу, как посажение на византийский трон своего ставленника. Наиболее реалистичным представляется, что его целью было завоевание устья Дуная, так как гибель «Леона Диогеновича» не заставила его отказаться от этих планов⁶⁵. Вскоре после смерти императора Алексея Комнина (1118 г.) дружественные отношения с Империей были восстановлены, и в 1122 г. внучка Мономаха, дочь его старшего сына Мстислава, известная в историографии под именем Добродеи Мстиславны, вышла замуж за византийского «царевича» (как полагают исследователи, либо за племянника Алексея I, либо за одного из его внуков — Алексея или Андроника⁶⁶). Такое в практике русско-византийских отношений произошло впервые. Тогда же взамен умершего в апреле 1121 г. Никифора в Киев прибыл из Царьграда новый митрополит Никита⁶⁷, привезший, как полагают, часть почитаемой христианской святыни — перст Иоанна Крестителя⁶⁸.

Это последнее, как подметил М.Д. Приселков, «явилось незаурядным, конечно, церковным торжеством и вызвано было желанием Греков выразить тем почет и уважение к Мономаху»⁶⁹.

Некоторые исследователи не без оснований усматривают в русско-византийском военном конфликте 1116 г. и последующем примирении истоки знаменитой легенды о походе на Византию самого Владимира Мономаха и получении им знаков царской власти⁷⁰. Свидетельством в пользу этого может служить и наблюдение Б.Н. Флори по поводу упомянутого выше перенесения на Русь из Константинополя перста Иоанна Крестителя. Согласно выводу исследователя, уже во второй половине XII в. эта реликвия, находившаяся в одном из киевских монастырей, могла восприниматься как часть византийской коронационной регалии⁷¹. Впоследствии, однако, в послемонгольские времена сведения о персте святого исчезают из источников. Но память о византийском походе Мономаха и о получении им одной из реликвий Византийского царства должна была сохраниться⁷². Заметный вклад в ее переосмысление, наполнение актуальным идейным смыслом принадлежал, прежде всего, книжникам-историографам Московского царства, создавшим на рубеже XV—XVI вв. целый цикл легенд об истоках российского царства, которые теряются в ранней истории Киевской Руси. Особую актуальность в это время приобрела «византийская» составляющая древнего киевского наследия, чему способствовало как минимум два события. Первое из них — подписание православными патриархами в 1439 г. Ферраро-Флорентийской унии и признание тем самым верховенства Папы Римского, что было расценено Москвой как явное отступление от идеалов православия. И второе — падение в 1453 г. Константинополя — православной столицы мира, Нового Иерусалима и второго Рима — под ударами османского султана Мехмеда II Завоевателя⁷³. В глазах древнерусских книжников все это означало, что Московская Русь остается единственным православным государством, новым Иерусалимом и последним, «третьим Римом», а московские великие князья становятся прямыми наследниками власти византийских императоров⁷⁴. Однако для обоснования своего нового статуса они нуждались в исторических прецедентах, в связи с чем и вспомнили о Владимире Мономахе, который не только воевал с Византией, но и сам являлся наполовину греком, носившим греческое же имя — Мономах, а, следовательно, был идеальным персонажем для мифопоэтического творчества подобного рода.

В созданном русскими книжниками целом цикле сочинений, объединяемых общим названием «Сказание о князьях владимирских», Владимир Всеволодович, будучи одним из прародителей московских правителей, предстал как грозный воитель царьградских владений. Напугав своей силой Царьград, он получил из рук византийского императора знаки царского достоинства — «венец», то есть корону (знаменитую «шапку Мономаха») и другие царские дары, которыми затем был венчан специально для этого прибывшим из Константинополя в Киев посольством⁷⁵. Примечательно при этом, что в роли столь щедрого дарителя выступил не его современник, император Алексей Комнин, имя которого появляется только в поздних переделках «Сказания»⁷⁶, а Константин Мономах — его родственник по матери, умерший, когда Владимиру было всего около двух лет от роду. Уже в силу

этого последнего обстоятельства он не мог с ним воевать и обмениваться дарами. Но такие нюансы не имели значения, поскольку, как заметил еще В.О. Ключевский, «тогда мыслили не идеями, а образами, символами, обрядами, легендами» и к прошлому «обращались не для объяснения явлений настоящего, а для оправдания текущих интересов, подыскивали примеры для собственных притязаний»⁷⁷. Помимо родственных связей и идентичности прозвищ князя и императора, вероятно, сыграл свою роль и тот факт, что на Руси действительно были известны дары Константина Мономаха (среди них Малый Сион Новгородского Софийского собора и Смоленская икона Божьей Матери Одигитрия, поднесенная, по преданию, Владимиром Мономахом смоленской церкви Пресвятой Богородицы)⁷⁸. Но, как и в случае с символикой перста Иоанна Крестителя, все эти связи и дары были существенным образом переосмыслены. Последние — отождествлены с вещами, которые являлись родовыми реликвиями московских великих князей, хранившимися в их казне, по крайней мере, с середины XIV в.⁷⁹, а генеалогическое родство — подменено политическим. «И от того времени, — читаем в «Сказании о князьях владимирских», — князь великий Владимир Всеволодич наречется Манамах, царь Великия Русия»⁸⁰. Именно поэтому царями являются и его потомки — великие князья владимирские и московские, венчающиеся тем же самым венцом, который якобы Владимиру прислал император Константин Мономах. Так, московским правителям было дано обоснование их притязаний на царский титул и особое место в «содружестве» европейских государств.

Многообразные связи Владимира Мономаха с Византией — генеалогические, культурные, политические и пр. сыграли, таким образом, весьма существенную роль в формировании и эволюции его мифологизированного образа. Очевидно, что не в последнюю очередь именно благодаря этим связям, их осмыслению в общественно-политической мысли Древней Руси и Московского царства, фигура этого князя и заняла столь заметное место в русской исторической памяти.

Примечания

1. Повесть временных лет (ПВЛ). СПб. 2007, с. 70.
2. Там же, с. 98.
3. ТОЛОЧКО А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев. 1992, с. 113.
4. ПЛОТНИКОВА О.А. Легитимизация власти на этапе становления и укрепления династии русских князей. <http://www.mosgu.ru/>. Ср.: ВАЛЕЕВА Г.К. О родовом прозвании Владимира Всеволодовича Мономаха. — Вопросы ономастики. Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск. 198, с. 121.
5. ВОРОНИН Н.Н. О времени и месте включения в летопись сочинений Владимира Мономаха. — Историко-археологический сборник в честь А.В. Арциховского. М. 1962, с. 265—271; ГОРСКИЙ А.А. К вопросу о судьбе произведений Владимира Мономаха. В кн.: Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. М. 2005, с. 117—123.
6. ЯНИН В.Л., ЛИТАВРИН Г.Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. Историко-археологический сборник. А.В. Арциховскому к 60-летию. М. 1962, с. 205; ЯНИН В.Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I. М. 1970, с. 16, 170, 251.

7. ЯНИН В.Л., ЛИТАВРИН Г.Г. Ук. соч., с. 211; ЯНИН В.Л. Ук. соч., с. 30, 70, 252; ПУЦКО В.Г. Вислая печать Владимира Мономаха. В кн.: Нумизматика и сфрагистика. Киев. 1974, с. 96—99.
8. ЯНИН В.Л., ЛИТАВРИН Г.Г. Ук. соч., с. 212; ЯНИН В.Л. Ук. соч., с. 70.
9. ЯНИН В.Л., ЛИТАВРИН Г.Г. Ук. соч., с. 217.
10. ПОНЫРКО Н.В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб. 1992, с. 67, 70—71; Послание Владимиру Мономаху о поште и воздержании чувств. В кн.: Послания митрополита Никифора. М. 2000, с. 59, 73—74. Не иначе как «благородный княже» обращался к Владимиру Мономаху митрополит Никифор и в своем послании о латинской вере. См.: ПОНЫРКО Н.В. Ук. соч., с. 71; Послание на латин. В кн.: Послания митрополита Никифора, с. 95.
11. По мнению некоторых исследователей, митрополит Никифор стал даже одним из инициаторов приглашения Владимира Мономаха после смерти Святополка на киевский стол. См.: МАКАРОВ А.И., МИЛЬКОВ В.В., ПОЛЯНСКИЙ С.М. Древнерусская мысль в ее историческом развитии до Никифора. В кн.: Послания митрополита Никифора, с. 46; ГАЙДЕНКО П.И. Священная иерархия Древней Руси (XI—XIII вв.): зарисовки власти и повседневности. М. 2014, с. 61, 120; КАРПОВ А.Ю. Владимир Мономах. М. 2015, с. 290.
12. БОЛЕНСКИЙ Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998, с. 483.
13. ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Киевская Русь. Тверь-М. 1996, с. 106.
14. ПРИСЕЛКОВ М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб. 1913, с. 325—326.
15. Там же, с. 331.
16. ОРЛОВ А.С. Владимир Мономах. М.-Л. 1946, с. 58—62, 80; ХРУСТАЛЁВ Д.Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб. 2002, с. 256, 285. Некоторая переориентация интересов великокняжеского стола в сторону Византии, вероятно, имела место только в период вскоре после вокняжения Владимира Мономаха в Киеве. См.: ГАЙДЕНКО П.И. Ук. соч., с. 61.
17. ОРЛОВ А.С. Ук. соч., с. 64; История культуры Древней Руси. Домонгольский период. Т. 2. М.-Л. 1951, с. 444—445; НИКОЛАЕВА Т.В., ЧЕРНЕЦОВ А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М. 1991, с. 49—51; КОТЛЯР Н.Ф. Золотая гривна Мономаха. — Родина. 2008, № 1, с. 31.
18. БОЛЕНСКИЙ Д. Ук. соч., с. 484. По остроумному предположению Б.А. Рыбакова, князь потерял этот амулет во время одного из своих охотничьих единоборств, о которых он писал в своем «Поучении». См.: РЫБАКОВ Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М. 1982, с. 455. Ср.: КОТЛЯР Н.Ф. Ук. соч., с. 32.
19. ОРЛОВ А.С. Ук. соч., с. 65. Подробнее об амулетах-змеевиках как свидетельстве «христианско-языческого двоеверия» см.: РЫБАКОВ Б.А. Язычество Древней Руси. М. 1987, с. 653—656. По мнению большинства исследователей, данная филиakterия имеет русское происхождение. Однако по своим стилистическим особенностям она не находит близких соответствий в предшествующих и синхронных памятниках Древней Руси. Ближайшие к ней аналогии — в изображениях на рельефах пещерного храма во имя архистратига Михаила в Монте-Горгано (Сант-Анджело, Южная Италия). См.: ШЕВЧЕНКО Ю.Ю. Русские амулеты с образом архангела из пещерного храма Южной Италии времен норманнского завоевателя Роберта Гвискара. В кн.: Скандинавские чтения 2008 года. СПб. 2010, с. 40—45.
20. ЛАЗАРЕВ В.Н. Древнерусские мозаики и фрески XI—XV вв. М. 1973, с. 107—115.
21. Там же, с. 27. Ср.: БОЛЕНСКИЙ Д. Ук. соч., с. 485.
22. О подобном восприятии Киева см.: ДАНИЛЕВСКИЙ И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.): Курс лекций. М. 1998, с. 355—368; РИЧКА В.М. «Київ — Другий Єрусалим» (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ. 2005. Примечательно, что идею столичности Киева Владимир Мономах проводил и в летописании. По наблюдению А.П. Толочко, согласно ПВЛ, среди русских князей он был даже первым, кто ее высказывал. См.: ТОЛОЧКО А.П. Ук. соч., с. 108—109. Заслуживает в этой же связи внимания и связываемое им с именем Мономаха сказание о построении Успенского собора Печерского монастыря (зафиксировано в Киево-Печерском патерике), главным

- идейным содержанием которого стало представление о небесном патронате Богоматери над столицей Руси, повторяющее византийский культ Богоматери Влакхернитиссы, покровительницы Константинополя. См.: Там же, с. 114—121. Эту идею небесного заступничества Богородицы, на которую обратил внимание В.М. Рычка, отражает также помещенная в ПВЛ под 1096 г. Молитва, которой завершается «Поучение» Владимира Мономаха. См.: РИЧКА В.М. Ук. соч., с. 136. Наконец, некоторые исследователи называли Владимира Мономаха даже в качестве учредителя праздника Покрова Богородицы, на деле, скорее всего, учрежденного его внуком Андреем Боголюбским, которого есть основания подозревать и в авторстве приписываемой Мономаху упомянутой выше Молитвы. См.: ПЛЮХАНОВА М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб. 1995, с. 52—61; ВОРОНИН Н.Н. Ук. соч., с. 269—271. Но как бы то ни было, особое почитание Владимиром Мономахом Божией Матери, о чем свидетельствует строительство храмов в ее честь, несомненно.
23. ОБОЛЕНСКИЙ Д. Ук. соч., с. 485.
  24. ДАНИЛЕВСКИЙ И.Н. Князья домонгольской Руси: «свои» или «чужие». — Родина. 2012, № 9, с. 113.
  25. МОРОЗОВА Л.Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М. 2009, с. 269, 283—284.
  26. СЕНДЕРОВИЧ С. Св. Владимир: к мифопоэзису. Т. 49. СПб. 1996, с. 300—313; ЛИТВИНА А.Ф., УСПЕНСКИЙ Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М. 2006.
  27. БАРАНКОВА Г.С., МИЛЬКОВ В.В., ПОЛЯНСКИЙ С.М. Комментарии. В кн.: Послания митрополита Никифора, с. 86.
  28. КУЗЬМИН А.Г. Владимир Мономах. В кн.: Великие государственные деятели России. М. 1996, с. 49. В данном случае автор имеет в виду известие «Поучения» Владимира Мономаха: «отец мой, дома седа, изуменяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инехъ земля». См.: ПВЛ, с. 102. Ученые до сих пор спорят, что это были за языки, единственно, в чем сходятся — Всеволод, безусловно, владел греческим языком. См.: ДАНИЛЕВСКИЙ И.Н. Князья домонгольской Руси: «свои» или «чужие», с. 114.
  29. МОРОЗОВА Л.Е. Ук. соч., с. 282.
  30. Тверской сборник. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 15. М. 2000, стлб. 151.
  31. Густынская летопись. ПСРЛ. Т. 40. СПб. 2003, с. 54.
  32. БРЮСОВА В.Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха. В кн.: Византийский временник. Т. XXVIII. М. 1968, с. 134.
  33. ПВЛ, с. 207. В своих комментариях Д.С. Лихачёв, однако, был более осторожен, отметив лишь что «Всеволод Ярославич был женат на принцессе из дома Константина Мономаха». См.: Там же, с. 489.
  34. ЯНИН В.Л., ЛИТАВРИН Г.Г. Ук. соч., с. 217.
  35. Там же, с. 221. Такую точку зрения «более вероятной» признавал и В.В. Мошин, вместе с тем, допускавший, что супругой Всеволода могла быть племянница Константина IX или, с меньшей вероятностью, его сестра. См.: МОШИН В.В. Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII вв. В кн.: Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. М. 2002, с. 323—324 (впервые: *Byzantino slavica*. Т. IX. Praha. 1947.). Дочерью императрицы Зои она, во всяком случае, не могла быть, так как на момент свадьбы с Константином Зое было уже 64 года.
  36. ЯНИН В.Л., ЛИТАВРИН Г.Г. Ук. соч., с. 212—217; ЯНИН В.Л. Ук. соч., с. 17—19.
  37. SOLOVIEV A.V. Marie, fille de Constantin IX Monomaque. — *Byzantion*. XXXII, 1963, p. 241—248.
  38. КАРПОВ А.Ю. Ук. соч., с. 16—17. Ранее подобная мысль была высказана Л. Махновцем. См.: МАХНОВЕЦЬ Л. Літопис Руський. Київ. 1989, с. 98.
  39. БРЮСОВА В.Г. Ук. соч., с. 129.
  40. КУЧКИН В.А. Княжеский помянник в составе Киево-Печерского патерика Иосифа Тризны. В кн.: Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М. 1997, с. 229.
  41. БРЮСОВА В.Г. Ук. соч., с. 128.

42. КАРПОВ А.Ю. Ук. соч., с. 16. Ср.: ЯНИН В.Л. Ук. соч., с. 19—20. Мать Владимира Мономаха умерла довольно рано, возможно, уже в 50-е гг. XI века. См.: ХРУСТАЛЁВ Д.Г. Ук. соч., с. 371. В.Н. Татищев, впрочем, в качестве даты ее смерти назвал 1067 год. См.: ТАТИЩЕВ В.Н. Собрание сочинений. Т. 2. М. 1994, с. 85. Однако достоверность этого известия сомнительна. Вторым браком, по сведениям того же Татищева, Всеволод был женат на половчанке. Концом 1060-х гг. изменения в семье Всеволода Ярославича, тем не менее, склонны датировать большинство исследователей. См.: БОРОВКОВ Д. Владимир Мономах, князь-мифотворец. М. 2015, с. 29—30.
43. KAZHDAN A. Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries. — *Harvard Ukrainian Studies*. 1988—1989, vol. 12—13, p. 417.
44. БРЮСОВА В.Г. Ук. соч., с. 128.
45. ПВЛ, с. 67; ПАШУТО В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968, с. 79—80; ЛИТАВРИН Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб. 2000, с. 258—276; КАРПОВ А.Ю. Ярослав Мудрый. М. 2010, с. 369—374. В объяснении мотивов участия Ярослава в этой кампании, в конечном счете, можно согласиться с А.П. Толочко: «поход 1043 г. должен был напомнить императору о существовании в Киеве “такого себе Ярослава Володимировича” и был скорее ответной реакцией на неуважение Византии, чем защитой от ее чрезмерного внимания». Примечательно при этом, что все сообщения о походе, по мнению исследователя, появились в летописи «не раньше 1113 г., и мы не нашли бы его в летописи Ярослава». См.: ТОЛОЧКО О.П., ТОЛОЧКО П.П. Київська Русь: Україна крізь віки. Т. 4. Київ. 1998, с. 160. В одной из своих последних работ со временем киевского княжения Владимира Мономаха А.П. Толочко, впрочем, связывает начало всего летописания, демонстрируя, что «Повесть временных лет была первым опытом создания русской истории», толчком к которому стало обретение в Киеве византийско-русских договоров X века. См.: ТОЛОЧКО А.П. Очерки начальной Руси. Киев-СПб. 2015, с. 20—59. Если наблюдения исследователя верны, то созданию ПВЛ мы во многом обязаны контактам Владимира Мономаха с Византией.
- Справедливости ради следует заметить, что с тем, что исход русско-византийской войны 1043 г. был неудачным для русских, согласны не все исследователи. В.Г. Брюсовой, например, была высказана гипотеза, согласно которой «военные действия русских не ограничились неудачным походом 1043 г., а имели дальнейшее развитие»: взятие и опустошение ими не позднее 1044 г., как и полвека назад, Херсонеса. Угроза второго похода на Константинополь после этого, по мнению исследовательницы, и привела к заключению благоприятного для русской стороны мирного договора, скрепленного династическим браком сына Ярослава с дочерью византийского императора. См.: БРЮСОВА В.Г. Русско-византийские отношения середины XI века. — *Вопросы истории*. 1972, № 3, с. 59—61. Построенная на догадках, гипотеза эта признания, впрочем, не получила. Ее критику см.: КАРПОВ А.Ю. Ярослав Мудрый, с. 371, 525—526.
46. Не случайно, такой крупный советский знаток русско-византийских отношений как М.В. Левченко попытался связать заключение этого брака не с примирением сторон после войны 1043 г., а с их договоренностью об устранении с поста киевского митрополита самовольно поставленного Ярославом «русина» Илариона. Выданную за Всеволода принцессу он при этом не считал дочерью императора, отмечая, что это была лишь «представительница рода Мономахов». См.: ЛЕВЧЕНКО М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М. 1956, с. 400—401. Объяснение ученого, однако, столь же безосновательно, как и фантазии о подготовке Руси к новой войне с Византией. По мнению Л. Мюллера, женитьба Всеволода на «родственнице византийского императора» произошла несколько раньше поставления Илариона, а сам конфликт между Константинополем и Киевом вокруг этого и вовсе не имел места. См.: МЮЛЛЕР Л. Иларион и «Повесть временных лет». В кн.: *Понять Россию: историко-культурные исследования*. М. 2000, с. 157. Ср.: ПОППЭ А. Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Київ. 2011, с. 91, 101—107, 115—119. Иначе ситуация виделась и такому крупному специалисту как В.В. Мошин, предположившему, что брак Все-

- волода с византийской принцессой «был заключен не непосредственно в связи с заключением мира 1046 года, а несколько позднее, уже по восстановлении дружественных отношений между византийским двором и Ярославом, и, вероятнее всего, в конце 1047 года, когда в Византии... произошло восстание племянника императора по матери, Льва Торника, едва не стоившее престола Константину». См.: МОШИН В.В. Ук. соч., с. 325. Впрочем, данная версия также носит характер догадки. Состояние источников не позволяет окончательно разрешить этот вопрос. По мнению А.П. Толочко, «если брак Всеволода с Мономаховой проектировался уже в 1046 г., то состоялся он не раньше 1051—1052 гг. На момент “тиши великой” Всеволоду было лишь 16 лет, а первый ребенок от этого брака — Владимир — родился в 1053 г.». См.: ТОЛОЧКО О.П., ТОЛОЧКО П.П. Ук. соч., с. 166—167.
47. ПВЛ, с. 49—50; КАРПОВ А.Ю. Владимир Святой. М. 2015, с. 215. Ср.: РИЧКА В.М. Святий рівноапостольний князь Володимир Святий в історичній пам'яті. Київ. 2012, с. 28—30.
  48. KAZHDAN A. Op. cit., p. 417.
  49. КОМАРОВИЧ В.Л. Культ рода и земли в среде древнерусских князей. ТОДРЛ. Т. 16. М.-Л. 1960, с. 84—104.
  50. МАКАРОВА А.И., МИЛЬКОВ В.В., ПОЛЯНСКИЙ С.М. Ук. соч., с. 46.
  51. ЧИЧУРОВ И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М. 1991, с. 146—150; ТОЛОЧКО А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология, с. 102—127; НАЗАРЕНКО А.В. К проблеме княжеской власти и политического строя Древней Руси: ТОЛОЧКО А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев. 1992; Средневековая Русь. Ч. 2. М. 1999, с. 180—187; ДОЛГОВ В.В. Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI—XVI вв. Ижевск. 2004, с. 17—24, 35—36; ГОРСКИЙ А.А. Русское средневековье. М. 2010, с. 85—86.
  52. ФРАНКЛИН С., ШЕПАРД Д. Начало Руси: 750—1200. СПб. 2000, с. 453.
  53. ПЕТРУХИН В.Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. В кн.: Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М. 2000, с. 207.
  54. Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Т. 2. М. 1962, стлб. 284.
  55. ПЕТРУХИН В.Я. Ук. соч., с. 207.
  56. СВЕРДЛОВ М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси в VI — первой трети XIII в. СПб. 2003, с. 497. Об усилении в конце XI в. контактов Руси (в том числе и Мономаха) и Западной Европы см.: ХРУСТАЛЁВ Д.Г. Ук. соч., с. 263—271, 278—280, 285, 375—376; НАЗАРЕНКО А.В. Владимир Мономах и Вельфы в конце XI в. В кн.: Средневековая Русь. М. 2007, с. 72—73, 114—115.
  57. КОТЛЯР Н.Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб. 2003, с. 65—66. Ср.: ПАШУТО В.Т. Ук. соч., с. 186; ЛИТАВРИН Г.Г. Ук. соч., с. 292.
  58. БИБИКОВ М.В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. М. 2009, с. 403.
  59. Фигура этого зятя Мономаха, выдававшего себя за сына императора Романа Диогена, во многом остается загадочной и поныне. Впервые «Девгеневиц» упоминается в ПВЛ под 1095 г., согласно записи, напад с половцами на Византию, он был захвачен и по приказу императора Алексея Комнина ослеплен. Вторично, уже как «зять Володимерь» он фигурирует в рассматриваемой нами далее летописной статье 1116 года. Однако, вряд ли это одно и то же лицо. Соображения по этому поводу см.: КАРПОВ А.Ю. Владимир Мономах, с. 156; БОРОВКОВ Д. Ук. соч., с. 153. Не очень похоже и на то, чтобы Владимир Мономах выдал свою дочь за лжеца-бродягу, каковым его считала Анна Комнина. Такой тонкий знаток русско-византийских отношений как В.Г. Васильевский полагал, что, если первый Диогенович, упоминаемый в ПВЛ под 1095 г. был самозванцем, то второй, о котором идет речь под 1116 г. — действительно сын императора Романа, но от первого брака, до восшествия на престол. Являясь зятем Владимира Мономаха, он, по его мнению, был, однако, женат не на его дочери, а на сестре. См.: ВАСИЛЬЕВСКИЙ В.Г. Два письма византийского императора Михаила VII Дуки к Всеволоду Ярославичу. Труды. Т. 2. СПб. 1909, с. 37—48. Ср.: ИЛОВАЙСКИЙ Д. История России. Ч. 1. Киевский период. М. 1876, с. 310—311. Возражения по этому поводу см.: БУДОВНИЦ И.У. Владимир Мономах и его военная доктрина. —

- Исторические записки. 1947, № 22, с. 97—98; ЛЕВЧЕНКО М.В. Ук. соч., с. 407—418. По мнению А. Каждана, вряд ли Леон Диоген был настоящим сыном императора, но «возможно был родственником дома». См.: KAZHDAN A. Op. cit., p. 422.
60. ПВЛ, с. 129.
61. ТОЛОЧКО А.П. Очерки начальной Руси. Киев-СПб. 2015, с. 54—56.
62. ПВЛ, с. 129.
63. ЛЕВЧЕНКО М.В. Ук. соч., с. 477; История Византии. Т. 2. М. 1967, с. 352; ПАШУТО В.Т. Ук. соч., с. 88.
64. ГОРСКИЙ А.А. Забытая война Мономаха. Русско-византийский конфликт 1116 г. — Родина. 2002, № 11—12, с. 100. В этом же духе находится замечание Г.Г. Литаврина о том, что это был «отнюдь не простой пограничный конфликт. Брак Лжедиогена с дочерью Мономаха свидетельствует об отказе киевского князя признать законными права Алексея I — узурпатора византийского престола. Для подобного отношения полугрека Мономаха к византийскому двору нужно было иметь весьма веские политические основания». См.: ЛИТАВРИН Г.Г. Ук. соч., с. 392. В пользу того, что поход русских дружин на Дунай в 1116 г. не был «спонтанным», свидетельствуют и последние наблюдения А.П. Толочко. См.: ТОЛОЧКО А.П. Очерки начальной Руси, с. 55.
65. БОРОВКОВ Д. Ук. соч., с. 153. По мнению А.Н. Слядзя, Мономах «стремился к достижению нового экономического соглашения с империей, укреплению родового престижа (через брачные узы с Комниновским домом) и как максимум приобретению прочного и безопасного выхода к устью Дуная и византийской границе». См.: СЛЯДЗЬ А.Н. Византия и Русь: опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI — начало XII века). СПб.-М. 2014, с. 167.
66. ЛОПАРЁВ Х. Брак Мстиславны (1122 г.). В кн.: Византийский временник. Т. IX. СПб. 1902, с. 424—426; ПАПАДИМИТРИУ С. Брак русской княжны Мстиславны Добродей с греческим царевичем Алексеем Комнином. Там же. Т. XI. СПб. 1904, с. 83—84; ЛЕВЧЕНКО М.В. Ук. соч., с. 477; ПАШУТО В.Т. Ук. соч., с. 187; КОТЛЯР Н.Ф. Ук. соч., с. 66.
67. Ипатьевская летопись, стлб. 286.
68. ПРИСЕЛКОВ М.Д. Ук. соч., с. 330—331; ПАШУТО В.Т. Ук. соч., с. 187; КАРПОВ А.Ю. Владимир Мономах, с. 179—182.
69. ПРИСЕЛКОВ М.Д. Ук. соч., с. 331.
70. См. напр.: ГРУШЕВСКИЙ М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев. 1891, с. 126; ЕГО ЖЕ. Історія України-Руси. Т. II. XI—XIII віки. Львів. 1905, с. 115—116; ЛЕВЧЕНКО М.В. Ук. соч., с. 477; КАРПОВ А.Ю. Владимир Мономах, с. 326; БОРОВКОВ Д. Ук. соч., с. 195, 204. Опираясь на известие «Истории Российской» В.Н. Татищева, А.А. Горский высказал предположение, что в 1118 г. Мономах вновь посылал войска на Дунай, однако императору Алексею Комнину удалось предотвратить столкновение ценой богатых даров и договоренности о женитьбе одного из своих сыновей на внучке киевского князя. См.: ГОРСКИЙ А.А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание. В кн.: Исторические записки. Т. 115. М. 1987, с. 308—328; ЕГО ЖЕ. Забытая война Мономаха, с. 100. Однако, в силу убедительности доказательств А.П. Толочко того факта, что в распоряжении Татищева не было никаких уникальных и утраченных впоследствии источников и что фактически все «избыточные» сообщения историка являются вымыслом, подобные построения представляются маловероятными. См.: ТОЛОЧКО А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.-Киев. 2005. Присылке инсигний власти местным владельцам в Константинополе, как известно, уделяли совершенно особое значение, рассматривая этот акт чаще всего как признание зависимости от Империи. Что, однако, касается знаменитой «шапки Мономаха», то она, как доказывают специалисты, была изготовлена в 30-х гг. XIV в. для татарского хана Узбека. В конце следующего, XV столетия, к ней добавили крест и осыятили легендой о византийском происхождении, то есть связью с византийским императором Константином Мономахом. См.: УЛЬЯНОВСЬКИЙ В. Походження влади та її символів на Русі в інтерпретації «Послання» Спиридона-Сави. — Україна в Центрально-Східній Європі. 2004, № 4, с. 200—201. Подробнее о «шапке Монома-

- ха», ее изобретении и последующей «паспортизации» см.: ЖИЛИНА Н.В. «Шапка Мономаха». Историко-культурное и технологическое исследование. М. 2001.
71. ФЛОРЯ Б.Н. К генезису легенды о «дарах Мономаха». В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М. 1989, с. 188. Десницей св. Иоанна, по распространенным на Руси представлениям, «поставлялись» на царство византийские императоры. Об этом см.: УСПЕНСКИЙ Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М. 1998, с. 263—267.
72. В пользу этого свидетельствует легендарное по своему характеру известие «Слова о погибели Русской земли» о том, что, страшась Владимира Мономаха, византийский император «великия дары посылаша к нему, абы под нимь великия князь Володимерь Цесарягорода не взял». См.: БЕГУНОВ Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л. 1965, с. 154.
73. ДАНИЛЕВСКИЙ И.Н. Рождение русской общественной мысли. В кн.: Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 3. М. 2010, с. 9—10. Еще одно событие, которое может быть упомянуто в этом ряду, — заключение брака великого князя Ивана III с племянницей последнего византийского императора Константина XI Софьей (Зоей) Палеолог в 1472 г., также, вероятно, способствовавшее постепенному восприятию Москвой «византийской имперской идеи». См.: БОРОВКОВ Д. Ук. соч., с. 203. Сама мысль об изобретении уже упоминавшейся «шапки Мономаха», по мнению Э. Кинана, была «подсказана греко-итальянскими консултантами, прибывшими в 1472 г. из Италии в свите Софии, второй Ивановой жены». См.: КИНАН Е. Вказ. праця, с. 23.
74. КОРЕНЕВСКИЙ А.В. Идея «византийского наследия» в древнерусской книжности. В кн.: Восток. Запад. Россия. Тезисы всероссийской конференции 14—15 октября 1993 г. Ростов-на-Дону. 1993, с. 4—7.
75. Подробнее об этом см.: РИЧКА В.М. Спадщина Володимира Мономаха. — Український історичний журнал. 2013, № 3, с. 98—112.
76. ЖДАНОВ И. Русский былевой эпос. Исследования и материалы. I—V. СПб. 1895, с. 74—76.
77. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 1—2. Курс русской истории. Ч. 1—2. М. 1987, с. 116.
78. ТОЛОЧКО А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология, с. 123; КАРПОВ А.Ю. Владимир Мономах, с. 94—95, 325—326. Происхождение этих даров могло быть связано с брачным посольством родственницы Константина IX на Русь. Были ли среди них какие-либо подлинные царские инсигнии, сказать трудно.
79. ФЛОРЯ Б.Н. «Царский жребий». — Родина. 2004, № 12, с. 7.
80. Сказание о князьях владимирских. Первая редакция. В кн.: ДМИТРИЕВА Р.П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л. 1955, с. 177.

Кагуляры во Франции в 1930-х — 1940-х гг.

А.Г. Кондратьев

Аннотация. Секретная организация революционного действия, придерживаясь антикоммунистических, антисемитских взглядов, стремилась подорвать основы республиканского строя. Ее члены чаще всего прибегали к револьверу и кинжалу, чем к словесной риторике, используя насилие, террор и убийство как средство разрешения всех проблем. В годы второй мировой войны часть кагуляров вступила в борьбу с нацистами, другие же, утратив чувство патриотизма, национального достоинства, пошли к ним на службу.

Ключевые слова: кагуляры, антисемитизм, антикоммунизм, национализм, республиканский строй, террор.

Abstract. Cagoulards or Secret Organization of Revolutionary Action was anti-Communist, anti-Semitic organization which wanted to destroy the Republic. Its members preferred terror, murders and violent activities not speeches as a way to solve the problems. During War II, some Cagoulards fought against Nazis, other members joined them losing the patriotism and national dignity.

Key words: Cagoulards, anti-Semitism, anti-Communism, nationalism, the Republic, terror.

Правительство Народного фронта во Франции, социалистическое по своему составу, находившееся под влиянием коммунистов, возглавляемое евреем по национальности Леоном Блюмом, вызывало сильное раздражение и недоверие у подавляющей части ультраправых профашистских сил. Французская компартия была создана... «как французское отделение Коминтерна... и ГПУ и их целям служила»¹. Цель этих организаций хорошо знало как руководство западных стран, так и их население: проведение коммунистической революции в мировом масштабе, физическая ликвидация неудобных политических деятелей и т.д. Антисемитизм, страх перед красной опасностью подвиг ультраправые организации на политические выступления, направленные против республиканского строя во Франции.

Кондратьев Александр Генрихович — кандидат филологических наук, доцент Томского государственного университета. E-mail: Aleksander1870@mail.ru.

Kondratyev Alexander G. — candidate of philological sciences, associate professor of the Tomsk State University. E-mail: Aleksander1870@mail.ru.

---

6 февраля 1934 г. в Париже перед Палатой депутатов прошли антиправительственные демонстрации, в которых приняли участие представители правых и ультраправых партий, лиг, ассоциаций бывших фронтовиков («Французской солидарности», «Патриотической молодежи», «Королевских молодчиков», «Национального союза фронтовиков» и т.д.), готовых совершить государственный переворот с целью захвата власти. Правительство, опираясь на полицию и левые силы, подавило мятеж. Шарль Моррас, лидер организации «Французское действие», весьма апатично отнесся к вопросу захвата власти в стране, что дало повод Эжену Делонкю, примыкавшему к ней, назвать ее «Французским бездействием».

В декабре 1935 г. Делонкль основал Революционную национальную партию (*Parti national révolutionnaire*, PNR), чтобы бороться с леворадикальным движением во Франции и, в первую очередь, с компартией.

18 июня 1936 г. правительство Народного фронта Леона Блюма запретило профашистские ультраправые организации. В тот же день Революционная национальная партия самораспустилась, основав в условиях подполья «Секретную организацию национального революционного действия» (*Organisation secret d'action révolutionnaire nationale*), OSARN). Стремясь избежать преследования со стороны правительства, она неоднократно изменяла свое название: «Секретный комитет революционного действия» (*Comite secret d'action révolutionnaire*), CSAR), «Секретная организация революционного действия» (*Organisation secreta d'action révolutionnaire*), OSAR). В ее руководящее звено входили Эжен Делонкль, Аристид Корр, Жан Фийоль, Жан Коррез, Анри Делонкль и другие. Широким кругам общественности того времени эта организация была более известна как «кагуляры». Ее члены во время своих тайных собраний или при принятии присяги надевали специальные капюшоны с прорезями для глаз (*sagoules*).

В 1936 г. Правительство Народного фронта в качестве союзника избрало компартию. Для многих французов это правительство, определявшее внутреннюю и внешнюю политику, означало экономическую разруху, беспорядок, революционную диктатуру, гражданскую войну. «Беспрецедентная волна забастовок летом 1936 г. и начало гражданской войны в Испании, казалось, оправдывали эти опасения»².

У истоков зарождения движения кагуляров стояли Эжен Делонкль и Аристид Корр, друзья детства, которое они провели в Бресте. Эжен родился в 1890 г., Аристид — в 1895. Отец Делонкля, капитан дальнего плавания, погиб во время кораблекрушения в 1898 году. Юного Эжена интересовали точные науки, а Аристид проявил склонность к изучению древней истории и литературы. Его интересовали труды Платона, Аристотеля, Геродота, Горация. Эжен связал свою судьбу с морем, став в 1912 г. морским инженером, а Аристид закончил филологический факультет и специализировался по классической литературе и истории.

Начавшаяся первая мировая война на какое-то время разделила друзей. Делонкля призвали в армию и отправили в артиллерийские части. В Шампани он получил ранение. За проявленное мужество ему объявили благодарность в приказе по бригаде. После окончания войны правительство Франции наградило Эжена Делонкля орденом

Почетного легиона. В первые годы мирного затишья он занимал различные должности в корпусе морских инженеров и в технических комитетах. Послужной список Аристида Корра поскромнее. Помимо литературного труда он занимался издательской деятельностью.

Важную роль в организации кагуляров играл Жан Фийоль. Он родился 12 мая 1909 г. в Бержеране. Закончив лицей в Ангулеме, Фийоль занялся производством бумаги. В 1929 г. его призвали в армию в 170-й пехотный полк. После воинской службы он работал на заводе фирмы «Гашетт», а затем стал помощником продавца бумаги. В организации кагуляров Фийоль получил кличку «Палач».

Основу Секретной организации революционного действия составляли боевые группы, включавшие от 7 до 12 чел., вооруженные немецкими автоматами «Шмайсер» и итальянскими полуавтоматическими винтовками «Берета», а также гранатами, которыми их щедро снабжали Гитлер и Муссолини за оказанные услуги. В этой связи журналист Тьерри Мейссан в статье «Антисемитизм и антимасонство секретной истории фирмы “Ореаль”» отмечал: «В течение полутора лет Секретная организация национального революционного действия придала определенную форму своим отношениям с правительством Бенито Муссолини в Италии, затем — с Адольфом Гитлером в Германии. Со своей стороны они поставляли оружие Франсиско Франко в Испании, а кагуляры физически устраняли политических беженцев во Франции, получая взамен финансовую и материально-техническую помощь»³. 3 группы составляли роту, 3 роты — батальон. В период оккупации Делонкль только в Париже располагал 5000 бойцов, а в зоне Виши были расквартированы 2 дивизии, насчитывавшие 12 000 человек. Дивизия делилась на бригады, полки и батальоны, связь между которыми поддерживали специальные группы. Около 1200 офицеров являлись членами организации, с которой поддерживали отношения 2 маршала: Франше д'Эспере и Петэн. Маршала д'Эспере на всех собраниях кагуляров представлял его высокопоставленный офицер, а Петэн установил контакты с ними одновременно через личного советника Алибера и генерала Брежара, своего начальника штаба. Кроме того, кагуляры поддерживали связь с генералом Жоржем, представителем Генерального штаба французской армии, адъютантом маршала Гамелена, будущим командующим Северной армией, с генералом Жеаннелем, начальником его штаба, с генералом Дюфие, Генеральным инспектором пехоты. Они глубоко внедрились в государственный аппарат страны. Кагуляры имели связи с Высшим военным советом, с высокопоставленными чиновниками, с полицией.

Материальную помощь организации Делонкля оказывали основатель знаменитой фирмы «Ореаль» Эжен Шюэлер, герцог Жозеф Поццо де Борго и другие крупные финансовые тузы. Она пользовалась финансовой поддержкой фирм «Мишлен», «Лезиер», компаний «Коти», «Ситроен», «Куантро», передавших вождю кагуляров 100 млн франков.

Секретарем организации являлся доктор Анри Мартен, весьма примечательная личность. Он в течение сорока лет принимал участие в заговорах. После воинской службы в 22-ом драгунском полку Анри Мартен вступил в организацию «Аксьон франсэз», а затем перешел в кагуляры, чтобы всецело отдаться единственной страсти

— разведке. Используя денежные средства, он создал обширную сеть информаторов.

Штаб кагуляров находился в Париже и включал 4 бюро: провинциальной службы, центр по поддержанию связей с военными кругами и по проведению боевых акций, службу здоровья и центр военной подготовки. Функции руководителя главного 2-го бюро, занимавшегося проведением боевых акций, и ответственного за финансовые вопросы были возложены на Габриэля Жанте. Аристид Корр писал историю организации.

Внутри страны кагуляры постоянно поддерживали связь с армией, правыми политическими организациями и национальными лигами, ассоциациями бывших фронтовиков, с представителями тяжелой промышленности, торговли, финансов. Они создали свои отделения не только во всех департаментах Франции, но и в отдельных колониальных владениях. Кагуляры имели свои базы в Испании, Италии, Германии, а филиалы — в Бельгии и Люксембурге.

Секретная организация революционного действия, исходя из принципа секретности, практически не использовала документы, так как ее члены боялись, что тайные сведения будут известны третьим лицам. Отсутствие опыта подпольной деятельности вело к тому, что все приходилось создавать самим, адаптироваться применительно к условиям определенного региона, разрешать все возникающие трудности. В распоряжении организации находилась специальная лаборатория, в которой работали над изготовлением ядов, изобретением технических новинок. Предателей в своей среде чаще всего ликвидировали как крыс, используя стрихнин. Кагуляры были готовы пойти на любое преступление, чтобы «спасти нацию». В случае возникновения опасности коммунистического переворота кагулярам по ранее намеченному плану надлежало захватить все стратегические пункты и жизненно важные центры столицы и, опираясь на свои военные формирования, создать временное правительство.

Кагуляры пополняли свои ряды за счет лиц, покинувших правые или ультраправые организации: «Огненные кресты», «Патриотическая молодежь», «Французская солидарность», Франсистская партия. Перед вступлением в движение новичок перед развернутым знаменем зачитывал присягу: «Я приношу клятву верности и послушания Секретной организации революционного действия и ее руководителям. Любое нарушение этих правил, о чем я предупрежден и меру ответственности за их исполнение знаю, повлечет мое осуждение на смерть»⁴. Каждый член имел свой псевдоним. Рядовой член организации не знал, кто является его непосредственным начальником. Центральная картотека организации была закодирована.

Начиная с 1936 г., кагуляры, придерживаясь антикоммунистических, антисемитских, антиреспубликанских взглядов, стремились подорвать основы республиканского строя. Они чаще прибегали к оружию, чем к словесной риторике, используя насилие, террор и убийство как средство разрешения всех проблем.

Жан Фийоль являлся сторонником незамедлительной конфронтации с республиканским правительством, с левыми и со своими соперниками из стана правых, но более умеренные кагуляры надеялись на то, что у истоков гражданской войны окажутся красные. В июле

1936 г. он во время собрания лиц, входивших в ближайшее окружение Делонкля, обсуждавших вопрос запрета компартии, своего законного врага и соперника, предложил убить Морраса, Доде, Пюшо, лидеров организации. Его предложение участники собрания отвергли без обсуждения. Однако о своей идее Фийоль поведал бывшему королевскому молодчику из 17-ой команды Андре Тибо, который поделился полученной информацией с теми, кто хотел о ней знать. Вскоре он подвергся нападению со стороны трех человек, которые изрядно его помяли: выбили 2 зуба, подбили глаз, разорвали ухо, но прохожие спасли Андре от смерти. Тибо подал жалобу в полицейскую префектуру, указав, что среди нападавших находился Фийоль с кинжалом в руке. Тот стал угрожать Андре, потребовав от него забрать жалобу, иначе его ждет смерть. Длинный язык был не в почете у кагуляров.

Кагуляры выступали за установление авторитарного режима фашистского типа, стремились создать в стране атмосферу напряженности и неуверенности, спровоцировать коммунистов и социалистов на ответные насильственные действия, оправдать вмешательство армии, чтобы установить порядок. Первый политический удар они решили нанести по главе республиканского правительства Леону Блюму. 9 февраля 1936 г. скончался Жак Бэнвиль, член Французской академии наук, одновременно историк организации «Аксьон франсез». Леону Блюму, как премьер-министру, предстояло присутствовать на его погребении. Делонкль, Фийоль, Корр и Коррез, исходя из особых «дружеских отношений», разработали несколько вариантов плана покушения на главу правительства. Убийство предстояло совершить Фийолю, а другие члены организации должны были помочь ему в выполнении этой задачи. После того как машину премьер-министра, покинувшую Бурбонский дворец, задержали и блокировали королевские молодчики из 17-ой команды, пытаясь его избить, кагуляры поняли, что их затея не удалась. Однако они не отказались от мысли расправиться с Блюмом. 13 февраля премьер-министра в очередной поездке сопровождал депутат-социалист Жорж Моннэ. Машина подверглась нападению со стороны Корреза, Корра, Фийоля и Фернана Якубеца, ветерана движения кагуляров. Блюм получил ранение. Позднее, оценивая ситуацию, он отметил: «Я, действительно, полагаю, что в тот период, когда я был главой правительства, угроза фашистского путча, в котором кагуляры являлись самым активным элементом, была реальной»⁵.

К этому периоду относятся первые контакты руководства кагуляров с представителями фашистского режима Италии. Во время встречи в Монте-Карло эмиссара Делонкля с одним из руководителей итальянской разведывательной службы полковником Эммануэлем Санто он заявил: «Ваш дуче является и будет нашим учителем. Мы совершенно согласны с вашим дуче, что он рассматривает фашизм в качестве нормы политической жизни не только для Италии, но и Европы... Фашистский режим должен быть скопирован, применим к условиям Франции»⁶. Первые контакты обернутся невинно пролитой кровью антифашистов братьев Роселли, зверски убитых кагулярами.

Провокации, угрозы, шантаж, убийства, охота на коммунистов являлись обычным делом для кагуляров. Ухудшение социально-экономического положения страны, активное проникновение во Фран-

цию агентуры Коминтерна и ГПУ привело к тому, что кагуляры взяли под свой контроль деятельность советского посольства и других учреждений в Париже, пытаясь выявить среди дипломатов и других работников сотрудников спецслужб. 23 января 1937 г. Фийоль пятью ударами штыка убил Дмитрия Навашина, коммуниста, франкмасона, журналиста и советского экономиста, директора Коммерческого банка, работавшего со странами Северной Европы, личного друга министра Анатоля де Монзи, выступавшего за развитие торговых отношений с СССР. В это же время кагуляры ликвидировали предателей и клятвопреступников из своих рядов — Мориса Жюифа и Леона Жана-Батиста.

Кагуляры устанавливали контакты с лицами, близкими к ним по духу, в колониях. Анри Делонкль и Фийоль убедили фронтовика, уроженца Алжира, Амуни Амара создать ассоциацию, близкую к Секретной организации революционного действия, которая пользовалась их поддержкой. Эта группировка рекрутировалась среди членов «Аксьон франсэз» и организации «Огненные кресты». В мае-июне 1937 г. Анри Делонкль передал Амара 110 тыс. франков, большую часть которых тот использовал в личных целях. Эжен Делонкль решил сместить Амара, заменив его на Эль Маади. Амара уступил свое кресло только после угроз Фийоля, который привык действовать решительно, а не прибегать к риторическим увещаниям. Эль Маади окружил себя 200 молодчиками, которые составляли «команду штурмовиков». Эта ударная группа должна была в назначенный день прибыть в Париж и после проведения операции вернуться в Алжир. Большинство людей Маади проявят себя в годы второй мировой войны, в период оккупации Франции, попав под начало французских гестаповцев Бони и Лафона. Они примут участие в пытках, экзекуциях, репрессиях, убийствах, грабежах и т.д.

Кагуляры боролись с коммунистами и социалистами не только собственной страны, но и, по просьбе правительств и спецслужб других государств, политический строй которых был им близок по духу, занимались ликвидацией неудобных лиц.

Члены организации Делонкля устранили в 1937 г. итальянских антифашистов братьев Карло и Нелло Россели. Это было одно из самых шумных политических убийств того времени. Делонкль принял заказ на убийство антифашистов от 2-го бюро итальянских спецслужб, так как Россели располагали документами, компрометирующими режим Муссолини.

20 января 1937 г. Делонкль отправился в Испанию, где связался с влиятельными кагулярами, контролировавшими юго-запад Франции. Затем он поехал в Италию, чтобы забрать стрелковое оружие, винтовки «Берета» и гранаты для проведения операции по ликвидации братьев Россели. Активные члены организации Жозеф Дарнан, Габриэль Жанте и Франсуа Метенье проявили готовность провести серию взрывов с целью ликвидации неудобных лиц. Однако заказчики, старшие офицеры итальянской разведки, принадлежали к различным секретным службам и соперничали между собой. На самом высоком уровне Филиппо Анфузо, возглавлявший кабинет министра иностранных дел графа Чиано, представил Метенье генералу Роатта, начальнику внутренней военной информации, в руках которого на-

ходились служба внутренней военной безопасности, разведка и контрразведка. В то же самое время Жозеф Дарнан, уже имевший опыт ликвидации неугодных лиц на территории Италии, давно установил дружеские контакты с руководителем контрразведки Турина майором Новалем, который формально подчинялся полковнику Эммануэлю Санто, руководителю итальянской контрразведки, в теоретическом плане зависящей от службы военной информации. Он практически руководил «службой резерва», подчинявшейся только министру иностранных дел и главе государства. Иначе говоря, служба военной информации не всегда ставила в известность полковника Санто о подготовке проведения операции. Пользуясь услугами кагуляров, итальянская секретная служба закрывала глаза на доставку на территорию страны оружия и боеприпасов.

Братья Россели являлись непримиримыми врагами фашизма. Карло Россели, экономист по образованию, журналист по призванию, ответственный работник Итальянской социалистической партии, не принял фашистскую диктатуру и подвергся ссылке на остров Липари. Его брат Нелло, более умеренный противник фашизма, работал на кафедре истории Флорентийского университета.

Карло Россели бежал с Липари на быстроходном катере. Оказавшись в Париже, он основал газету «Джуститиа э либерта», которая превратилась в рупор всех тех, кто оказался в ссылке и являлся противником режима Муссолини. Карло Россели не остался в стороне от событий гражданской войны в Испании. Одним из первых итальянцев он вступил в Интернациональные бригады. Получив легкое ранение, Карло вернулся во Францию. Спустя какое-то время его брат Нелло покинул Флоренцию и оказался в пригороде Парижа Баньольде-л'Ори. За обоими братьями вели наблюдение люди Аристиды Корра. Делонкль выделил довольно солидную команду: 9 человек, которые поддерживали постоянную связь с Парижем, информируя руководство о ходе операции, и 3 автомобиля.

9 июля 1937 г. братья Россели вместе с женой Карло на стареньком «Форде» отправились в Аленон. Около 19 час. они решили вернуться в Баньоль. На дороге их поджидали, перегородив проезд, два «Форда». Братья Россели вышли из машины. Кагуляр Якубец с автоматом в руках подскочил к Карло, а Фийоль открыл огонь по Нелло. Затем Якубец и Фийоль для верности применили холодное оружие, хотя, по всей вероятности, оба брата были мертвы. Кагуляры оттащили их тела в чащу леса. По признанию Якубеца, именно Фийоль нанес смертельные удары.

С целью дестабилизации политической обстановки во Франции, стремясь вбить клин между коммунистами и социалистами, кагуляры прибегали к запугиванию лидеров соцпартии. После неудачной попытки физического устранения Леона Блюма, Жанте, один из лидеров кагуляров, используя разведанные, собранные Корром и Мартеном, заявил ему: «Я располагаю важными связями в Германии в самых националистически настроенных кругах. Там все больше и больше рассматривают Францию как вторую Испанию, полностью попавшую в руки каналов из Народного фронта. В этих условиях незначительное коммунистическое движение во Франции — это война, так как бытует мнение, что если и имеются, несмотря ни на что, в стране

националисты, то они ни в коей степени не заявляют о себе и полагают, что находятся вне рамок государства, не проявляя ни малейшего противодействия красной волне ⁷.

Близкая к кагулярам газета «Л'Энсьюрже» в одном из июльских номеров 1937 г. писала: «Долой Боннэ-Ставиского, а также большинство членов Народного фронта, которые проголосовали за меры, продиктованные банками!.. Долой Шотана, агента масонских лож и трестов! Депутатов-коммунистов, решивших материально поддержать бедных, долой! Долой радикальную капиталистическую реакцию и ее прислужников в парламенте! Долой режим!» ⁸ Ненависть к коммунистам была вполне объяснима, а неприязнь к капиталистам вытекала из материального расчета. Кагуляры пытались получить финансовую помощь со стороны крупного капитала, но последовал отказ. 11 сентября 1937 г. они организовали два взрыва в кварталах, примыкающих к площади Этуаль, в отместку за невнимание к себе. На ул. Пресбур кагуляры взорвали здание Всеобщей конфедерации труда французских промышленников, а на ул. Буасье — здание Союза металлургической промышленности, пытаясь пустить полицию по ложному коммунистическому следу, ускорить распад правительства Народного фронта. При взрыве зданий, где располагались штаб-квартиры этих организаций, погибло двое полицейских. В январе расследование установило виновность кагуляров, в частности то, что взрывчатку доставил Морис Дюкло, будущий близкий помощник генерала де Голля. Совершая акты насилия, взрывы, они стремились создать в стране обстановку неуверенности, напряженности для того, чтобы дестабилизировать республиканский режим и подготовить столь желаемый для них государственный переворот.

Во время гражданской войны в Испании кагуляры поддерживали тесные связи с вооруженными отрядами рекете, монархистами из Наварры. В Тулузе, Пертиньяне, Париже и в других городах они закладывали бомбы замедленного действия в самолеты, перебрасывавшие грузы в республиканскую Испанию, став виновниками гибели более 200 самолетов. 29 июля 1937 г. Жан Фийоль, переодевшись в униформу капитана военно-воздушных сил, пробрался к авиационным ангарам и заложил там бомбы замедленного действия. Через два часа 3 самолета разнесло в клочья, а четвертый сгорел. Его политический требник ярого антисемита содержал лишь одну фразу: «Я хочу уничтожить евреев каждую свободную минуту». Этим в какой-то степени объясняется ненависть кагуляров к Ларго Кабальеро, который, по их мнению, хотел построить в Испании франкмасонскую Республику, находившуюся под сапогом у Англии.

Когда в 1938 г. в Барселону вошли дивизии, сформированные из жителей Наварры, рекете, марокканские таборы генерала Ягуэ, а также подразделения «Стрелы» («Flèches»), смешанные части, в которых воевали испанцы и итальянцы, Эжен Делонкль отправил Франко следующую телеграмму: «Горячие поздравления вашим героическим войскам и фалангистам-традиционалистам. Ваша победа — это победа цивилизации над варварством. Нам известны чувства, которые испытывает испанская армия к французской, и мы убеждены, что вскоре возникнет самая тесная дружба между Испанией и Францией, поскольку у вашего дела столько друзей» ⁹. Одними из самых верных

друзей являлись именно кагуляры, которые оказывали активную помощь Франко, поставляя по тайным каналам стрелковое оружие из Италии и Германии. Они не забывали и себя, что позволило им в 1937 г. перегруппировать свои вооруженные формирования, включив в свои ряды Ассоциацию ударных сил секретного действия. В результате реорганизации было создано 6 бригад, которые квартировались в основном в Париже.

Действуя по испанскому образцу, стремясь спасти страну от скатывания в пропасть, полагая, что «ГПУ резало в Париже кого хотело...»¹⁰, кагуляры подготовили заговор. Они создали разветвленную сеть по всей стране, к ним присоединились представители других правых сил. Во многих регионах были созданы тайные склады, где хранились боеприпасы и оружие: карабины, пулеметы, противотанковые пушки и т.д. К активной деятельности подключились отделения в Париже, Тулузе, Марселе и в других городах.

Членам организации удалось выяснить, что 2 и 5 мая 1937 г. в Париже тайно соберутся члены Коминтерна Мориц, Михайлов, Эрколи, Адам, Торез, Семар, Диас и другие. Во время собрания его участники рассматривали вопросы оказания помощи Франции, активизации политической деятельности депутатов-коммунистов, организации мятежа в армии, ареста высших офицеров, парализации общественных служб, всеобщей забастовки на транспорте, окружения Парижа ударными частями, находившимися под влиянием коммунистов, захвата Французского банка, полицейских префектур, ареста и устранения руководителей национальных партий. Координировать все мероприятия по захвату власти предстояло Димитрову. Предполагалось захватить также радиостанции, министерства, а офицерам, приверженцам компартии, надлежало собраться в Военном министерстве и в Министерстве военно-воздушных сил. Стремясь устранить красную опасность, Делонкль и его сторонники проинформировали правительство и руководство полиции о готовящемся коммунистическом заговоре. Сами же продолжили его подготовку.

Еще в конце ноября 1936 г. Эжен Делонкль встретился с генералом Жиро, который пообещал ему помощь «в случае коммунистического восстания». Жиро, очевидно, согласился работать с кагулярами и пожелал наилучших успехов Делонклю и отставному генералу Дюсеньеру, одному из руководителей заговора. Сеть кагуляров «Корвиньоль» поддерживала тесные связи с армейскими офицерами. Майор Лустано-Лако, возглавлявший антикоммунистическую разведывательную службу в армии, снабжал кагуляров важнейшей информацией. Подпольные боевые группы, вооруженные автоматическим оружием, пользовавшиеся симпатией, а, возможно, поддержкой кадровых офицеров, должны были захватить важные правительственные здания. В ночь с 15 на 16 ноября 1937 г. кагуляры предприняли неудавшуюся попытку вооруженного мятежа против Третьей Республики, но заговор был раскрыт. Несмотря на то, что Делонкль пытался убедить офицерский корпус, что путч коммунистов неизбежен, тот не поддержал мятежников, так как не хотел, чтобы страна погрузилась в пучину гражданской войны. Полиция располагала информацией о готовящемся заговоре, ее агентам удалось проникнуть в секретную организацию,

выведать ее планы, заключавшиеся в убийстве членов правительства. 16 ноября Служба национальной безопасности обнаружила секретные склады, а 18 ноября министр внутренних дел Маркс Дормуа заявил о разветвленной сети заговора и распустил организацию кагуляров, за что в дальнейшем поплатился жизнью. 23 ноября 1937 г. Министерство внутренних дел сделало важное заявление: «Это настоящий заговор, направленный против институтов Республики, который раскрыт... План мятежников был тщательно разработан. В результате расследования обнаружен, в частности, детальный план парижских ячеек с маршрутами... ведущими к министерствам и к Палате депутатов»¹¹. Полиция арестовала 120 членов Секретной организации революционного действия. Фийолю, Мартену и Коррезу удалось скрыться и избежать судебного разбирательства. Однако в результате судебных процессов, проведенных правительством Шотана, большинство кагуляров осталось на свободе.

В начале 1938 г. в тюрьме вместе с Эженом Делонклем оказались генерал Дюсеньер, граф Юбер Пастор, граф Берновиль, Моро де ля Мез, Дарнан и некоторые другие высокопоставленные лица из окружения вождя кагуляров. Когда в 1939 г. началась вторая мировая война, все они оказались на свободе.

Вторая мировая война, оккупация Франции развели кагуляров по разную сторону баррикад. Ненависть к парламентскому строю и демократии привела к тому, что некоторые лидеры кагуляров утратили чувство национальной гордости и достоинства. Фийоль еще до войны заявил, что в случае возникновения военных действий между Германией и Францией он дезертирует из армии, так как не желает защищать прогнивший республиканский строй. Он участвовал в расправе над жителями деревни Орадур-сюр-Глан, и по совокупности преступлений его после войны заочно приговорили к смертной казни, которой он избежал. Когда режим маршала Петэна развалился, а армии союзников достигли Рейна, Фийоль вошел в состав группы «вервольф», сражавшейся за идеи национал-социализма на французской земле, а затем на территории Германии. Ему удалось присоединиться к Жозефу Дарнану, который со своими милицейскими отрядами боролся с партизанским движением на Севере Италии. В первых числах мая 1945 г. он, по всей вероятности, вместе с испанскими эсэсовцами защищал бункер Адольфа Гитлера, последний оплот национал-социализма, а потом перебрался и Испанию, где и закончил свою жизнь. Франко трижды спасал Фийоля от смертных приговоров. Жан-Мари Гувьер, соучастник убийства братьев Россели, стал в 1944 г. начальником службы Генерального комиссариата по еврейским вопросам. Жозеф Дарнан создал Легион французских бойцов, из которых впоследствии сформировал Французскую милицию, стал Госсекретарем по безопасности и общественному порядку правительства Виши. Журналист Габриэль Жанте издавал официальный печатный орган Виши — газету «Ревю де л'Эта». В молодые годы в организацию кагуляров входил будущий Президент Франции Франсуа Миттеран, перешедший в годы оккупации в движение Сопротивления. Он являлся родственником лидера кагуляров. В 1939 г. племянница Эжена Делонкля Эдит Кайе вышла замуж за Робера Миттерана, одного из братьев Франсуа.

Делонкль, человек авантюрного склада характера, постоянный участник заговоров, стремясь занять лидирующее положение в стане французских коллаборационистов, 27 августа 1941 г. вместе с Костантини организовал покушение на Деа и Лавала во время отправки на Восточный фронт Антибольшевистского легиона французских добровольцев.

В 1940—1942 гг. некоторые кагуляры установили контакты с патриотически настроенными военными, которые не желали сотрудничать с Германией. После вступления в войну Соединенных Штатов и поражения немцев под Сталинградом отдельным руководителям кагуляров стало ясно, что Гитлер и Муссолини потерпят сокрушительное поражение. Многие кагуляры были яростными националистами, враждебно относились к любым контактам с оккупантами. Борьба за освобождение Родины стала для них приоритетным началом, так как они увидели в нацистском режиме и в его союзниках из Виши авантюристов мирового масштаба. Многие кагуляры, выходцы из различных слоев французского общества, за свою патриотическую позицию были отправлены нацистами в концентрационные лагеря. Некоторые из них продолжили террористическую деятельность против немцев. Аристид Корр, один из руководителей Секретной организации революционного действия, которого французская полиция разыскивала с 1937 г., погиб во внутреннем дворе тюрьмы Шерш-Миди, расстрелянный зондеркомандой Ваффен СС. Кагуляр Жорж Груссар создал личную охрану маршала Петэна и сеть Соппротивления «Жильбер».

Во время оккупации Делонкль, Коррез, Шуэллер основали фашистское Социально-революционное движение (*Mouvement social révolutionnaire*). Делонкль и Шюэллер совместно с Деа и Дорио приняли участие в формировании Антибольшевистского легиона французских добровольцев, рядовые и офицеры которого принесли клятву верности фюреру германского рейха. Легион включили в состав 638-го пехотного полка, в котором воевал Адольф Гитлер в годы первой мировой войны.

Делонкль кроме словесной эквилибристики, касавшейся социально-политических и экономических проблем, преуспел лишь на поприще антисемитизма. Руководство кагуляров и бригаденфюрер Томас в ночь со 2 на 3 октября 1941 г. организовали в Париже взрывы, серьезно повредившие синагоги на улицах Турель, Нотр-Дам де Назарет, Виктуар, Сен-Изор, Коперника.

В августе 1942 г. Делонкля арестовала служба безопасности СД, по некоторым данным, за связь с немецкими офицерами и английской секретной службой, недовольными нацистским режимом. Однако через месяц он оказался на свободе, так как подчиненным группенфюрера Мюллера не удалось выявить его связи с заговорщиками, но агенты гестапо с тех пор не спускали с него глаз, взяв в активную разработку. Им удалось установить, что Эжен Делонкль непосредственно связан с адмиралом Канарисом и другими офицерами абвера, участниками заговора против Гитлера. Рано утром 7 января 1944 г. гестаповцы проникли в его дом, Делонкль оказал сопротивление. В завязавшейся перестрелке он был убит, а его сын получил тяжелое ранение в голову. Жена Делонкля Мерседес, которая возглавляла женскую секцию организации кагуляров, и Жан Коррез, один из главных его сотрудников, уцелели.

Огромную моральную поддержку заключенным концлагерей оказывали католические священники, члены «Секретной организации революционного действия», перешедшие на патриотические позиции. Католический священник, отец Жозеф Фили, был отправлен в концлагерь Дахау, где находилось большинство служителей католической церкви. Он являлся миссионером конгрегации Святого Сердца Христа, активным бойцом, офицером 2-го отдела организации кагуляров. В 1944 г. его арестовало гестапо за то, что он переправлял в Испанию уклонявшихся от отправки на работу в Германию, сбитых английских и американских летчиков, подпольщиков-голлистов и коммунистов. В Дахау ему, бывшему агенту сети Сопротивления «Месть» и католическому священнику, верующие и атеисты, коммунисты и голлисты выражали полное уважение за любовь к человеку, за проповедь слова Божьего. Пройдя муки ада в концлагере, отец Жозеф вспоминал: «Этот период моей жизни в концлагере Дахау был для меня самым волнующим. Я благодарю Провидение, что оказался в этом лагере, где мне представилась возможность оказывать помощь живым и умирающим товарищам, вселять в них надежду на лучшую жизнь. Мне также представилась возможность констатировать, что большинство из них не боялось смерти, превзойдя свою жизнь, так как они стремились обеспечить ее тому, что заслуживало выжить более длительное время, чем они сами: свободе. Мы, священники, делали все, чтобы заменить поверженным физически и морально товарищам мать, жену, детей. Мы все вместе пытались послужить неистребимому устремлению человека к справедливости и свободе, которые существуют только с уважением достоинства человеческой личности. Мы ни о чем не сожалели и только желаем, чтобы это больше не повторилось»¹². В годы Сопротивления и в послевоенное время судьбы кагуляров сложились по-разному. Жан Коррез и Жан Бассомпьер вступили в дивизию СС «Шарлемань». Анри Мартен и Жозеф Поццо ди Борго приняли активное участие в движении Сопротивления. Эжен Шюэллер был освобожден от всех обвинений в коллаборационизме. Его даже представили к ордену Почетного легиона и Военному кресту. Многие кагуляры после войны предстали перед французским судом и за содеянное получили по заслугам, некоторых ликвидировали участники Сопротивления, а отдельные лица отделались лишь легким испугом.

В истории Франции XX в. «Секретная организация революционного действия» среди партий, лиг фашистской и профашистской ориентации отличалась крайним экстремизмом и терроризмом. Свою деятельность она направила на борьбу с левыми силами: социалистами и коммунистами. Назначение на пост посла во Франции Я. Сурица, дипломата сталинско-молотовской закалки, создавшего в стране огромную шпионскую сеть, проникшую во все сферы социально-экономической жизни, вызвала ответную реакцию со стороны кагуляров, которая вылилась в серию политических убийств и заговоров. В период оккупации Франции, в годы Сопротивления, когда у власти в зоне Виши оказался режим Петэна-Лавала, проводивший политику тесного сотрудничества с нацистской Германией, ратовавший за объявление войны Великобритании, часть руководства кагуляров во главе с Эженом Делонклем перешла от коллаборационизма с врагом к тай-

ным контактам с английской секретной службой и руководителем абвера адмиралом В. Канарисом, одним из участников антигитлеровского заговора.

Примечания

1. НОСИК Б. Любовные и уголовные истории русского Парижа. М. 2004, с. 29.
2. La Cagoule une menace pour la République? In: Histoire d'une guerre. S. I. 2007. URL: <http://www.3&45.org/viewtopia.php?f=24&l=12026>.
3. SERIEYS J. La cagoule, organization fasciste française In: Parti de Gauche — Midi Pyrenees. S. I. 2016. URL: <http://www.gauchemip.org/spip.php?article1337>.
4. BERNADAG CH. «Dagore»: Les carnets de la Cagoule. Paris. 1977, p. 16.
5. La Cagoule une menace pour la République?
6. GALLO M. La cinquieme colonne ce fut la défaite de 40. Bruxelles. 1984, p. 23.
7. BERNADAG CH. Op. cit., p. 16.
8. Ibid., p. 102.
9. Ibid., p. 429.
10. НОСИК Б. Ук. соч., с. 29.
11. FAYET B. Les cagouleurs contre la République. URL: <http://philitt.fr/2016/02/12/les-cagouleurs-contre-la-republique>.
12. BERNADAG CH. Op. cit., p. 10.

И.Ф. Манасевич-Мануйлов: конец биографии

В.С. Измозик

Аннотация. Сообщение на основе архивно-следственного дела опровергает широко распространенную версию об обстоятельствах гибели известного журналиста, видного сотрудника Департамента полиции И.Ф. Манасевича-Мануйлова, близкого к ведущим политическим фигурам Российской империи начала XX в., и восстанавливает реальные события его жизни, ареста и расстрела в конце 1918 года.

Ключевые слова: В.Л. Бурцев, П.Е. Щёголев, И.Н. Стародворский, Орлинский (В.Г. Орлов), иностранные разведки, Петроградская ЧК.

Abstract. A report based on an archived criminal case contests the widely accepted version of the circumstances of the death of I.F. Manasevich-Manuilov — a famous journalist, a prominent officer of the Police Department and a close acquaintance to major political figures of early 20th century imperial Russia — and reconstructs the actual events of his life, arrest and execution in late 1918.

Key words: V.L. Burtsev, P.E. Schegolev, I.N. Starodvorskiy, Orlinskiy (V.G. Orlov), foreign intelligence, Petrograd Cheka.

Любому, кто занимается или интересуется историей России начала XX в., хорошо известно имя Ивана Фёдоровича Манасевича-Мануйлова. Он упоминается в десятках монографий, популярных книг, статей и т.д. Некоторые авторы именуют его «первым в славной когорте российских оборотней начала века», «авантюристом транснационального калибра»¹. Но при этом до сих пор нет ни одной научной биографии этого человека — журналиста, видного сотрудника Департамента полиции с середины 1890-х гг., игравшего заметную роль в деятельности русской контрразведки; близкого к таким фигурам российской политической сцены, как С.Ю. Витте, Г.Е. Распутин, Б.В. Штюрмер и другие. В источниках нет точных данных о дате его рождения (1869 или 1871 г.), о его родителях, о начале его карьеры. Даже

Измозик Владлен Семёнович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. E-mail: izmozik@mail.ru.

Izmozik Vladlen S. — doctor of historical sciences, professor of the St. Petersburg State University of Telecommunications, named after M.A. Bonch-Bruевич. E-mail: izmozik@mail.ru.

единодушные утверждения в серьезных научных трудах о его еврейском происхождении и принятии им впоследствии лютеранства даются без каких-либо ссылок на источники ². В настоящее время наиболее выверенный вариант его биографии со ссылкой на архивы представлен А.И. Рейтблатом, хотя утверждение о том, что Иван Фёдорович был «внебрачным сыном П.Л. Мещерского (отца В.П. Мещерского) также следует отнести к разряду вариативных, но не абсолютных фактов ³. В общем, как писал в 1917 г. П.Е. Щёголев, «происхождение Ивана Фёдоровича и начало его жизненной карьеры теряется во мраке неизвестности» ⁴.

В рассказах о его деятельности немало ничем не подтвержденных выдумок. Например, В.В. Эрлихман преподносит читателям следующий пассаж об освобождении Ивана Фёдоровича в февральские дни 1917 г.: «... восставшие рабочие ворвались в петроградские тюрьмы. Один из освобожденных так ослабел, что его вынесли из камеры на руках. Никто не узнал в бледном, исхудавшем узнике царизма недавнего всесильного распутинца» ⁵. Каким образом заключенный, проведший в тюрьме десяток дней, дошел до такого состояния, известно лишь автору. Гораздо более правдивыми представляются воспоминания журналиста Н.М. Волковысского, видевшего его в день освобождения: «Оказался он на ней (улице. — *В.И.*) в халате и домашних туфлях: в таком виде сидел он в тот момент, когда “революционный народ” сорвал засовы с двери его камеры. Никто в толпе, конечно, не знал, кто этот страдалец за идею, которому революция дает свободу, и Манасевич, в этом же самом туалете, прибежал через весь город к себе домой, на улицу Жуковского, провожаемый огромной толпой неизвестно почему ликующих людей. Моя квартира находилась рядом с тем домом, где жил Манасевич-Мануйлов, и в окно своей стеклянной ниши я имел удовольствие наблюдать это единственное в истории зрелище: злостный агент политического розыска самодержавного режима, возвращающийся домой под восторженные клики освобожденного от самодержавных цепей народа!» ⁶

В данной работе говорится лишь об одном сюжете биографии этого человека: его гибели и предшествовавшим этому событиям. Дело в том, что основным источником для авторов, пишущих о последних часах Ивана Фёдоровича, стала книга «К. Бецкий и П. Павлов. Русский Рокамболь (Приключения И.Ф. Манасевича-Мануйлова)» ⁷. Под псевдонимом «К. Бецкий» скрывался журналист И(О).Я. Кобецкий, а под псевдонимом «П. Павлов» — известный историк Щёголев ⁸. При этом, первая часть, включающая шесть глав и доводящая биографию Ивана Фёдоровича до 1917 г., была написана Щёголевым и впервые появилась в печати в журнале «Былое» ⁹. Вторая часть, принадлежащая перу Кобецкого, основана на сообщениях прессы, личных воспоминаниях автора и других современников, а также на показаниях, данных во время допросов в Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 году. Здесь о последних днях жизни Манасевича-Мануйлова рассказывалось следующее: «В одно серенькое утро [1918 г.] на станцию Белоостров прибыл поездом из Петрограда солидный гражданин иностранного типа; бумаги его, предъявленные в пропускной пункт, оказались в полном порядке, и перед иностранцем уже готова была раскрыться граница, как один из членов пограничной комис-

сии, матрос, в свое время несший караул в Петропавловской крепости, неожиданно обратился к иностранцу с вопросом, не сидел ли он в этой крепости. Иностранец протестовал. “А не будете ли вы, часом, гражданин Манасевич-Мануйлов?” — продолжался допрос. Последовал еще более резкий протест, но иностранца попросили с переходом границы несколько обождать. Еще через несколько часов очередной поезд доставил на ст. Белоостров двух каких-то женщин. “Не волнуйтесь, гражданки! Вам сейчас же все объяснят!” — успокаивал их сопровождавший женщин конвоир. Женщины эти были — многолетняя подруга Мануйлова артистка Д. и ее горничная. И не успели их ввести в помещение, где ожидал иностранец, как с уст изумленной Д-ой сорвалось предательское: “Ваничка!”... По приговору революционного правосудия Мануйлов был расстрелян. ... в последние минуты раздал своим конвоирам “на память о Мануйлове” все мелкие безделушки, бывшие при нем»¹⁰. Любопытно, что в этом отрывке нет указаний ни на год, ни на время года, когда это произошло.

Книга была переиздана в 1927 г. с небольшими разночтениями в конце приведенного выше отрывка. В частности, исчезло упоминание о розданных конвоирам «мелких безделушках» и добавилась фраза: «Свое последнее успокоение российский Рокамболь нашел у самого порога новой — Советской России, переступить который он так стремился для новых подвигов и походов»¹¹. В том же году вышел заключительный, седьмой, том издания «Падение царского режима» под редакцией Щёголева, содержащий биографические справки. Здесь датами жизни Манасевича-Мануйлова были указаны 1869—1918 гг., а в заключение было сказано, что он «после Октябрьской революции пытался бежать с документами на имя иностр[анного] гражд[анина] за границу, но на финл[яндской] границе узан одним из чл[енов] погран[ичной] комиссии и арестован»¹². Таким образом, версия Кобецкого получила научное подтверждение. Вместе с тем, перепечатавая в 1930 г. свой текст о биографии Манасевича-Мануйлова до 1917 г. и говоря о его дальнейших похождениях, Щёголев ограничился двумя фразами: «Рокамболь, совсем было погибший, воскрес для истории. Архивные материалы пока не исследованы»¹³.

Вышеупомянутую версию подхватили последующие авторы, особенно журналисты и писатели, иногда со смелыми изменениями и дополнениями. Например, И.А. Муромов почему-то указал датами жизни Ивана Фёдоровича 1870—1917 гг., а относительно его судьбы сообщил следующее: «Когда Мануйлов в очередной раз вышел на свободу, революционер Бурцев, которому Иван Фёдорович продавал когда-то документы, уговорил Мануйлова ради спасения собственной жизни, поскорее уехать. Однако побег не удался. И.Ф. Мануйлов был расстрелян у самой границы»¹⁴. Авторы и комментаторы научных работ, просто сообщали о том, что он умер «в советской уже России от чекистской пули», «расстрелян большевиками», «на финляндской границе был узан одним из членов пограничной комиссии и арестован. Расстрелян ВЧК», «арестован большевиками при попытке бежать в Финляндию и расстрелян»¹⁵. Формулу о расстрельном приговоре ВЧК «журналисту, религиоведу, контрразведчику и авантюристу» в 1918 г. привел историк В. Абрамов¹⁶. Столь же осторожно изложил сведения о гибели Манасевича-Мануйлова А.И. Рей-

тблат, написав, что он «подделав мандат ВЧК, шантажировал противников нового режима, а когда узнал, что его разыскивает ВЧК, — бежал, был схвачен и расстрелян»¹⁷. Историк В.В. Кривенький в энциклопедической справке сообщил следующую версию судьбы Манасевича-Мануйлова: «В августе или сентябре 1918 пытался под чужим именем выехать за рубеж, но был опознан на границе с Финляндией и расстрелян на месте»¹⁸.

Практически никто из писавших на эту тему не заметил статьи журналиста, общественного деятеля, высланного за границу в 1922 г., Н.М. Волковысского, наиболее близко подошедшего к реальным событиям, разыгравшимся в конце 1918 г.: «Передавали, что он расстрелян именно в Озерках, но, во всяком случае, арестован он был там, на даче (или по пути к ней) лишенного когда-то придворного звания камергера Стояновского, человека, запятнавшего золото своего мундира малоблаговидной деятельностью в каких-то благотворительных обществах»¹⁹. Поскольку судьбы Манасевича-Мануйлова и И.Н. Стояновского в последние месяцы их жизни действительно оказались тесно связаны, то следует сказать более подробно об этом человеке.

Если Манасевича-Мануйлова Щёголев именовал «русским Рокамболом», то Стояновского и его приятелей неизвестный журналист в ноябре 1916 г. назвал «Рокамбольчиками»²⁰. Иван Николаевич Стояновский (1868?—1918) — авантюрист несравненно меньшего масштаба, чем Манасевич-Мануйлов, но в свое время о его похождениях много говорили в петербургском обществе и писали столичные газеты. Сын выдающегося юриста Н.И. Стояновского (1820—1900), он в 1905—1906 гг. пытался добывать деньги с помощью обмана. В ноябре 1906 г. был уволен из Министерства внутренних дел и лишен звания камергера. В ноябре 1908 г. появился в Чите, именуя себя статским советником, камергером и уполномоченным «Попечительского общества о трудовых приютах для лиц обоего пола и для увечных воинов и их семейств» для сбора пожертвований²¹. В ноябре 1916 г. по подсказке Стояновского трое молодых дворян явились к миллионеру А.Л. Животовскому под видом чиновников МВД и юстиции для производства обыска в надежде завладеть крупной суммой денег. Афера не удалась, и все ее участники оказались в тюрьме «Кресты»²².

Точность воспоминаний Волковысского относительно судьбы Манасевича-Мануйлова подтверждается материалами архивно-следственного дела «По обвинению Стояновского Ивана Николаевича и других»²³. По делу в общей сложности было задержано 10 чел. и, кроме того, проведены обыски у 16 человек²⁴. Дознание вел следователь Петроградской ЧК Н.Н. Дингельштадт²⁵. Стояновский — на момент ареста сотрудник комиссии Военного комиссариата по разработке планов обороны Северного фронта — был обвинен в том, что он являлся агентом французской контрразведки, состоял сотрудником капитана Фопа и Орлинского, и собирался якобы продать англичанам планы Карельского фронта²⁶.

Сегодня есть немало людей, которые считают, что никаких реальных антибольшевистских организаций в годы Гражданской войны не существовало, и они выдуманы чекистами. Нередко подобная точка зрения проявлялась и в ходе пересмотра этих дел с конца 1980-х го-

дов. В частности, в постановлении прокуратуры от 15 марта 2003 г. о реабилитации Стояновского записано: «Утверждение, что Стояновский И.Н. агент французской контрразведки, голословно»²⁷. На деле, эти организации, весьма многочисленные, конечно, существовали, ибо огромная масса людей не признавала захват власти большевиками и готова была с ними бороться. Другое дело, что очень часто степень наказания была не соразмерна вине арестованного.

Что же касается Стояновского, то, хотя чекистам и удалось выйти на его контакты, они в то время узнали далеко не все. Но прежде, на основании изысканий А.А. Здановича, необходимо объяснить, кем были «капитан Фопа» и «Орлинский». Шарль Фо-Па-Биде — комиссар политического отдела префектуры Парижа в 1912—1916 гг., затем капитан, заместитель резидента французской разведки в России. Под фамилией Орлинский Болеслав Иванович скрывался Орлов Владимир Григорьевич (1882—1941). Выпускник Варшавского университета, действительный статский советник, судебный следователь Варшавского окружного суда (1911—1914), военный прокурор при штабе войск Западного фронта; после Октября 1917 г. под фамилией Б. Орлинский стал председателем Центральной уголовно-следственной комиссии при Совете Комиссаров Союза Коммун Северной области; в сентябре 1918 г. бежал в Финляндию; один из руководителей контрразведки в армии А.И. Деникина, эмигрант, в 1920-е гг. организатор информационного бюро в Берлине, на процессе в 1929 г. обвинен в фальсификации документов. Как показал Зданович, Орлов (Орлинский) в 1918 г. в Петрограде в течение нескольких месяцев пользовался доверием Ф.Э. Дзержинского и одновременно контактировал с английским резидентом С. Рейли, французскими разведчиками капитанами Фо-Па-Биде и Эдуардом Вакье, немецким дипломатом Вальтером Бартельсом. Одной из агентурных групп Орлова руководил Стояновский. С Орловым был связан и Манасевич-Мануйлов. По мнению Здановича, Иван Фёдорович «имел доступ на Гороховую, 2», где находилась Петроградская ЧК²⁸.

О жизни Манасевича-Мануйлова после прихода большевиков к власти, в том числе о его связях с иностранными спецслужбами, писал и Волковысский. Вспоминая общение с ним в эти месяцы, Николай Моисеевич сообщал: «Он несколько раз рассказывал мне о том, как, через некоего чекистского следователя Орлова, ему и его друзьям удастся освободить из большевистских застенков белых офицеров... никогда не упомянул ни одним словом о своих отношениях к иностранным миссиям, находившимся тогда в Петербурге. Но отношения эти у него, несомненно, были: помню прекрасно, как на одном художественном аукционе он познакомил меня с высоким, крепко скроенным, очень элегантным господином, хорошо говорившим по-русски с иностранным акцентом. Я не расслышал его фамилии, но Манасевич пять минут спустя, понизив голос, назвал мне его. За границей я встречал это имя часто, и у меня нет сомнений в его близости к одной из иноземных контр-разведок. После расстрела Манасевича говорили о том, что он погиб именно за свою связь с контрразведкой той страны, к которой принадлежал высокий, элегантный господин»²⁹. Как видно, эти воспоминания, хотя и менее конкретные, по сути, подтверждают изыскания историков.

Стояновский и его жена Елизавета Яковлевна Тегер были арестованы 15 декабря 1918 г. по адресу Озерки, Большая Озерная улица, дом 3, кв. 3³⁰. В квартире была оставлена засада. Среди других задержанных в этот день оказался и Манасевич-Мануйлов. 19 декабря была допрошена писательница Н.М. Доренговская (псевдоним Замятина Н.А.). Она рассказала, что живет с Манасевичем-Мануйловым около 14 лет, хотя он «последнее время не жил, но изредка заходил». Из знакомых Ивана Фёдоровича, бывавших последнее время у них в доме, назвала Стояновского и Орлинского. Сообщила, что Орлинский бывал у них «раз десять» и «слыхала», что он «служит в Центральной уголовной следственной комиссии». Отметим и посещение квартиры пару раз Фопы. Предположила, что Иван Фёдорович навещает артистку Лерма³¹.

В тот же день показания дала госпожа Лерма (сценический псевдоним Екатерины Фёдоровны Орловской), также задержанная на квартире Стояновского. Она сообщила, что с Иваном Фёдоровичем находится в близких отношениях лет десять, что последнее время он заходил к ней часто и ночевал, что Стояновский с женой также бывал у нее. Поездку в Озерки объяснила тревогой за Манасевича-Мануйлова, который отправился к Стояновскому завтракать и не вернулся³².

Самого Ивана Фёдоровича допрашивали накануне, 18 декабря. Он рассказал, что познакомился со Стояновским в 1917 г., когда тот оказался его соседом по камере в тюрьме «Кресты». По его словам, он знал о службе Стояновского во французской контрразведке «под началом капитана Фопы». Долгое время с ним не виделся, а недавно случайно встретил его на Невском проспекте. Якобы Иван Николаевич сказал, что «может избавить» его от преследований и достать вполне «легальный паспорт». Поскольку после убийства М.С. Урицкого Манасевичу-Мануйлову приходилось «жить зайцем», опасаясь ареста, он согласился и получил документ за 400 рублей. Поездку в Озерки объяснял приглашением Стояновского посмотреть его «новую, лучшую квартиру». Свое знакомство с генералами А.М. Драгомировым и Н.Н. Юденичем он отрицал³³.

В итоге, Иван Федорович был обвинен в том, что «в свое время был тесно связан с представителями французской контрразведки», «находился в близких отношениях с Орлинским» и получил фальшивый паспорт³⁴. Ни о каком фальшивом мандате ВЧК и шантаже других лиц здесь не упоминалось. По распоряжению военного комиссариата Карельского фронта, Стояновский, Манасевич-Мануйлов и Е.Я. Тегер были осуждены «к смертной казни через расстреляние». Приговор был исполнен 22 декабря 1918 г. в Петрограде³⁵. Так закончилась жизнь «русского Рокамболя». Поэтому в справочных сведениях о нем следует указывать: Манасевич-Мануйлов Иван Фёдорович (1869—22.12.1918. Петроград).

Примечания

1. ЭРЛИХМАН В. Иван да Мафия. www.aferizm.ru; АТАМАНЕНКО И. «Голубые» звезды царской. — Независимая газета. 29.XI.2013.
2. ГЛИНКА Я.В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906—1917. Дневник и воспоминания. М. 2001; АБРАМОВ В. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М. 2005, с.14—20.

3. РЕЙТБЛАТ А.И. Манасевич-Мануйлов Иван Фёдорович. В кн.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. Т. 3. М. 1994, с. 504—505.
4. Приключения И.Ф. Мануйлова. По архивным материалам. — Былое. 1917, № 5—6, с. 237.
5. ЭРЛИХМАН В. Ук. соч.
6. ВОЛКОВЫССКИЙ Н.М. Охранник с душой репортера. — Сегодня. Рига. № 12, 12.I.1929, с. 3.
7. БЕЦКИЙ К., ПАВЛОВ П. Русский Рокамболь (Приключения И.Ф. Манасевича-Мануйлова). Л. 1927. Рокамболь — главный персонаж цикла авантюрно-уголовных романов XIX в. о похождениях Рокамболя французского писателя Понсона дю Террай. Стало нарицательным именем авантюриста.
8. МАСАНОВ И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. М. 1957, с. 350. Т. 4. М. 1960, с. 234.
9. Приключения И.Ф. Мануйлова, с. 236—286.
10. БЕЦКИЙ К., ПАВЛОВ П. Ук. соч., с. 238—239. Под «артисткой Д.» имела в виду артистка Надежда Александровна Доренговская.
11. БЕЦКИЙ К., ПАВЛОВ П.Л. Книжные новинки. 1927, с. 109.
12. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. VII. М.-Л. 1927, с. 374, 376.
13. ЩЁГОЛЕВ П.Е. Русский Рокамболь. И.Ф. Манасевич-Мануйлов по архивным материалам. В кн.: ЩЁГОЛЕВ П.Е. Охранники и авантюристы. М. 1930, с. 137.
14. 100 великих авантюристов. М. 2015, с. 184.
15. ПАВЛОВ Д.Б. Русско-японская война 1904—1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М. 2004, с. 214; КОЦЮБИНСКИЙ А.П., КОЦЮБИНСКИЙ Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный. СПб. 2003, с. 437; Спецслужбы Российской империи. Уникальная энциклопедия. М. 2010, с. 195; ГЛИНКА Я.В. Ук. соч., с. 347.
16. АБРАМОВ В. Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М. 2005, с. 20.
17. РЕЙТБЛАТ А.И. Ук. соч., с. 505.
18. Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М. 2000, с. 471.
19. ВОЛКОВЫССКИЙ Н.М. Ук. соч., с. 3.
20. Петроградский листок. 24.XI.1916, № 324, с. 2.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 472, оп. 40 (194/2682), д. 62, л. 19—20об., 22—23, 26.
22. Петроградский листок. 15.XI.1916, № 315, с. 4; 20.XI.1916, № 320, с. 4
23. Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело П-93197.
24. Там же, л. 1—71об. 9 (подсчет автора).
25. Дингельштедт Н.Н. (1893—1.11.1937), дворянин, член РСДРП(б) с 1912 г., следователь ПЧК в 1918—1919 гг., в 1921—1922 гг. в центральном аппарате ГПУ; окончил Горный институт (1925), геолог, арестован 31.05.1936, осужден на 5 лет заключения; 14.10.1937 Особой тройкой УНКВД ЛО в Соловках приговорен к ВМН. См.: Ленинградский мартиролог, т. 6, с. 597.
26. Архив Управления ФСБ..., дело П-93197, л. 71.
27. Там же, л. 83.
28. ЗДАНОВИЧ А.А. Свои и чужие. Интриги разведки. М. 2002, с. 13, 21, 78, 99, 113—114, 116, 122—123, 131—132, 220; Архив ВЧК. Сб. документов. М. 2007, с. 254.
29. ВОЛКОВЫССКИЙ Н.М. Ук. соч.
30. Архив Управления ФСБ..., дело П-93197, л. 83.
31. Там же, л. 33.
32. Там же, л. 35.
33. Там же, л. 45—45об.
34. Там же, л. 71—71об.
35. Там же, л. 71об., 83.

Султан Садык в борьбе среднеазиатских ханств против Российской империи

Р.Ю. Почекаев

Аннотация. В работе анализируется роль казахского султана Садыка Кенесарина в истории борьбы среднеазиатских ханств против продвижения России в Средней Азии. Некоторые современные казахстанские авторы склонны представлять этого деятеля как героя национальной борьбы против российского «колониализма», базируясь, главным образом, на его собственных воспоминаниях, записанных его братом. Автор публикации, опираясь на другие источники, предпринимает попытку выяснить, какую роль на самом деле сыграл султан Садык в событиях 1860—1870-х гг. в Центральной Азии, а также причины интереса к сотрудничеству с ним со стороны правителей центрально-азиатских государств.

Ключевые слова: Российская империя, Средняя Азия, «Большая игра», Кокандское ханство, Бухарский эмират, Хивинское ханство, Восточный Туркестан.

Abstract. This work is an attempt of analysis of role of Kazakh sultan Sadyq Kenesarin in the history of struggle of Central Asian khanates against Russian advance into Central Asia. Some modern Kazakh authors try to represent this political figure as hero of national struggle against the Russian “colonialism”, but such statements are based mostly on his own memoirs written by his brother. Author of work basing on another sources attempts to clarify the role of sultan Sadyq in Central Asia of 1860s — 1870s as well as find out why rulers of Central Asian khanates were interested in collaboration with him.

Key words: Russian Empire, Central Asia, “Great Game”, Khoqand Khanate, Bukharan Emirate, Khivan Khanate, Eastern Turkistan.

Процесс вхождения Центральной Азии в состав Российской империи был длительным и неравномерным. Одни народы и регионы признавали российское подданство добровольно, другие территории становились частью империи по итогам военного противостояния с ханствами Средней Азии — Бухарским, Хивинским, Кокандским. Естественно, отдельные, наиболее активные участники этих событий, привлекали внимание исследователей — как современников, так и живших в бо-

---

Почекаев Роман Юлианович — кандидат юридических наук, профессор, зав. кафедрой Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге. E-mail: ropot@mail.ru.

Pochekaev Roman Yu. — candidate in law, associate professor, head of the chair of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg. E-mail: ropot@mail.ru.

лее позднее время. При этом оценки таких деятелей зависели от позиции самих историков, идеологических установок и т.д. В результате один и тот же российский военачальник или глава пограничной администрации мог в разное время быть представлен либо как герой и выдающийся государственный деятель, много сделавший во славу России, либо как жестокий завоеватель и колонизатор. Аналогичным образом правители центрально-азиатских народов и государств предстают в различных сочинениях либо как разбойники и мятежники против законной власти, либо как герои борьбы за независимость.

К числу последних в полной мере можно отнести и султана Садыка¹ Кенесарина (1837—1910), чья наиболее активная политическая деятельность пришлось как раз на 1860—1870-е гг., то есть на период наиболее быстрого продвижения России в Среднюю Азию, который совпал с пиком противостояния Российской и Британской империй за контроль над центрально-азиатским регионом, получившего название «Большая игра». Надо сказать, что в дореволюционный и советский периоды султан Садык упоминался в соответствующих исследованиях как эпизодический персонаж. В независимом же Казахстане некоторые авторы склонны представлять его настоящим героем борьбы за национальную независимость против «русских колонизаторов».

Большинство современных авторов, чей интерес привлекает фигура султана Садыка, опираются на одно-единственное сочинение — «Насаб-наме-йи султан Садык», которое было написано по воспоминаниям самого султана его младшим братом Ахметом Кенесариным около 1886 г.² и впервые опубликовано в русском переводе в 1889 году³. Оно отражает субъективный взгляд на описываемые события и имеет целью преувеличить и приукрасить роль главного героя — самого султана Садыка. Это дает основания характеризовать его как национального героя Казахстана — несмотря на то, что политическую и военную деятельность Садык осуществлял отнюдь не на территории Казахстана, а в Средней Азии. Главным доводом в пользу именно такой трактовки его образа является тот факт, что он являлся сыном Кенесары Касымова — султана казахского Среднего жуза, который в 1830—1840-е гг. вел борьбу за восстановление ханской власти, упраздненной российской администрацией в Казахстане в 1822—1824 годах. Деятельность самого Кенесары нередко характеризовалась и в советский, и в постсоветский периоды как национально-освободительная борьба, противостояние российскому колониализму. Султан Садык заявлял, что не оставит «пути моего отца»⁴. Это, собственно, и стало основанием для некоторых казахстанских авторов считать, что речь идет о продолжении Садыком дела Кенесары в борьбе с русскими⁵.

Однако был ли султан Садык таким уж последовательным противником России? Каковы были его подлинные цели и, главное, каков был его правовой статус в 1860—1870-е годы? И почему правители разных центрально-азиатских государств проявляли интерес к сотрудничеству с ним, несмотря на то, что он постоянно менял покровителей, перекочевывая из ханства в ханство. Целью настоящей работы является попытка ответить на эти вопросы, соотнося сочинения Ахмета Кенесарина со сведениями других источников.

Нам уже приходилось высказывать сомнения в том, что движение самопровозглашенного хана Кенесары, отца Садыка, и в самом

деле носило антироссийский характер. Его действия в большей степени были направлены против тех казахских султанов (включая и его ближайших родственников, потомков его деда — знаменитого казахского хана Аблая), которым, в отличие от самого Кенесары, удалось сохранить высокое положение и при имперских властях.

И если старший из сыновей Кенесары, султан Джафар, в начале 1850-х гг. действовал в казахском Среднем жузе, вызывая опасения российских властей ⁶, то остальные семеро сыновей самопровозглашенного хана на территории Русского Казахстана никакой политической или военной деятельности не вели. Трое из них, Тайчик, Ахмет и Садык, перекочевали к казахам Старшего жуза, находившимся под властью кокандского хана, к которому и поступили на службу. Полагаем, причиной этого могли стать напряженные отношения семейства Кенесары с другими потомками хана Аблая в Среднем жузе, тогда как их родственники в Старшем жузе ⁷ не имели причин для вражды с потомками Кенесары.

Согласно воспоминаниям самого Садыка, он и его братья очень быстро вошли в милость к кокандскому правителю, который назначил каждого из них командиром отряда в 500 воинов. Вскоре они приняли участие в боевых действиях против войск западносибирского генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта, которые в 1860 г. захватили крупные и стратегически важные крепости Кокандского ханства — Токмак и Пишпек (совр. Бишкек). Они также участвовали в битве при Узун-Агаче в октябре того же года, когда кокандцы предприняли попытку отбить Пишпек, но их двадцатитысячное войско потерпело сокрушительное поражение от отряда полковника Г.А. Колпаковского, насчитывавшего около 1 000 солдат ⁸.

Безусловно, можно видеть в этих действиях Садыка и его братьев борьбу с русскими. Однако, во-первых, они действовали отнюдь не как самостоятельные политики и военачальники, а всего лишь как командиры довольно небольших воинских подразделений кокандского войска, выполняя приказы командования. Во-вторых, сразу после этого поражения султаны Тайчик и Ахмет приняли решение вернуться в родной Средний жуз и поступить на службу к русским. Последующая их судьба (описанная тем же Ахметом Кенесариным) никак не соотносится с образами «потомственных противников» Российской империи: Тайчик, получив чин зауряд-хорунжего принял участие в борьбе с Кокандским ханством и в 1863 г. умер от ран, а его брат Ахмет (ум. 1888) также находился на русской службе, завершив карьеру в должности помощника начальника Чимкентского уезда в Туркестанском крае, выйдя на пенсию в 1887 году ⁹.

Лишь один Садык отказался вернуться в русские владения, заявив, как отмечалось, что не сойдет с пути отца. Однако означало ли это, что он понимал путь отца как борьбу с Россией? Первые же его действия как самостоятельной политической фигуры вызывают сомнения в этом, поскольку предпринял он их не в областях, за которые соперничали Коканд и Россия, а в совершенно ином регионе — Восточном Туркестане (современный Синьцзян).

Этот мусульманский регион, завоеванный маньчжурской империей Цин еще в середине XVIII в., неоднократно поднимал восста-

ния против «неверных» китайцев. Наиболее серьезное выступление началось в 1864 г., и Садык принял в нем весьма активное участие, о котором нет ни слова в его воспоминаниях. Вскоре после начала восстания он во главе трехтысячного отряда «киргизов» прибыл в Кашгар, восставшее население которого провозгласило его своим правителем. Однако, не имея тесных связей с местной властной элитой, он был вынужден вступить в борьбу с другими претендентами на власть. Чтобы укрепить свое влияние, он направил в Коканд послание с просьбой прислать в качестве верховного правителя одного из потомков прежних правителей и духовных лидеров Восточного Туркестана — белогорских ходжей (возводивших генеалогию к пророку Мухаммаду), надеясь остаться при нем фактическим правителем. Однако, когда такой номинальный лидер, Бузрук-ходжа (Бузрук-хан-тура), и в самом деле прибыл в Кашгар в 1865 г., с ним вместе был направлен кокандский военачальник Якуб-бек, вытеснивший Садыка из Восточного Туркестана и сыгравший ту самую роль, которую надеялся сыграть сам казахский султан — возглавить восстание против цинских властей и создать в результате восстания собственное государство Йэттишар.

Таким образом, первый шаг Садыка как самостоятельного политического деятеля был направлен не против Российской империи, а против империи Цин!

Нельзя не отметить, что сведения об этом эпизоде из его жизни весьма противоречивы. Некоторые авторы вообще считают, что речь идет о совершенно другом политическом деятеле. Так, одни исследователи считают, что Садык-бек, провозглашенный правителем Кашгара в 1864 г., являлся предводителем кочевых киргизов, признававших власть империи Цин, но присоединившихся к анти-китайскому восстанию своих единоверцев¹⁰. Другие полагают, что речь идет вообще о представителе местной администрации, ранее служившем Цинам, но затем решившем поддержать восставших¹¹. Однако скорее всего речь идет именно о Садыке Кенесарине¹². Во-первых, «киргизами» в XIX в. называли казахов, чьим потомственным предводителем являлся этот султан. Во-вторых, нельзя забывать о его обращении за помощью в Коканд: он формально находился именно на кокандской службе. Наконец, забегая вперед, отметим, что под конец своей карьеры он вновь оказался в Кашгаре, надеясь вновь получить здесь власть.

Как бы то ни было, но в 1865 г. султан Садык находился на кокандской службе. Сначала, по его собственным воспоминаниям, он стойко защищал город Чимкент, который пал сразу после его ухода. Однако Чимкент пал в 1864 г., когда Садык, скорее всего, еще был в Восточном Туркестане, да и русские участники событий ничего не сообщают о пребывании Садыка в Чимкенте и вообще о его участии в боевых действиях в этом году¹³. Более достоверными являются сведения о том, что Садык уже в 1865 г. под командованием Алимкула, верховного главнокомандующего и фактического правителя Кокандского ханства, участвовал в войне с русскими и в неудачной обороне Ташкента от войск генерала М.Г. Черняева. Алимкул вскоре скончался от ран, а сам Садык стал его преемником. Однако буквально через несколько дней при довольно туманных обстоятельствах он лишился должности и вскоре оказался на службе уже у бухарского эмира Музафара¹⁴.

Уход султана из Коканда был настолько неожиданным, что среднеазиатские историки готовы объяснять его самыми фантастическими причинами. В частности, известный хивинский историк Мухаммад-Риза Агахи, писал, что отец Садыка, Кенесары (на самом деле погибший в борьбе с киргизами в 1847 г.) был убит в Ташкенте за отказ подчиниться русским, и уход самого Садыка из Ташкента в Бухару был связан именно с гибелью отца ¹⁵. Сам Садык утверждал, что его смещение с поста амир-и лашкара объяснялось тем, что кокандцы опасались сосредоточения всей полноты власти в его руках и того, что он, будучи потомком Чингис-хана, сам провозгласит себя кокандским ханом ¹⁶. Основания для подобных опасений действительно имелись, несмотря на то, что уже с начала XVIII в. Кокандом правили узбекские бии (с начала XIX в. — ханы) из династии Минг. Потомки Чингис-хана в силу давней политической традиции воспринимались в Центральной Азии как наиболее легитимные претенденты на трон. Даже русские власти в противостоянии со среднеазиатскими монархами порой использовали эту традицию в своих целях: так, оренбургский губернатор В.А. Перовский во время «зимнего похода» на Хиву 1839—1840 гг. намеревался возвести на хивинский трон своего ставленника — казахского султана Бай-Мухаммада Айшуакова, а во время боевых действий против Коканда в 1853 г., по-видимому с той же целью взял в поход другого казахского султана — Ер-Мухаммада (Иликеея) Касымова ¹⁷.

Имелись ли у Садыка реальные намерения занять кокандский трон, и составляла ли кокандская знать заговор против него, из других источников неизвестно. По нашему мнению, Садык после гибели Алимкула и потери высокого поста амир-и лашкара не видел перспектив в дальнейшей службе Кокандскому ханству, быстро терявшему в то время и территории, и политическое влияние в Средней Азии. Был ли осуществлен этот переход под предлогом продолжения противостояния русским? Сведений об этом нет, однако вскоре Садыку, и в самом деле, вновь пришлось столкнуться с русскими — на этот раз уже с туркестанскими войсками. В 1865—1868 г. он принял участие в ряде столкновений бухарских войск с русскими, участвовал и в битве на Зерабулакских высотах, после которой бухарский эмир подписал мирный договор с туркестанским генерал-губернатором К.П. фон Кауфманом, фактически признав протекторат Российской империи над Бухарой ¹⁸.

Как ни странно, на этот раз сокрушительное поражение не заставило Садыка вновь сменить покровителя. Вместо этого он поддержал Абдул-Малика (Катта-тура), старшего сына эмира Музаффара, которого противники мира с Россией выдвинули в качестве нового правителя — вместо его отца, «продавшегося русским». Садык был разбит войсками эмира при поддержке русского отряда, на этот раз выступавшего в качестве союзника Музаффара, и вынужден бежать в Хивинское ханство ¹⁹. Роль Садыка в восстании Абдул-Малика была настолько заметной, что о нем упомянул даже российский военный министр Д.А. Милютин в своих воспоминаниях, отметив, что сын эмира был поддержан «шахриябсскими беками и разбойничьей шайкой Садыка» ²⁰.

В собственных воспоминаниях султан Садык предстает верным сторонником Абдул-Малика во время его восстания 1868—1869 гг.,

до последнего поддерживавшим его и отказывавшимся от претензий на власть²¹. Однако, если обратиться к сведениям другого современника — бухарского историка Абдал-Азима Сами — можно обнаружить весьма интересные детали, о которых сам Садык предпочел умолчать. По словам историка, узнав о мятеже, Садык, находившийся на службе у эмира, тут же бежал к казахам, признававшим бухарское подданство, и вознамерился провозгласить себя правителем, по меньшей мере, части Бухарского эмирата, избрав резиденцией Гиджуван, где «он стал издавать указы и раздавать большие должности и чины всяким неразумным подонкам общества»²². Именно этим Сами объясняет тот факт, что эмир предпочел обратить войска непосредственно против Садыка. Милютин в своих воспоминаниях также упоминает, что эмир выбил Садыка из занятых им городов, чем воспользовался Абдул-Малик, активизировавший действия против отца²³. И хотя сам военный министр, как видно из вышеприведенного фрагмента, рассматривал Садыка в качестве союзника мятежного сына эмира, из этого сообщения вытекает, что он вполне мог действовать самостоятельно и в собственных интересах. Кокандские историки, современники описываемых событий, также упоминают о смуте, начатой Садыком отдельно от мятежа Абдул-Малика²⁴.

Итак, сын Кенесары видел свою основную цель не в противостоянии с русскими, а в личном возвышении — на этот раз в Бухарском эмирате, где его действия весьма напоминают события в Коканде в 1865 г., когда местная элита обвинила его в попытке захвата верховной власти. Бегство в Хиву — последнее среднеазиатское ханство, с властями которого Садык еще не успел испортить отношения — в подобных обстоятельствах представляется вполне объяснимым.

Однако и в Хиве главной своей целью султан считал не противодействие русским, а обретение власти над казахами, признававшими власть местного хана. Надо сказать, что хивинцы издавна практиковали поддержку претензий отдельных казахских султанов на ханский трон с целью дестабилизации обстановки в Русском Казахстане. Особенно активно эта практика реализовывалась в 1820—1840-е гг., когда Российская империя и Хивинское ханство находились в открытом военном противостоянии. Однако ко времени прибытия в Хиву султана Садыка в 1869 г. хивинские монархи уже фактически перестали использовать претендентов на казахский трон как средство борьбы с Россией.

Тем не менее, в своих воспоминаниях сам Садык старается подчеркнуть собственное значение в глазах хивинских властей: якобы, по его прибытии «ургенчский хан оказал ему хороший прием, сделал начальником над подчиненными ему кочевниками, киргизами и каракалпаками», и он четыре года провел в ханстве «начальствуя над всеми киргизами Хивинского ханства»²⁵. Однако сведения хивинского историка Агахи несколько разрушают образ Садыка как главного предводителя всех казахов, подчинявшихся Хиве: когда буквально через несколько дней после него в столицу ханства явился еще один казахский султан — Хаким-тура (или Арслан-тура), то и ему были выделены во владение кочевья хивинских казахов²⁶. Полагаем, что хан Мухаммад-Рахим II вполне мог знать о действиях Садыка в Коканде и Бухаре и, соответственно, не собирался передавать под его власть слишком значительные силы кочевников, опираясь на которые тот мог бы предъявить претензии и на хивинский трон.

Меры предосторожности себя оправдали: никаких претензий Садык не предъявлял, а весьма исправно совершал набеги на русские пограничные области по распоряжению хивинского хана ²⁷. Когда в 1873 г. войска фон Кауфмана выступили в хивинский поход, султан весьма активно проявил себя в боевых действиях: на этот раз и русские участники событий упоминают об участии в них Садыка, характеризуя его как «степного разбойника» ²⁸. Надо полагать, на этот раз активность султана в борьбе с русскими войсками объяснялась тем, что ему было что терять: пожалуй, впервые он стал владельческим султаном, пусть даже и не «начальником всех киргизов».

После поражения хана Мухаммад-Рахима и подписания мирного договора, по которому и Хивинское ханство становилось протекторатом Российской империи, Садык, как и в Бухарском эмирате в 1868 г., еще какое-то время пребывал на хивинской территории, вероятно, надеясь на то, что его чингизидское происхождение позволит ему привлечь противников подчинения России и вновь попытаться захватить власть. Помимо довольно небольшого числа собственных казахских подданных, он рассчитывал опереться на многочисленных и воинственных туркмен. Согласно его собственным воспоминаниям, он провел несколько месяцев среди туркмен племени йомудов, однако потом был вынужден их оставить. По его собственным словам, его отъезд был связан с тем, что туркмены предложили ему возглавить поход на бухарский город Чарджоу, и он, якобы, не захотел воевать против мусульман-единоверцев ²⁹. Несомненно, Садык в своих воспоминаниях лукавил: и в Кашгаре, и в Бухаре во время восстания Абдул-Малика никакие религиозные соображения не препятствовали ему действовать против единоверцев ради достижения власти. По-видимому, ему пришлось покинуть туркмен после того, как он убедился, что они, в отличие от казахов или каракалпаков, не намерены провозглашать его своим верховным правителем. Дело в том, что у йомудов были свои могущественные и властолюбивые правители-ханы, причем как раз в это время самый влиятельный из них, Ата-Мурад-хан, при поддержке русских властей добился права вернуться в Хивинское ханство, примирившись с ханом Мухаммад-Рахимом, которому прежде активно противостоял ³⁰.

О последующей жизни Садыка известно лишь с его собственных слов: сначала он нашел убежище в Мерве у Нур-Верды-хана и его знаменитой супруги Гуль-Джамал (в 1884 г. именно она обеспечила добровольное вхождение Мерва в состав Российской империи). Однако, убедившись, что никаких выгод пребывание в Мерве ему не сулит, султан отправился дальше и, по его словам, около трех месяцев провел в Герате на службе у Якуб-сердара, сына афганского эмира Шир-Али-хана ³¹.

Наконец, в середине 1870-х гг. он вновь вернулся туда, где начинал свою политическую деятельность — в Восточный Туркестан. Теперь султан Садык был уже не тем легкомысленным авантюристом, который готов был рискнуть всем, рассчитывая заполучить верховную власть. Поэтому он решил пойти на союз с Якуб-беком — тем самым, который примерно десятилетие назад вытеснил его из Кашгарии. Правитель Йэтишара, всеми способами стремившийся укрепить собственные позиции на троне, принял Садыка благожелательно и даже женил его на вдове одного из своих сыновей, тем самым сделав членом своей семьи ³².

Еще больше Садык оказался востребован после смерти Якуб-бека в 1877 г., когда два его сына начали борьбу за власть. Один из них, Хаккули-бек, решил привлечь на свою сторону Хаким-хан-туру — представителя династии белогорских ходжей, прежних правителей Восточного Туркестана. Его брат и соперник Беккули-бек сделал союзником Садыка, который, будучи потомком Чингис-хана, ничуть не уступал по статусу потомку ходжей³³. В междоусобной борьбе победу одержал Беккули-бек, разгромивший и казнивший брата, однако смерть Якуб-бека и последовавшая междоусобица сильно ослабили Йэттишар, чем воспользовались власти империи Цин, чьи войска в 1878 г. восстановили контроль Китая практически во всем регионе.

Садык, надо отдать ему должное, весьма храбро сражался с китайцами и даже был ранен в одном из сражений. Однако не понимать неминуемости поражения он не мог, поэтому вместе с Беккули-беком уже осенью 1877 г. обратился к властям Ферганской области с просьбой о предоставлении убежища³⁴. Это также наводит на мысль, что он не был «непримиримым борцом с русским колониализмом». Например, сын бухарского эмира Абдул-Малик, и в самом деле придерживавшийся антироссийской позиции, нашел убежище сначала в Хивинском ханстве, затем — в Британской Индии, тогда как его сподвижник Садык такие варианты даже не рассматривал, сразу обратившись к российским властям в поисках убежища.

Личным решением туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана он получил прощение за прежние действия против русских и поселился при своем брате Ахмете, занимавшем пост помощника начальника Чимкентского уезда³⁵. Е.Т. Смирнов, который перевел на русский язык воспоминания султана Садыка, записанные его братом, так описывал Садыка в конце 1880-х гг.: «Это совершенно бодрый, среднего роста, человек лет пятидесяти пяти; смуглое лицо киргизского типа, с черной, небольшой, с легкой проседью, бородой, оживлено замечательно красивыми, выразительными глазами. Вся его наружность, пропорционально сложенная фигура с мягкими контурами лица, маленькими, женскими руками, манера держать себя, спокойствие, как бы некоторая застенчивость в разговоре все это изобличает в нем человека, прожившего при среднеазиатских ханских дворах и вместе с тем кровного кочевого аристократа, “белую кость”, каким он и есть на самом деле по своему происхождению. При первом взгляде на этого задумчивого, спокойного человека как-то не верится, что это именно тот наездник Садык, с именем которого всегда соединялось понятие об отчаянном степном разбойнике и самом упорном назойливом партизане, что это тот Садык, который наводил в семидесятых годах страх на наши передовые линии в Туркестане, являясь всегда неожиданно на слабых местах и нападая более смело и энергично, чем другие предводители киргизских и туркменских партизанских партий. Но когда в разговоре оживится его лицо, потечет быстрая, выразительная речь, разгорятся глаза, впечатление смиренного, задумчивого человека исчезает совсем. Перед вами появляется другой человек: живой, энергичный и безусловно талантливый, с “божьей искоркой” и юностью души, — качествами, столь неотразимо действующими на рядовых людей и на народные толпы. Становится понятным его успех как сановника и советчика в военных и политических делах при ханах Бухары, Хивы и

Кашгара и его умение держать в руках полудиких, своевольных наездников и энергично двигать их нестройные толпы на убийственные залпы туркестанской линейной пехоты, делать с ними огромные и быстрые переходы в мертвой Кизылкумской пустыне и падать, как снег на голову, на прозевавшего неприятеля, приобретя этим от него вполне незаслуженный эпитет «степного разбойника»»³⁶.

Мы привели эту обширную цитату, чтобы показать, что образ султана Садыка как влиятельного политического деятеля и упорного многолетнего врага Российской империи в Центральной Азии в значительной степени создавался не только им самим и его братом-единомышленником, но и русскими властями. В противном случае совершенно непонятно, зачем нужно было публиковать на русском языке его воспоминания, в которых он так ярко описывает свои действия против русских властей. По-видимому, туркестанская администрация старалась подчеркнуть свои заслуги в укреплении российских позиций в Центральной Азии, коль скоро даже такой последовательный противник русских как Садык, в конце концов, понял бесперспективность своей борьбы и сдался русским. Весьма примечательно, что уже в начале XX в. это сочинение было востребовано российскими исследователями истории Туркестана — в частности, именно на него опирался Н. Павлов, включивший в свою «Историю Туркестана» (1910) отдельную главу о Садыке³⁷.

Между тем, все вышеприведенные сведения о деятельности Садыка Кенесарина в Коканде, Бухаре, Хиве и в особенности в Кашгаре не подтверждают того утверждения, что этот деятель, и в самом деле, вел постоянную упорную борьбу против России. Его главной целью являлось создание собственного государства, в котором он обладал бы всей полнотой власти, на что имел право по своему происхождению. Вероятно, именно это он считал «путем своего отца», поскольку и Кенесары Касымов намеревался создать ханство и стать в нем верховным самовластным правителем.

По всей видимости, Садык не скрывал своих амбиций, находясь на службе у того или иного центрально-азиатского правителя (особенно по молодости), и местные власти старались по возможности обезопасить себя от его претензий. Весьма примечательно, что ни в одном среднеазиатском источнике, содержащем сообщения о Садыке, он не упоминается с титулом султана — ведь это автоматически означало бы, что он выше по статусу чем бухарские эмиры из рода Мангытов, кокандские ханы из династии Минг или хивинские ханы из династии Кунграт, и, следовательно, имеет больше прав на трон в этих государствах. В современных ему кокандских хрониках он фигурирует как Садык-бек или Садык-бек-тура: налицо «понижение» в статусе, поскольку «султан» означал представителя ханского рода, тогда как «бек» мог принадлежать и члену аристократического рода, и любому представителю военной или гражданской администрации. Титул же «тура», ранее принадлежавший только потомкам Чингис-хана, в Средней Азии в XVII—XVIII вв. стал употребляться в отношении ходжей — потомков почитаемых мусульманских святителей, а также представителей правящих родов нечингизидского происхождения (в частности — бухарских Мангытов). Поэтому бухарские и хивинские авторы спокойно именуют Садыка «тура» («гюря»), тем самым нис-

колько не вознося его над местными монархами и членами их семейств. Более того, вышеупомянутый бухарский историк Абдал-Азим Сами пишет, что «Сиддик-тюря казах считал себя потомком Чингиза. Предки его были правителями среди своих соплеменников в Дешт-и Кыпчак»³⁸. Этими словами он выказывает, по меньшей мере, тень сомнения в происхождении Садыка и, как следствие, обоснованности его претензий на трон в ущерб эмирам из династии Мангытов.

Тем не менее, не приходится сомневаться, что среднеазиатские ханы вполне четко осознавали статус Садыка, чем и объясняется их интерес к его персоне. Нахождение на службе султана-Чингизида, да еще и сына хана (пусть даже самопровозглашенного) повышало степень контроля собственных кочевых подданных Коканда, Бухары и Хивы, а также давало надежду на то, что к ним могут присоединиться и кочевники из числа российских подданных, которые предпочли бы власть своего «природного» монарха иноземному господству³⁹. Будь султан Садык менее амбициозен и более покладист, он вполне мог бы стать настоящим знаменем борьбы правителей Центральной Азии против русского продвижения в регион. Однако его властолюбие, приоритет личных интересов, несомненная отвага и отмеченная Е.Т. Смирновым способность вести за собой многочисленных кочевников представляли для среднеазиатских монархов опасность, которая перевешивала пользу от его использования в качестве такого знамени.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что султан Садык Кенесарин, делая ставку на свое происхождение от Чингис-хана как фактор легитимации власти, не учитывал политико-правовых реалий второй половины XIX в. и потому его попытки создать собственное «чингизидское» государство изначально были обречены на провал. В условиях противостояния среднеазиатских ханств продвижению Российской империи в регион он не мог не принять участия в этих событиях, прибегая к покровительству того или иного местного монарха. Однако все его действия в 1860—1870-е гг., в том числе и направленные против России, не дают оснований считать его одним из лидеров антироссийских сил в регионе в тот период и тем более вождем казахов в борьбе с «российскими колонизаторами». Понимали это и сами русские власти, которые, простив его за былые «прегрешения», никак не попытались ограничить его свободу в русских владениях (даже вытребовав из Бухары его семью, где она до этого времени пребывала в заложниках⁴⁰). Более того, они сами постарались укрепить его образ как упорного противника России, чтобы подчеркнуть собственные успехи в Центральной Азии.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-03-00322 «“Российский фактор” правового развития Центральной Азии в имперский период (XVIII — начало XX вв.): юридические аспекты фронтальной модернизации».

1. В разных источниках и исследованиях также фигурирует как Садик, Сиддик, Сыздык, Сыздык и пр.
2. ЗАЙЦЕВ И.В. «Насаб-наме-йи султан Садык» — история Кенесары Касымова и Садыка Кенесарина. Международная научно-практическая конференция «От Тюркского эля к Казахскому ханству»: Сб. докладов. М. 2016, с. 89.

3. КЕНЕСАРИН А. Султаны Кенисара и Садык. Ташкент. 1889 (переиздание: Алма-Ата. 1992).
4. Там же, с. 31.
5. Характеристика Садыка как борца с «русским царизмом» была представлена в диссертации Е.Д. Дильмухамедова, защищенной еще в 1946 г., но впервые опубликованной лишь в 2010 г., см.: ДИЛЬМУХАМЕДОВ Е.Д. Восстание казахов под руководством Кенесары Касымова в 1837—1847 гг. Алматы. 2010, с. 139, 142.
6. См. подробнее: МУКАНОВА Г.К. «Сын за отца не отвечает» (Архивные документы о судьбе Джафара Кенесарина). — Исследования молодых ученых. Известия АН Республики Казахстан. Серия общественных наук. 1992. № 2, с. 77—80.
7. В конце XVIII — начале XIX в. ряд родоплеменных подразделений казахов Старшего жуза признал своим ханом Адила (сына хана Аблая), потомки которого сохраняли власть в жузе и к середине XIX века.
8. ТЕРЕНТЬЕВ М.А. История завоевания Средней Азии. Т. I. СПб. 1906, с. 252—257.
9. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 32—33. Любопытно отметить, что примерно в это же время явился с повинной к русским властям еще один «потомственный» мятежник — султан Кошкарбай, сын Саржана, родного брата Кенесары и, следовательно, двоюродный брат Тайчика, Ахмета и Садыка. Оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин отнесся к нему весьма благожелательно и даже включил в состав казахской делегации, отправившейся вскоре в Петербург, на прием к императору. См.: Письма к Ч.Ч. Валиханову. В кн.: ВАЛИХАНОВ Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Алма-Ата. 1985, с. 202.
10. См., напр.: ВАСИЛЬЕВ А.Д. «Знамя и меч от падишаха». Политические и культурные контакты ханов Центральной Азии и Османской империи (середина XVI — начало XX вв.). М. 2014, с. 227—228; ИСИЕВ Д.А. Уйгурское государство Йэцтишар (1864—1877). М. 1981, с. 19; ХОДЖАЕВ А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан (Колониальная политика Цинского Китая во второй половине XIX в.). М. 1979, с. 31.
11. КИМ Н. Holy War in China: The Muslim rebellion and state in Chinese Central Asia, 1864—1877. Stanford. 2004, p. 48, 60, 65. Автор при этом ссылается на сведения Ч.Ч. Валиханова о некоем Садык-беке, чей предок еще в середине XVIII в. признал власть империи Цин, за что получил потомственную должность хакима Ташмалыка. См.: ВАЛИХАНОВ Ч.Ч. О состоянии Алтышара или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858—1859 годах. В кн.: ВАЛИХАНОВ Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата. 1985, с. 160. Однако нет оснований полагать, что Валиханов имел в виду именно участника событий 1864 г., поскольку последние его сведения о Восточном Туркестане относятся к концу 1850-х годов. Возможно, причиной такой версии стала информация о некоем Садык-беке, хакиме Янги-Хисара на службе у империи Цин, который в 1830 г. оказал поддержку Юсуф-ходже (отцу Бузрук-ходжи) и сопровождавшему его кокандскому отряду. См.: NEWBY L.J. The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760—1860. Leiden-Boston. 2005, p. 157—158.
12. См., в частности: BOULGER D.CH. The life of Yakoob Beg, athalik Ghazi and Badaulet, ameer of Kashgar. London. 1878, p. 86—87, 103—104, 107, 117; БЕЙСЕМБИЕВ Т.К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII—XIX веков. Алматы. 2009, с. 286, 316—317, 426. См. также: The Life of Alimqul: A Native Chronicle of Nineteenth Century Central Asia. L.-N.Y. 2003, p. 31—32.
13. ПАВЛОВ Н. История Туркестана в связи с кратким историческим очерком сопредельных стран. Ташкент. 1910, с. 164.
14. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 46; БЕЙСЕМБИЕВ Т.К. Ук. соч., с. 393, 676.
15. БАРТОЛЬД В.В. События перед хивинским походом 1873 года по рассказу хивинского историка. В кн.: БАРТОЛЬД В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М. 1963, с. 406.
16. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 48.
17. Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей международной научно-практической конференции. Оренбург. 2016.
18. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 56—61; МАКШЕЕВ А.И. Исторический обзор Туркестана и наступательного движения в него русских. СПб. 1890, с. 252, 261. См.

- также: БЕЙСЕМБИЕВ Т.К. Ук. соч., с. 305, 549. БЕКМАХАНОВА Н.Е. Россия и Казахстан в освободительном движении. Последняя четверть XVIII — первая половина XIX века. М. 2004, с. 260.
19. ИСКАНДАРОВ Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. Ч. I. Душанбе. 1962, с. 134—136.
  20. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868 — начало 1873. М. 2006, с. 87.
  21. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 63—64.
  22. МИРЗА АБДАЛ'АЗИМ САМИ. Та'рих-и салатин-и мангитийа (История мангытских государей). М. 1962, с. 94.
  23. Воспоминания генерал-фельдмаршала..., с. 87.
  24. БЕЙСЕМБИЕВ Т.К. Ук. соч., с. 446.
  25. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 66—67.
  26. БАРТОЛЬД В.В. Ук. соч., с. 406—407.
  27. См., напр.: БУХЕРТ В. «Войска наши такая прелесть, что нельзя представить ничего лучшего». Первый туркестанский генерал-губернатор: 12 лет переписки. — Источник. Документы русской истории. 2003, № 1 (61), с. 7—8, 13.
  28. МАК-ГАХАН ДЖ.А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы. М. 1875, с. 89, 126. Описание действий туркестанского отряда в хивинскую экспедицию 1873 года. Ташкент. 1882, с. 156; Хивинская экспедиция 1873 г. Записки очевидца, сапера Е. Саранчова. СПб. 1874, с. 11, 164; ТУХТАМЕТОВ Т.Г. Россия и Хива в конце XIX — начале XX в. Победа Хорезмской народной революции. М. 1969, с. 25.
  29. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 75.
  30. БРЕГЕЛЬ Ю.Э. Хорезмские туркмены в XIX в. М. 1961, с. 225—226.
  31. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 73—76.
  32. Там же, с. 77; BOULGER D.CH. Ibid., p. 261—262.
  33. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 78—79; ХОДЖАЕВ А. Ук. соч., с. 99
  34. Согласно запискам А. Кенесарина, сначала из Кашгарии бежал Беккули-бек, а уж затем, получив ранение, за ним последовал и сам Садык. См.: КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 81. Однако английский современник событий Д.Ч. Булгер в биографии Якуб-бека утверждает, что они прибыли в Фергану вместе. См.: BOULGER D.CH. Ibid., p. 274.
  35. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 82—83.
  36. СМИРНОВ Е.Т. Предисловие. В кн.: КЕНЕСАРИН А. Султаны Кенисара и Садык. Ташкент. 1889, с. III—IV.
  37. ПАВЛОВ Н. Ук. соч., с. 163—171.
  38. МИРЗА АБДАЛ'АЗИМ САМИ. Ук. соч., с. 94.
  39. В самом деле, во время восстания Абдул-Малика в Бухарском эмирате к Садыку присоединилось некоторое количество казахов из числа подданных Российской империи. См.: БУХЕРТ В. «Начало бухарской распри положил Абрамов». Письмо коменданта г. Ходжента полковника П.Г. Фавицкого. — Источник. Документы русской истории. 2002. № 3 (57), с. 63.
  40. КЕНЕСАРИН А. Ук. соч., с. 83.

Случай политического протеста в сибирском НИИ в 1957 г.

А.В. РЫЧКОВ

Аннотация. Работа посвящена исследованию частного случая политического протеста ученых-аграрников, случившегося в 1957 г. в Сибирском научно-исследовательском институте сельского хозяйства в Омске. На уровне микроисторического исследования предпринимается попытка сформировать представление о политических взглядах ученых, а также обозначить ситуацию, сложившуюся в то время в аграрной науке и на производстве.

Ключевые слова: политический протест, аграрная наука, сельское хозяйство, Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, Омск, СССР.

Abstract. This work is devoted to research of a special case of the political protest of scientists-agrarians which has happened in 1957 in the Siberian research institution of agricultural industry in Omsk. At the level of microhistorical research an attempt to create idea of political views of scientists-agrarians, and also to deepen understanding of the situation which has developed at that time in agrarian science and production is made.

Key words: political protest, agrarian science, agriculture, Siberian research institute of agriculture, Omsk, USSR.

История сельскохозяйственной науки еще недостаточно изучена, хотя ее роль в северной стране трудно переоценить. Исторические исследования (работы А.А. Калиновской, Г.В. Шойдиной, Л.Р. Зангеевой и др.), как правило, весьма ограничены хронологически и территориально. Совершенно не затронуты вопросы, характеризующие политические взгляды ученых-аграрников. Представленная работа призвана хоть немного исправить подобную ситуацию. Очевидно, что данное исследование вызовет интерес и у ученых, занимающихся общественно-политическими проблемами. Так, историю диссидентского движения в СССР принято рассматривать с 1960-х годов. Вряд ли это правомерно. События, случившиеся в 1957 г. в старейшем на востоке страны Сибирском научно-исследовательском институте сельского хозяйства (СибНИИСХоз) в Омске, являются тому свидетельством.

СибНИИСХоз ведет свою историю с 1828 г., когда близ Омска был создан опытный хутор Сибирского линейного казачьего войска. Это было первое

Рычков Александр Васильевич — кандидат исторических наук, доцент Омского государственного технического университета. E-mail: alex-rychkov@mail.ru

Rychkov Alexander V. — candidate of historical sciences, associate professor at the Omsk State Technical University. E-mail: alex-rychkov@mail.ru.

сельскохозяйственное научное учреждение в Сибири и второе в России. Примечательно, что омский хутор возник за много лет до организации опытных станций за рубежом: во Франции и Англии полевые опыты начались в 1835 г., в Германии первая опытная станция была организована в 1852 году. Омский институт до сих пор играет важнейшую роль в развитии сельского хозяйства страны. В 1950-е гг. около 30% площади сортовых посевов яровой пшеницы СССР засевалось выведенными здесь сортами¹. Представленный материал добавит новую страницу в богатую на события историю данного научного учреждения.

В истории зачастую частный случай характеризует ситуацию настолько рельефно и четко, что становится ясной и понятной «картина» в целом. Такой случай произошел в Сибирском научно-исследовательском институте сельского хозяйства в Омске в ноябре 1957 года. На занятиях семинара по изучению конкретной экономики научный сотрудник Г.К. Гуринов заявил, что «парторганизации мешают развитию сельского хозяйства, ... колхозы не оправдали себя, и ничего общего у колхозов нет с кооперативным планом Ленина». Гуринов обвинил партаппарат в том, что он «обюрократился и стоит между партией и народом», и сравнил секретаря обкома с генерал-губернатором, причем обладающим еще большими правами². Проведенное областными партийными структурами расследование показало, что у Гуринова имелись единомышленники. Так, инженер-строитель Н.В. Полевцев считал, что «местные партийные органы глушат инициативу колхозников, нарушают закон стоимости. Колхозники не имеют права распоряжаться своей продукцией, т.к. всю продукцию обязаны сдавать государству»³. Было установлено, что указанных лиц поддерживали и другие научные сотрудники, среди которых были заведующий отделом земледелия СибНИИСХоза П.А. Яхтенфельд и заведующий отделом экономики сельского хозяйства А.К. Шутов. Партийными органами областного уровня было констатировано, что в данном институте сформировалась «антисоветская группа».

Демонстрируя свою «политическую бдительность», ОК КПСС обвинил руководство СибНИИСХоза в «беспринципном» подходе к подбору кадров. К числу «политически скомпромитированных» (так в документе, представленном в ЦК КПСС) были отнесены заведующий отделом защиты растений профессор Э.Э. Гешеле и заведующий лабораторией физиологии Вернер (как немцы на поселении), заведующий отделом картофеля и овощей Л.В. Катин-Ярцев, отец которого был осужден по 58 статье. Без мотивировки в списке оказались заведующий лабораторией агрохимии А.Е. Кочергин и старший научный сотрудник А.В. Тохтуев⁴.

Кто же были эти сотрудники СибНИИСХоза, входившие в «антисоветскую группу»? Показательна в этом отношении фигура Павла Александровича Яхтенфельда. В научной среде он пользовался заслуженным уважением и авторитетом как специалист в области земледелия. В фокусе его исследовательского интереса были, прежде всего, вопросы совершенствования агротехники возделывания яровой пшеницы на старопахотных и целинных землях Сибири и Казахстана. Именно под его руководством в институте были начаты исследования по сравнительной оценке традиционной, отвальной, системы обработки почвы и новой — безотвальной. Несколько позднее, в 1960-е гг., безотвальная система явилась основой разработанной для целинных районов почвозащитной системы земледелия. Результаты исследовательской деятельности Яхтенфельда были обобщены в подготовленной им монографии⁵, которая послужила основанием для присуждения ему в 1963 г. степени доктора сельскохозяйственных наук.

Павел Александрович известен и как выдающийся организатор аграрной науки на востоке страны. Будучи принципиальным и ответственным человеком, он критически оценил сформулированные «в центре» рекомендации по подъему целины как «общие указания», которые «не дают конкретной ориен-

тировки и оставляют широкое поле для догадок»⁶. Отмечая недостатки организации научных исследований на целинных землях, он подчеркивал: «Если в старых сельскохозяйственных районах Сибири сеть научных учреждений редкая и слабая, то на основных массивах новых земель опытных учреждений... почти нет»⁷. Уже в 1955 г. Яхтенфельд поставил перед вышестоящими инстанциями вопрос о создании новых аграрных научных учреждений на востоке страны.

Научная эрудиция Павла Александровича проявилась в умении увлечь исследовательской деятельностью талантливую молодежь. Под его руководством были подготовлены будущие академики и видные организаторы сельскохозяйственной науки в СССР: А.Н. Каштанов — первый вице-президент ВАСХНИЛ, Н.З. Милашенко — первый вице-президент ВАСХНИЛ, П.Л. Гончаров — председатель Сибирского отделения академии сельскохозяйственных наук.

В условиях господства «лысенковщины» своеобразным показателем лояльности власти являлась позиция ученого в противоборстве с «менделизмом, вейсманизмом и морганизмом». В этом вопросе Яхтенфельд не скрывал своей позиции и указывал на ошибочные положения в воззрениях и тех и других. Причем он остался верен своим взглядам и тогда, когда изменился научный климат, и теория Лысенко была официально осуждена. По мнению Яхтенфельда, негативную роль в противоборстве сыграла известная оторванность представителей «чистой генетической науки» от сельскохозяйственной практики⁸. Таким образом, Яхтенфельд был талантливым ученым и организатором сельскохозяйственной науки, стремившимся через развитие аграрных исследований добиться процветания советского сельского хозяйства.

Под стать ему был и другой участник «антисоветской группы» — Гуринов. Любопытно, что Яхтенфельд на проведенном партийном собрании выступил в защиту коллеги, охарактеризовав Гуринова как «бескорыстного труженика», «настоящего ученого», «настоящего коммуниста, болеющего за партию и ищущего пути строительства коммунизма»⁹.

После произошедших событий члены «антипартийной группы» Гуринов, Яхтенфельд, Шутов были исключены из партии и сняты с работы, а Полевцев привлечен к «государственной ответственности»: осужден на 10 лет. Столь серьезное наказание Полевцева было вызвано тем, что он, пробуя себя в качестве литератора, хранил у себя дома подготовленные к публикации рукописи, расцененные как «антисоветская пропаганда».

В дальнейшем Яхтенфельд продолжил научную деятельность, но уже в другом городе. Шутов спустя некоторое время был восстановлен в прежней должности. В 1961 г. был отменен приговор в отношении Полевцева в связи с отсутствием состава преступления. Дальнейшую судьбу Гуринова выяснить не удалось.

Известно, что деятели науки, поглощенные решением своих исследовательских проблем, традиционно отличаются политической индифферентностью. Встречающиеся исключения, как обычно, подтверждают правило. И если они решились на политический протест, проявленный в столь специфической форме, причину этого следует искать в сферах, связанных с научной деятельностью. Важно также ответить и на другой вопрос: почему этот протест состоялся именно в сибирском регионе?

Интенсивное промышленное освоение Сибири сопровождалось аналогичными процессами, правда, с некоторым сдвигом во времени, в сельском хозяйстве. Освоение целинных земель призвано было устранить дисбаланс в развитии основных отраслей экономики. Целина стала одним из крупнейших народно-хозяйственных проектов, однако нередко на «гребень волны» выносились люди, как писал современник, «пытавшиеся управлять жизненными событиями часто с крупными ошибками и бестолковщиной»¹⁰.

С самых высоких трибун провозглашалась необходимость «регионализации» сельскохозяйственного производства и аграрной науки, а в реальной жизни, напротив, усиливался диктат «центра». В аграрно-научной сфере это нашло выражение в том, что отдельные рекомендации становились обязательными для внедрения на территории всей страны.

Показательно, что среди «пострадавших» оказался и ученый секретарь СибНИИСХоза А.Г. Кузнецов, лишившийся своего поста. Но данное увольнение не имело никакой политической подоплеки: Кузнецов отстаивал в области агротехники поздние сроки сева зерновых культур в сибирском регионе. Именно это и было поставлено ему в вину. Дело в том, что академик Лысенко, являвшийся высшим «научным авторитетом» в сельском хозяйстве, опираясь на аграрные традиции европейской части страны, рекомендовал для районов освоения целинных земель ранние сроки посева зерновых. Но в условиях сибирского климата, где, как правило, июнь является самым засушливым летним месяцем, посеянные в ранние сроки зерновые культуры в значительной степени гибнут от недостатка влаги. В дальнейшем от ученых потребовалось много энергии, самоотверженности, мужества, чтобы заставить управленческие структуры отказать от авантюры с ранними посевами.

Естественно, что подобная ситуация была далеко не единственной. Так, в данное время разворачивалась и известная всем «кукурузная эпопея», когда в целях решения кормовой проблемы в животноводстве и улучшения статистических показателей по зерновым культурам происходило ее насаждение по территории всей страны вообще, и в Сибири в частности.

Со второй половины 1950-х гг. большое внимание уделялось специализации сельскохозяйственного производства с учетом природных и экономических условий каждого района, а также тесно связанной с ней рационализации размеров совхозов и частично колхозов. Подсчеты экономистов обещали значительный рост эффективности сельскохозяйственного производства региона. Однако сохранившаяся практика планирования производства без учета особенностей природно-экономических районов не позволила добиться положительного результата. Хозяйства поспешно и непродуманно укрупнялись или разукрупнялись, изменялся их производственный профиль, и все это без учета реальных экономических возможностей, производственного и кадрового потенциала. Конечный итог был печален.

Сибирь превратилась в своеобразный полигон для внедрения сомнительных рекомендаций. Итогом этого стало снижение производственных показателей, осложнение продовольственной проблемы в стране.

Важно отметить, что практические работники сельского хозяйства достаточно адекватно оценивали сложившуюся ситуацию и понимали ее причины. Их взгляды в целом совпадали с мнениями ученых Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства, правда, отсутствовали политические оценки. Например, несколько позднее, в 1959 г., бывший руководитель сибирского совхоза А.В. Потапов написал объемное письмо в редакцию газеты «Сельское хозяйство» (по сути дела, это письмо было адресовано партийному руководству страны, поскольку данная газета являлась органом ЦК КПСС). Первопричину всех бед автор письма видел в практике планирования и руководства сельским хозяйством: «Планирование... ведется сверху. Оно представляет собой голую разверстку без учета реальных возможностей состояния хозяйств. Оно крайне шаблонно, формально. Планируется не только сдача продукции государству, но и количество голов скота и какого. Сколько засеять тех или иных культур, не считаясь с почвенно-климатическими условиями, наличием и состоянием земель. Годовая потребность в кормах механически подгоняется завышенной урожайностью с одного гектара. Иногда урожайность

высеваемых культур в два и более раза завьшается против того, что можно получить практически. Посевы тех или иных культур планируются с заведомым нарушением агротехники»¹¹. Известно, что «онаучивание» сельскохозяйственного производства является главной задачей деятельности сельских специалистов. Но в сложившейся системе управления они, по мысли автора, были лишним звеном: «Планирование сверху приводит к тому, что глушится инициатива и творчество целых коллективов, хорошо знающих свое хозяйство и его возможности. Сводится к нулю роль специалистов в хозяйствах. Понижается до минимума их ответственность за ход и результаты производства. Специалисты и руководство совхоза ставятся в роль козлов отпущения за плохие, неудовлетворительные итоги такого хозяйствования. Работа без инициативы, без творчества, без права своевременно влиять на ход производства, не видеть разумности в содеянном — тяжелая, невыносимая обязанность»¹². Весьма показателен и главный вывод письма Потапова: «Дальше вести так хозяйство преступно. Игнорирование и несоблюдение основ сельского хозяйства ведет к тяжелым последствиям, огромным непроизводительным затратам, к экономическому развалу...»¹³

Сельскохозяйственная наука — прикладная. Поэтому ситуация в производстве, бесспорно, беспокоила ученых-аграрников и влияла на их мировоззрение и практическую деятельность, мотивировала их политические поступки. Таким образом, положение в сельскохозяйственной науке и производстве, в наибольшей степени осложнившее ситуацию в сибирском регионе, обусловило протестные действия с политической подоплекой части научных сотрудников Сибирского научно-исследовательского института сельского хозяйства в 1957 году. Этот протест не носил антисоветского характера и был вызван стремлением изменить ситуацию к лучшему в рамках существовавшей системы. Ученые-аграрники в мирные послевоенные годы развитие аграрной экономики связывали с отказом от централизованно-бюрократических методов руководства. Однако этого отказа не произошло отчасти потому, что региональное партийное руководство продолжало мыслить политическими категориями 1930-х годов. Это снимало с них личную ответственность за результаты хозяйственной деятельности, поскольку позволяло переложить вину на «антисоветские элементы».

Примечания

1. Архив СибНИИСХоза, оп. 1, д. 97, л. 2.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 556, оп. 22, д. 263, л. 2.
3. Там же, л. 4.
4. Там же, л. 8.
5. ЯХТЕНФЕЛЬД П.А. Культура яровой пшеницы в Сибири. М. 1961.
6. Освоение целинных и залежных земель в 1954 году. Материалы совещания при Академии наук СССР по итогам и перспективам научно-исследовательских работ в области освоения целинных земель (21—26 февраля 1955 г.). М. 1956. с. 238.
7. Там же, с. 238.
8. РГАСПИ, ф. 591, оп. 1, д. 57, л. 33.
9. Там же, л. 5.
10. ОРЛОВСКИЙ Н.В. Страницы истории аграрной науки XX века (воспоминания ученого). Новосибирск. 1999, с. 438.
11. РГАСПИ, ф. 556, оп. 22, д. 263, л. 124.
12. Там же, л. 126.
13. Там же, л. 125.

Кузница кадров оружейных мастеров

В.А. Маратканов

Аннотация. Ижевская оружейная школа (1870—1918 гг.) — учебное заведение, подготовившее около тысячи оружейных мастеров для армейских мастерских и арсеналов Российской империи. В данной работе впервые подробнейшим образом освещаются некоторые аспекты деятельности школы. Исследование предназначено как специалистам различных отраслей знаний, так и более широкому кругу читателей, интересующихся историей оружейной столицы России.

Ключевые слова: Ижевская оружейная школа, оружейный мастер, ученик, пансионер, учебный предмет.

Abstract. Izhevsk arms school (1870—1918) is a training school that prepared more than a thousand weapons masters for military workshops and arsenals of the Russian Empire. This work was the first exhaustively describes some aspects of the activities of the school. The publication is intended by specialists in various fields of knowledge, and a wider circle of readers interested in the history of the Armory capital of Russia.

Key words: Izhevsk arms school, arms master, a pupil, a boarder, a subject.

В 2015 г. исполнилось 145 лет с момента создания Ижевской оружейной школы, которая сыграла заметную роль в деле подготовки кадров мастеров для российской армии, а также успешной деятельности Ижевских заводов.

Она была основана в период существенных преобразований в военном деле, когда армия переходила на вооружение новейшими образцами стрелкового оружия, более сложного, требующего специальной подготовки.

В то время вольнонаемные оружейные мастера, состоявшие в полках, батальонах и командах, были преимущественно иностранцами. Они не знали языка, условий службы и быта нашей армии и не могли подготовить в войсках хороших мастеровых из нижних чинов. Поэтому решение об организации Ижевской оружейной школы, согласно приказу генерал-фельдцейхмейстера Великого князя Михаила Николаевича от 12 июля 1869 г., явилось совершенно логичным.

За почти полвека из стен этого учебного заведения вышла почти тысяча оружейных мастеров. Тем самым острая потребность в кадрах для армейских мастерских и арсеналов была решена.

Маратканов Владимир Александрович — соискатель Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. Ижевск. E-mail: riabinnik@inbox.ru.

Maratkanov Vladimir A. — PhD student of the Udmurt Institute of history, language and literature Ural branch of the RAS. Izhevsk. E-mail: riabinnik@inbox.ru.

Школу торжественно открыли 15 августа 1870 года. В административном плане она сначала подчинялась Главному Артиллерийскому Управлению, а с 1884 г. — начальнику заводов. Ижевская оружейная школа содержалась на средства ГАУ. Общая сумма ежегодных расходов составляла 16—18 тыс. рублей ¹.

На 1869—1870 уч. год следовало принять четверть полного состава учащихся. В течение четырех лет школа должна была иметь полный комплект учащихся в сто человек. Первоначально в ИОШ принимались молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет, всех сословий, за исключением иностранных подданных. Позже возрастной ценз изменили. Действительно, выпускник 34 лет, прослужив 4 года в нижнем звании, получил бы чин коллежского регистратора только к 38 годам, что явно не соответствовало среднему возрасту офицера подпоручика ².

Для поступления в школу будущему ученику требовалось предоставить увольнительное свидетельство от общества, если он принадлежал к податному сословию, метрическое свидетельство о рождении и медицинское свидетельство о здоровом телосложении и поставленной прививке от оспы.

Приемный экзамен, который обычно устраивался до 15 августа, требовал умения правильно читать и писать по-русски, выполнения четырех действий с целыми числами, употребления рабочих и поверочных слесарных инструментов и правильного опиливания плоскости по наугольнику ³. Сдавшие экзамен лица принимались в число казеннокоштных (*kost* в переводе с немецкого — питание) учеников, их по штату было 80, или в число своекоштных пансионеров, которых было 20.

Лица, зачисленные казеннокоштными учениками ИОШ, 16 августа получали от казны сумму на свое содержание. Например, в 1880 г. ежемесячная выплата составляла 5 руб. 42 коп.: на питание — 3 руб., на обмундирование, белье и постель — 1 руб. 67 коп., на оплату помещения — 75 копеек ⁴. За это они были обязаны прослужить в войсковых частях оружейными мастерами 4 года. Своєкоштные ученики от казны ничего не получали и за обучение не платили, пользуясь учебниками и инструментами для работ в мастерской совершенно бесплатно.

Отдельной категорией были пансионеры и стипендиаты казачьих войск, направляемые в ИОШ на год для обучения практическим навыкам, связанным с оружейным делом. Так, в 1877 г. в Ижевске находились два пансионера Семиреченского казачьего войска, на содержание и подготовку которых затратили 264 рубля. Из них на учебные пособия, покупку учебных материалов, чертежных инструментов и освещение в классе — 12 руб., обучение оружейному мастерству, покупку и ремонт слесарных инструментов и материалов — 50 руб., на питание, одежду, постель, а также наем помещения и содержание пансионеров в опрятности — 202 рубля ⁵.

Оружейная школа была многонациональной. Основную массу составляли русские, но встречались и удмурты, поляки, имелся даже один грузин. Любопытный факт. В 1882 и 1883 гг. в ИОШ обучался режицкий мешанин Витебской губернии Шолом Сроль Ициков Голяндский ⁶. Как в школу он поступил, остается загадкой, но завершить учебу ему не дали, так как он был иудейского вероисповедания. Впоследствии несостоявшийся оружейный мастер стал зубным врачом.

Состоянию нравственности поступающего в ИОШ не придавалось какого-то особенного, принципиального значения. Какими были сельские обыватели поселка Ижевский завод, такими же являлись и ученики оружейной школы.

К середине 1890-х гг. в ИОШ укоренился такой обычай приема новых учеников. Едва новичок переступал порог школы, на него набрасывалась ватага ранее поступивших учеников, которые поднимали его в воздух и начинали что

есть силы колотить по спине, бокам, голове — куда попало. Такой прием новичков, который на жаргоне оружейников назывался «заварить ствол», продолжался порой до тех пор, пока новичок не лишался чувств. Любопытно, что начальство ИОШ не предпринимало никаких мер к прекращению этой дикой забавы ⁷.

В 1913 г. новый начальник ИОШ подполковник П.Н. Сорочинский отметил среди учащихся «необычайный упадок религиозно-нравственного чувства». Он обратился к Его Преосвященству епископу Вятскому и Слободскому Филарету с просьбой назначить на должность преподавателя русского языка священника ижевского Александро-Невского собора отца Николая Цветкова, известного среди прихожан праведным образом жизни. Это было сделано, но ситуацию с состоянием нравственности учащихся ИОШ коренным образом, к сожалению, не изменило ⁸.

Обучение в школе было четырехлетним, причем последний год посвящался исключительно практическим занятиям в мастерской. Теоретический курс составляли предметы: Закон Божий, арифметика, геометрия, теория ручного огнестрельного оружия, русский язык, черчение и рисование. Ежедневно три часа в день (с 9.00 до 12.00) ученики занимались теорией, а остальное время (с 14.00 до 18.00) уделяли практике. В итоге, за четыре года пребывания в школе при 10-месячном учебном годе ученик посвящал 27 месяцев практическим занятиям и лишь 13 — теоретическому курсу ⁹.

Учебный процесс строился согласно учебной программе и расписанию. На каждый предмет отводилось по полтора часа. Ежегодно во всех классах по всем предметам устраивались экзамены. Руководил учебным процессом педагогический комитет, состоявший из всех преподавателей школы и ее начальника. Педагогический комитет принимал решение о составе экзаменационной комиссии, куда входили преподаватели по специальности и представители заводов.

Допускалась сдача экзаменов на звание оружейного мастера экстерном. Так, в 1912 г. в ИОШ явился для сдачи экзаменов оружейный мастер 3-го военного отдела Оренбургского казачьего войска Харитон Фомичёв ¹⁰. В 1913 г. — вольнонаемные оружейные мастера 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска Никон Мельниковский, управления Иркутской местной бригады Неофит Нестеров, управления Харьковской местной бригады Эдурад-Фридрих Шуман, 2-го Лабинского полка Николай Трубочёв ¹¹.

С июля по 15 августа ученический состав ИОШ распускался на каникулы. Иногородние ученики перед отправкой домой получали от начальника школы специальные увольнительные билеты. Каждый год во второй половине июля заседал педагогический комитет, который решал вопросы отчисления, перевода и подготовки к новому учебному году.

В 1898 г. в ИОШ была изменена программа. Теперь по предмету теория ручного огнестрельного оружия младшие ученики знакомились с описанием 4,2-линейной винтовки, револьвера Смита и Вессона и трехлинейной винтовки. Ученики среднего класса изучали трехлинейный револьвер солдатского образца 1895 г. и устройство оружейных мастерских, а также выясняли, как проводить осмотр трехлинейек в войсках. Старшеклассники же штудировали наставление по обучению стрельбе.

На практических занятиях по курсу слесарно-оружейного дела ученики младшего класса изготавливали различные инструменты. Средний класс делал приборы и инструменты, используемые при осмотре и исправлении оружия в войсках, а также лекала. Старшеклассники осваивали сборку трехлинейек из готовых деталей, постигали кузнечное дело, свинцевание стволов, занимались исправлением повреждений, встречающихся в трехлинейках, и ремонтом холодного оружия. Выпускники из практического класса постигали премудрости

правки стволов, изготавливали детали револьвера Смита и Вессона (кроме стволов с экстракторами, барабанов и рамки), двухствольные охотничьи ружья различных систем, занимались осмотром и пристрелкой трехлинейек¹².

В 1912 г. ученики ИОШ высказали преподавателям просьбу — ознакомить их с первоначальными требованиями, предъявляемыми к нижнему чинам. Обучение было возложено на штабс-капитана Ижевской местной пехотной команды Петра Петровича Русина. Он давал ученикам школы первоначальные сведения из Уставов внутренней службы, гарнизонного и дисциплинарного¹³.

С апреля 1913 г. в ИОШ было введено обучение гимнастике и строевые занятия, согласно строевому уставу, но без рассыпного строя. Часовые уроки гимнастики и строевых занятий в неделю стали обязательными для всех. В младшем классе число уроков удваивалось. За обучающимися гимнастике осуществлялся надзор врача, а также их осмотр в начале и в конце учебного года¹⁴.

На основании Положения о специальных школах артиллерийского ведомства, ученикам, показавшим отличные успехи в науках и мастерстве, могли быть выданы награды в виде книг и инструментов. Расход на их приобретение входил в сумму, ежегодно ассигнуемую на покупку учебных пособий, материалов, чертежных инструментов и освещение классов. В 1874 г. эта сумма составляла всего 480 руб., и покупать книги и инструменты для поощрения учеников вообще не представлялось возможным. Начальник ИОШ подполковник И.И. Патрус считал награждение учеников крайне важным для учебного процесса. 9 марта он обратился с рапортом в ГАУ, чтобы ему позволили ежегодно приобретать для выдачи подарков книги, чертежные и слесарные инструменты на 200 руб. с отнесением расходов на сумму, выделяемую на плату за обучение учеников оружейному мастерству¹⁵.

Выдающиеся ученики могли удостоиться записи на Красную доску. Так в 1898 г. был поощрен окончивший полный курс школы Василий Никитич Копьев, отличавшийся примерным поведением, показавший отличные успехи как по слесарно-оружейному мастерству, так и по всем предметам теоретического курса¹⁶.

Вопрос отчисления учеников ИОШ находился в ведении педагогического комитета, который направлял представление об исключении в ГАУ. Так, например, 13 июля 1871 г. казеннокоштные ученики Владимир Николаев, Пётр Филиппов и Николай Михайлов «по неудовлетворительным успехам» были исключены из школы¹⁷.

Кому-то из разряда небезнадежных, как ученику младшего класса Фёдору Верхотурову, давался второй шанс — остаться на второй год¹⁸. В 1905 г. ГАУ издало циркуляр о переводе казеннокоштных учеников в своекоштные за второгодничество.

Исключение из школы могло произойти и в середине учебного года, как это случилось с казеннокоштными учениками Василием Васильевым, Иваном Дмитриевым и Харитоном Елисеевым 31 декабря 1871 года. На открывшиеся вакантные места педкомитет принял Льва Дегтерёва, Семёна Кунгурцева и глазовского мещанина Вонифатия Попова¹⁹.

При создании ИОШ у руководства школы возник вопрос — можно ли исключать из нее учеников, которые сами будут просить об этом? За разъяснением пришлось обратиться в ГАУ. 5 ноября 1871 г. ГАУ передало приказ товарища (помощника) генерал-фельдцейхмейстера. В нем сообщалось, что оставление школы по собственному желанию разрешалось только тем ученикам, которые внесут в казну сумму, затраченную на их обучение²⁰.

В 1871 г. казеннокоштный ученик Михаил Пушкин подал прошение об отчислении из школы по семейным обстоятельствам. Ему было предложено внести в местное расходное отделение деньги, затраченные на его содержание в

школе с 15 августа 1870 г. по 1 сентября 1871 г. — 95 руб. 53 копейки ²¹. Вскоре семейная проблема Пушина разрешилась, он продолжил учебу и был вновь зачислен на казенное содержание с 1 октября. Так, Ижевские заводы едва не лишились будущего толкового оружейного мастера — надворного советника Михаила Петровича Пушина.

По «семейным обстоятельствам» в 1898 г. не смогли продолжить занятия ученик среднего класса Василий Александров и младшего — Фёдор Карачёв и Алексей Мотявин ²², в 1912 г. — ученик младшего класса Аркадий Прозоров и среднего — Михаил Колбин ²³.

Выпуск учеников из школы на службу в качестве оружейных мастеров происходил раз в год, в июле. Всем выпускникам присваивалось звание оружейного мастера 2-го разряда. После приказа по артиллерии, они, дав клятвенное обещание на верность царю и Отечеству, получив кормовые и прогонные деньги, с послужными списками и аттестатами отправлялись в разные войска и артиллерийские учреждения.

После одного года усердной и полезной службы оружейные мастера 2-го разряда могли быть представлены начальством к производству в 1-й разряд. С представлением об этом следовало входить в ГАУ. Производство в звание и распределение мастеров зависело исключительно от ГАУ. Как правило, лучших из выпускников не отправляли в отдаленные округа и арсеналы, а оставляли на Ижевских заводах.

Ижевскую оружейную школу возглавляли без преувеличения личности с большой буквы. Каждый из них внес заметный вклад в историю Ижевских оружейного и сталелитейного заводов. Их назначение на должность начальника Ижевской оружейной школы не было случайным. К 30—40 годам они уже много добились в жизни.

Большинство из них — дворяне по происхождению — выбрали военную карьеру, стали артиллеристами. Брели в этот род войск только самых толковых. Они проходили последовательно все этапы воспитания и образования: сначала поступали в кадетский корпус, потом оканчивали военное училище и, наконец, завершали обучение в Михайловской академии.

Двое из начальников школы, происходившие из казаков, — капитаны гвардейской пешей артиллерии Василий Алексеевич Платонов и Александр Михайлович Кулешов — оказались еще и земляками. По существовавшему закону, за воспитание в училище и обучение в академии они должны были прослужить в артиллерийском ведомстве по полтора года за каждый год пребывания в этих заведениях. Они познали все тяготы нелегкой армейской жизни. По воле военного начальства, порой не по разу в год, переводились из части в часть, честно неся службу от звания к званию во многих уголках Российской империи. Двое из них — полковник полевой пешей артиллерии Иван Иванович Патрус и капитан гвардейской пешей артиллерии Василий Алексеевич Платонов — участвовали в боевых действиях против неприятеля. Проверили на практике все то, чему их обучали в теории в военных образовательных учреждениях.

Все без исключения начальники школы показали себя прекрасными организаторами, хозяйственниками и толковыми инженерами. Многие из них имели опыт службы помощниками начальников мастерских, а то и начальниками на Императорском Тульском оружейном и Ижевских оружейном и сталелитейном заводах, занимали должности членов Хозяйственного комитета (или даже председателя, как подполковник полевой пешей артиллерии Леонтий Иванович Халютин) и Приемной комиссии.

Все начальники школы до момента назначения на эту должность, а в особенности, подполковник полевой легкой артиллерии Пётр Николаевич Сорочинский, имели богатый опыт работы с большим количеством подчиненных.

Можно сказать, что должность начальника оружейной школы для этих выдающихся людей была не столь значительна и являлась лишь очередным этапом к высоким должностям.

Стоит сказать и о преподавательском составе. С момента образования школы процесс обучения учеников оружейному делу был такой — их распределяли к сдельщикам по мастерским завода. Однако поиск многочисленных подходящих сдельщиков вызывал большие затруднения. Кроме того, занятия учеников ускользали из-под контроля. Да и сумма, выделявшаяся на обучение, полностью расходовалась на сдельщиков, не давая ИОШ возможности за счет казны приобрести инструмент.

С марта 1874 г. процесс изменился: обучение стало проходить почти полностью в школьной мастерской и с учетом местных условий. Это оказалось гораздо удобнее, плодотворнее и экономически выгодней. В новых условиях посторонних опытных оружейников приходилось искать в гораздо меньшем количестве. Для достижения почти полной независимости от заводских мастеров необходимо было включить в штат школы в качестве младших учителей трех мастеров, основательно изучивших все оружейные работы, знакомых с теорией ручного огнестрельного оружия и относящимися к ним инструкциями. В марте 1874 г. начальник ИОШ подполковник И.И. Патрус обратился в ГАУ с рапортом, в котором просил назначить на вакансии младших учителей оружейных мастеров из числа учеников практического класса ²⁴.

Вознаграждение за чтение лекций преподавательский персонал получал в размере 27 руб. за годовой час, а законоучитель за пять уроков в неделю — лишь 90 руб. в год. Прибавив два урока по теории ручного огнестрельного оружия, даваемые начальником школы бесплатно, получаем максимально возможное число уроков в неделю при 1440 руб., отпускаемых школе на наем преподавателей, — 57. Ничтожное вознаграждение преподавателям за их труд ²⁵. Не удивительно, что на протяжении всего периода своего существования ИОШ оставалась неукомплектованной преподавательским составом. Так, например, в январе 1881 г. из положенных по штату четырех младших учителей в школе состояло трое ²⁶. Стоит отметить, что и уровень квалификации преподавателей был различным. В 1885 г. в школе имелся один наставник с высшим образованием, двое — со средним и пятеро — с низшим ²⁷.

Для учеников Ижевской оружейной школы это учебное заведение стало в прямом смысле путевкой в жизнь, шансом сделать успешную карьеру. Выпускники оружейной школы могли дослужиться до чина надворного советника, равного званию подполковника. И многим это удалось сделать. Для начала во время учебы в школе надо было показать себя с самой лучшей стороны. Тогда появлялся шанс, что тебя не отправят в какой-нибудь отдаленный гарнизон или арсенал, а оставят в знакомом и привычном Ижевске. А затем, получив распределение на Ижевские заводы, проявить себя как специалист, пройти все ступени карьерной лестницы. Неплохо зарекомендовавших себя оружейных мастеров в армейских частях и арсеналах начальство тоже примечало и возвращало на заводы в качестве артиллерийских чиновников. Тем самым скрупулезно подбиралась, формировалась оружейная элита, складывалась каста оружейников.

Среди ярких представителей Ижевской оружейной школы можно выделить, например, надворного советника Савелия Гордеевича Селокова, осуществлявшего контроль за первой плавкой мартеновской стали, надворного советника Михаила Петровича Пушина, внесшего значительный вклад в организацию выпуска на Ижзаводах инструмента, или коллежского асессора Александра Максимовича Коврижника, развивавшего производство охотничьего оружия на предприятии.

К концу XIX в. среднее звено руководящего состава Ижевских оружейного и сталелитейного заводов состояло из выпускников оружейной школы.

Получить дальнейшее развитие как учебное заведение, повысить уровень преподавания, улучшить материальную базу Ижевской оружейной школе мешали сначала начавшаяся первая мировая война, затем Октябрьская революция и, наконец, Гражданская война. Какой могла бы стать Ижевская оружейная школа, можно только предполагать.

К сожалению, судьбы выпускников Ижевской оружейной школы трагичны, всех «перемолол» кровавый XX век. Те, кто хорошо работал на Ижевских заводах, обзавелись большими семьями, поскольку получаемое жалование позволяло их содержать, построили добротные дома, некоторые из которых до сих пор неплохо сохранились. После поражения Ижевско-Воткинского восстания оружейная элита была вынуждена бросить все и отступить далеко на восток. Единицам из оружейников удалось эмигрировать и доживать свой век на чужбине. Часть выпускников оружейной школы, служивших в регулярных войсках, погибла в боях. Некоторые попали в плен к красным. Новая власть потом использовала их в качестве военных специалистов. Правда, в 1930-е гг. многим из ижевских оружейников старорежимное прошлое стоило длительных сроков заключения.

Перед исследователями истории Ижевской оружейной школы стоит задача как можно более подробного описания деятельности этого учебного заведения, и самое главное и интересное — судеб ее выпускников, чтобы закрыть еще одну белую страницу в славной истории Ижевских оружейного и сталелитейного заводов.

Примечания

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР), ф. 4, оп. 1, д. 4327, л. 37; ф. 274, оп. 1, д. 27, л. 4.
2. Там же, ф. 274, оп. 1, д. 44, л. 70.
3. Там же, д. 8, л. 200.
4. Там же, д. 22, л. 22.
5. Там же, д. 14, л. 84.
6. Там же, д. 27, л. 180.
7. Там же, д. 32, л. 19.
8. Там же, д. 44, л. 244.
9. Там же, л. 70.
10. Там же, л. 7.
11. Там же, л. 24, 77, 95.
12. Там же, д. 35, л. 225.
13. Там же, д. 43, л. 106.
14. Там же, д. 44, л. 209.
15. Там же, д. 8, л. 84.
16. Там же, д. 35, л. 272.
17. Там же, д. 4, л. 11.
18. Там же, л. 13.
19. Там же, л. 23.
20. Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2136, л. 368.
21. Там же, ф. 274, оп. 1, д. 4, л. 16об., 18об.
22. Там же, д. 35, л. 247, 248.
23. Там же, д. 43, л. 109, 110.
24. Там же, д. 8, л. 86.
25. Там же, д. 44, л. 70.
26. Там же, д. 23, л. 1.
27. Там же, д. 27, л. 21об.

Предатели и жертвы в эпоху маккартизма

И.М. Супоницкая

Аннотация. В работе рассматривается атмосфера, царившая в американском обществе в эпоху маккартизма. Это было время страха, недоверия и массового предательства. Тысячи людей подверглись политическим гонениям. Американцы узнавали о чистках в госаппарате, школах и университетах, черных списках для деятелей культуры. В стране оказалось много не только жертв, но и предателей. Эра маккартизма стала одной из самых мрачных страниц истории США, основанных на либеральных традициях.

Ключевые слова: маккартизм, коммунисты, лояльность, антиамериканская деятельность, чистки, черные списки, подрывной элемент, свидетель, предательство, жертва, доносчик.

Abstract. The work examines the atmosphere in the American society during the age of McCarthyism. It was the period of fear, distrust and mass betrayal. Thousands people suffered political persecution. Americans learned about purge in State machinery, schools and universities, black lists for cultural workers. There were many not only victims but informers in the country. The era of McCarthyism became one of the darkest pages in the history of the United States based on the liberal traditions.

Key words: McCarthyism, communists, loyalty, Un-American Activities, purge, black lists, subversive person, witness, betrayal, victim, informer.

---

21 марта 1947 г. президент Г. Трумэн подписал знаменитый указ № 9835 о проверке лояльности государственных служащих, а по существу, чистке государственного аппарата от «подрывных элементов», то есть коммунистов. Это явилось началом одного из самых мрачных периодов истории США — маккартизма ¹. Хотя сам Джозеф Маккарти появился на политической арене позднее, когда в 1950 г., он, малоизвестный сенатор, выступил в Западной Вирджинии с сенсационным заявлением, что обладает списком из более двухсот коммунистов, работающих в Госдепартаменте. Чистке подвергся не только госаппарат, но и школы, вузы, многие деятели культуры попали в черные списки, лишившие их работы и выезда за границу. В стране развернулась массовая антикоммунистическая кампания, от которой пострадали тысячи людей ².

Супоницкая Ирина Марковна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: irina.ms@mtu-net.ru.

Suponitskaya Irina M. — doctor of historical sciences, leading researcher at the Institute of World History. Russian Academy of Sciences. E-mail: irina.ms@mtu-net.ru.

Американцы до сих пор помнят это время, издают книги, спорят о жертвах и героях, в том числе о самом Маккарти, снимают фильмы («Виновен по подзрению». 1991; «Доброй ночи и удачи». 2005; «Трамбо». 2007). Когда в 1999 г. известному режиссеру, девяностолетнему Элиа Казану вручали почетную премию Оскар, часть аудитории не встала и не аплодировала. Около 250 демонстрантов, в том числе люди, внесенные в черные списки, протестовали. Организатор акции, сценарист Бернард Гордон, заявил, что пришел в ужас от присуждения премии человеку, который «принес так много вреда нашему сообществу»³.

Маккартизм вошел в историю Соединенных Штатов не только антикоммунизмом, необоснованными обвинениями, но и «суровым испытанием» (так назвал пьесу А. Миллер) для американцев, которое не все выдержали с честью. Это было время страха и отчаяния, недоверия даже к близким и разочарования в друзьях, а главное — массового предательства: брат выдавал сестру, сестра — брата, но большинство — своих коллег. Раскалывались семьи, разрывались дружеские связи.

В ту пору распространились такие понятия, как «называть имена» (name names); «дружественный» свидетель, то есть сотрудничавший с властью, информатор, а в народе — доносчик (stool-pigeon), и «недружественный», не сотрудничавший с властью и не выдавший товарищей; присяга на лояльность, черный список, подрывные элементы, неблагонадежные, «виновные в связи» с коммунистами (guilt by association).

Общество разделилось на «патриотов» и «подрывные элементы». Глава Американского легиона Э. Кок утверждал: «Сегодня в Америке нет места для нейтральных патриотов». В том же духе высказался в 1948 г. генеральный прокурор Т. Кларк: «Те, кто не верит в идеологию Соединенных Штатов, не должны здесь оставаться»⁴.

Америку охватил страх коммунизма, угрожавшего как извне (испытание в 1949 г. атомной бомбы в СССР, победа коммунистов в Китае, война в Корее 1950—1953 гг.), так и внутри страны — советский шпионаж и участие в нем компартии США. Коммунистов изгоняли из государственных, образовательных учреждений, даже Голливуда, прозванного тогда «красным».

Антикоммунизм не нов для Америки. Его первая волна, «красная угроза» (Red Scare), прокатилась по стране в 1920-е гг. после победы большевистской революции 1917 г. в России. В палате представителей Конгресса в 1938 г. возник комитет по расследованию антиамериканской деятельности, снискавший, правда, дурную репутацию своей неосведомленностью. Один из его членов спросил Х. Флэнаган, руководителя федерального театрального проекта, названного рассадником коммунизма и радикализма (она бывала в СССР для изучения театра), кто такой Кристофер Марло и был ли он членом компартии; а «мистера Еврипида» обвинили «в проповеди классового сознания»⁵.

Но массовые преследования начались после второй мировой войны. Первым атаке подвергся Голливуд. В октябре 1947 г. комитет по антиамериканской деятельности провел слушания на тему «Коммунистическое проникновение в киноиндустрию». Калифорния после Нью-Йорка занимала ведущее место по числу коммунистов. Во время войны в округе Лос-Анджелес их насчитывалось 4 тыс. (режиссеры, сценаристы, актеры и пр.)⁶. Кинематографистов, создававших картины в военные годы, обвинили в сочувствии Советскому Союзу («Миссия в Москву». 1943, по книге бывшего американского посла в СССР Дж. Дэвиса, реж. М. Кёртис; «Северная звезда». 1943 г., реж. Л. Майлстоун, сценарий Л. Хеллман; «Песнь о России». 1944, реж. Г. Ратов, сценаристы П. Джеррико и Р. Коллинз; «Дни славы». 1944, реж. Ж. Турнёр, сценарий К. Робинсон). Правда, членам комитета пришлось признать, что фильмы сняты по заказу Белого дома для улучшения образа союзника в глазах американцев.

Среди «дружественных» свидетелей были писательница А. Рэнд, продюсеры Дж. Уорнер, У. Дисней, актеры Г. Купер, Р. Тейлор, Р. Рейган, президент Гильдии киноактеров и будущий президент США. Айн Рэнд, эмигрировавшую из СССР в 1926 г., спросили, является ли фильм «Песнь о России» пропагандистским? Она ответила утвердительно, поскольку он показывал счастливых, веселых, хорошо одетых советских людей. «Я никогда не видела кого-нибудь одетого в такую одежду»⁷. Героини фильма с маникюром работают на тракторе, идут с песнями домой, где их ждет обильный стол. Этого не могло быть в бедной и голодной после коллективизации советской деревне 1930-х гг., как не могла происходить свадьба в церкви, подвергавшейся гонениям. Такое представление о России, заключила Рэнд, — пропаганда⁸. Хотя, скорее всего, картина свидетельствовала о полном незнании ее создателями советской действительности.

Актер Тейлор, исполнитель главной роли, тоже усмотрел в фильме коммунистическую пропаганду, заявив, что возражал против подобного сценария. Он предложил запретить компартию в Америке. Старейший актер кино А. Менжу назвал Голливуд одним из главных коммунистических центров в Америке, а компартию — «филиалом Коминтерна». Он изучал марксизм и нашел его антиамериканским, а фильмы «Миссия в Москву» и «Северная звезда» считал «бесчестными» и «неправдивыми». «Да, я охотник на ведьм, — заявил Менжу, — если ими являются коммунисты. Я антикоммунист и хотел бы видеть их всех в России»⁹. Зато президент Гильдии киноактеров Рейган возражал против запрета компартии, полагая, что американцы сами поймут ее ложь и сумеют противостоять ее пропаганде¹⁰.

Томас Манн, проживший восемь лет в США, усомнился в пропагандистской направленности картин военной поры: «Если коммунистическая пропаганда тайно внедрена в какие-то американские фильмы, она должна быть очень тщательно спрятана. Я никогда не замечал ничего подобного»¹¹.

19 «недружественных» свидетелей из Голливуда, в том числе Б. Брехт, подозревались в приверженности коммунистической идеологии. Десять из них (сценаристы и режиссеры Дж. Лоусон, А. Мальц, Х. Биберман, Д. Трамбо, Л. Коул, Э. Дмитрык и др.) отказались отвечать на вопрос о членстве в компартии, сославшись на Первую поправку к Конституции. Сценарист Лоусон заявил, что такой вопрос «нарушает права, привилегии и неприкосновенность американских граждан», которые защищены в Билле о правах. А его коллега Р. Ларднер отшутился: «Я мог бы ответить на него, но если бы ответил, то утром возненавидел себя»¹². Кинематографисты увидели в ситуации начало репрессий в стране, а писатель и сценарист Трамбо даже предвещал появление концентрационных лагерей в Америке.

Ведущие деятели Голливуда создали комитет в защиту Первой поправки к Конституции (Х. Богарт, Дж. Гарленд, Б. Ланкастер, Ф. Синатра), объясняя, что ничего общего не имеют с коммунизмом, но обеспокоены угрозой, нависшей над киноиндустрией.

Апелляционный суд округа Колумбия не посчитался с обращением к Первой поправке, утверждая, что киноиндустрия «играет важную роль в формировании общественного мнения», и что кинофильмы могут служить «потенциальным средством пропаганды», влияя на миллионы американцев. Учитывая идеологическую борьбу между коммунистическими и демократическими странами, создатели фильмов должны открыть свои политические взгляды¹³. За отказ отвечать на вопросы подсудимых признали виновными в неуважении к Конгрессу и приговорили к тюрьме до одного года и штрафу. Брехт и немецкий композитор Г. Эйслер уехали из Соединенных Штатов в ГДР.

Голливуд отвернулся от оппозиционеров. В 1947 г. Американская ассоциация кинокомпаний приняла решение не нанимать коммунистов на работу. Ее

президент Э. Джонстон объявил об увольнении тех, кто не присягнет, что не является коммунистом. Так в Америке появились первые фамилии в черном списке неблагонадежных, которые лишились работы. Сотрудничать с комитетом по антиамериканской деятельности отказались 200 чел., еще около 300 числились в списке неофициально, среди них были не только коммунисты, но и либералы ¹⁴.

Инициаторы движения в защиту Первой поправки вскоре отошли от него. Богарт в статье «Я не коммунист» утверждал, что защищал свободу слова, экрана и Билль о правах, а не коммунизм в Америке, назвав себя либеральным демократом ¹⁵.

Против оппозиционеров выступил созданный в 1944 г. консервативный Альянс кинематографистов за сохранение американских идеалов с его президентом — актером Джоном Уэйном (К. Гейбл, Г. Купер, Дисней), а также Гильдия киноактеров во главе с Р. Рейганом. С конца 1940-х гг. было снято свыше тридцати антикоммунистических фильмов («Виновен в предательстве», «Я вышла замуж за коммуниста», «Красная угроза» и др.). Наибольшей активностью в преследованиях отличался Американский легион, контролировавший шоу бизнес и пикетировавший неугодные картины. В его черный список попал даже аполитичный фильм «Муллен Руж» о жизни Тулуза Лотрека.

«Коммунизм потерпел поражение в Голливуде, — заявил в 1951 г. Рейган, — потому что подавляющее большинство... выступало и выступает против коммунизма... Голливуд в течение многих лет был главной мишенью красных пропагандистов и конспираторов в этой стране. Они выполняли приказы Иосифа Сталина, который сказал: “Кино не только важный агитпроп..., но также канал, с помощью которого можно повсюду влиять на умы и желания людей”» ¹⁶.

Весной 1951 г. комитет продолжил расследовать деятельность Голливуда. Первым, кто назвал имена бывших товарищей по компартии, правда, под сильным давлением, стал актер Ларри Паркс. Конгрессмен Ф. Тавеннер уверял, что признание в членстве в компартии «требуется мужества, но, поступая так, свидетели приносят неоценимую пользу своей стране» ¹⁷. Паркс искренне рассказал, что был членом компартии в 1941—1945 гг., считая ее самой либеральной, но позднее вышел, «потеряв к ней интерес». Актер долго отказывался назвать имена своих коллег, ведь они, как он полагал, «не делали ничего дурного». Он убеждал: «Это не американский путь — заставлять человека, ... не дело американского правосудия... У меня двое мальчиков, (одному 13 месяцев, другому две недели)... Неужели такое наследие я должен им передать? Неужели такое наследие вы хотели бы передать своим детям?» ¹⁸ Однако на закрытой сессии Паркс все-таки назвал имена коммунистов. Он оказался первым, но не последним доносителем. За 1951—1953 гг. так поступило от трети до половины свидетелей ¹⁹.

Предательство поощрялось системой: за сотрудничество — сообщение фамилий коммунистов — человек освобождался от наказания. Появились профессиональные информаторы, работавшие на ФБР, один из них — Луис Буденц, бывший редактор коммунистической газеты «Daily Worker». В 1950-е гг. «дружественные» свидетели называли имена, то есть предали 325 своих коллег. Больше всех в Голливуде отличился сценарист Мартин Беркли, член компартии в 1936—1943 гг., назвавший 161 имя ²⁰.

Даже в знаменитой голливудской десятке не все выдержали испытания. После тюрьмы и безрезультатных поисков работы режиссер Э. Дмитрык, сын украинских крестьян-иммигрантов, в 1951 г. добровольно пришел в комитет и стал сотрудничать, объяснив свой поступок патриотизмом в условиях «холодной войны». Рассказал, как он и его коллеги обратились к идеям коммунизма. В кризисные 1930-е гг. они считали несправедливым, что получают 2500 долл.

в неделю, тогда как другие — 25 долларов. Но сталинские чистки и Договор о ненападении между СССР и фашистской Германией 1939 г. заставили его пересмотреть взгляды на советскую политику. Дмитрик выдал 24 члена своей партийной ячейки, в том числе режиссера Джулиуса Дассина (в Европе — Жюль Дассен), отца французского эстрадного певца. Их занесли в черный список, и они потеряли работу. Дассин, родом из семьи еврейских иммигрантов, покинувших Российскую империю, вынужден был переселиться в Европу. Дмитрик назвал Лоусона «верховным ламой» компартии в Голливуде, заставлявшим всех подчиняться партийной дисциплине, поэтому он перестал посещать коммунистические собрания ²¹.

Сценарист и писатель А. Мальц, близкий друг Дмитрика, тоже член голливудской десятки, обвинил его во лжи, спросив, почему же в 1947 г. он не отказался от компартии. Испытания, полагал Мальц, сломили режиссера, который сам признался, что «никогда больше не будет сидеть в тюрьме». «Он купил возврат в киноиндустрию, растоптав карьеру тридцати других», — заключил Мальц ²².

Особенно громкой стала история известного режиссера театра и кино Элиа Казана и сценариста и писателя Бадда Шульберга. На слушаниях комитета Шульберг признался, что в 1937—1940 гг. был членом компартии и занимался в марксистском кружке. Увлёкся коммунизмом после поездки в 1934 г. на Первый съезд писателей СССР, где познакомился с М. Горьким, А. Афиногеновым и др. Его впечатлила встреча с В. Мейерхольдом, но тот исчез в 1939 г., а многие выступавшие на съезде были расстреляны, покончили самоубийством или замолчали. Окончательно решение уйти из партии Шульберг принял после критики коммунистами Дж. Лоусоном и Р. Коллинзом его романа, что напоминало идеологическое давление на советских писателей ²³. Он раскрыл имена бывших товарищей по партии.

Так же поступил его приятель, талантливый режиссер Э. Казан, член компартии в 1934—1935 гг., с успехом поставивший в театре пьесы А. Миллера и Т. Уильямса, а в кино «Трамвай желаний». В апреле 1952 г. на закрытой сессии комитета по антиамериканской деятельности он поделился своим опытом коммуниста: в партии царила жесткая дисциплина, контроль над мыслью и подавление личного мнения, что и заставило его через полтора года выйти из нее и стать врагом коммунистической идеологии ²⁴. Казан добровольно назвал имена восьми своих коллег. Позднее он признался, что боялся потерять работу, ведь ему больше не дали бы снимать фильмы. Если бы Казан, пользовавшийся очень большим влиянием, — заметил историк маккартизма в Голливуде В. Наваски, — использовал его в борьбе против черных списков и комитета, он мог бы переломить ситуацию, но он сдался ²⁵.

Драматург А. Миллер, друг Казана, отговаривавший его от этого шага, прекратил с ним отношения, посвятив теме предательства две пьесы: «Суровое испытание». 1953, и «Вид с моста». 1956 года. Сюжет первой взят из американской истории конца ХУП в. — времени охоты на ведьм в Сейлеме, штат Массачусетс, в 1692 г., который перекликался с современными событиями. Ее герой, фермер Проктор, предпочел смерть ложному доносу на соседей, чего добивались от него судьи; а другая — о предательстве сицилийским докером-иммигрантом своих нелегальных родственников.

Коммунистов запрещалось брать на работу в школах и университетах, в 32 штатах в 1950-е гг. была введена присяга на лояльность ²⁶. В Калифорнийском университете в ней содержалось подтверждение не только лояльности к конституции штата, но и неучастия в организациях, проповедующих идею свержения правительства США, в том числе коммунистических. Когда от всех сотрудников потребовали подписать присягу, 31 профессор отказался, увидев в

этом нарушение академической свободы, за что все они были уволены. Половина преподавателей поддержала их, полагая, что нельзя преследовать коммунистов, если компартия существует легально. Университеты в знак солидарности посылали петиции протеста, помогали уволенным. Верховный суд Калифорнии встал на сторону ученых, постановив восстановить их в должности. Эта история не забыта. В 1999 г. Калифорнийский университет провел симпозиум, посвященный 50-летию позорного события своего прошлого²⁷. Однако некоторые университеты (в Колорадо, Айдахо) предпочли конфронтации сотрудничество, согласившись на то, чтобы ФБР послало к ним своих агентов.

В феврале 1953 г. в комитете по антиамериканской деятельности начались слушания о «Коммунистическом проникновении в образование». От Гарвардского университета выступили 3 «дружественных» свидетеля, бывшие коммунисты (филологи Р. Дэвис, Г. Хикс и историк Д. Бурстин). Они входили в группу по изучению марксизма, преподавали его учителям, оказывали влияние на деятельность их профсоюза, но после подписания советско-германского пакта 1939 г. вышли из партии. Дэвис объяснил причину обращения к коммунистической идеологии экономическим кризисом 1930-х гг., когда в богатой стране появились безработные и голодные. Он хотел понять происходящее²⁸. Около года в работе группы участвовал молодой историк Дэниел Бурстин, увлекшийся марксизмом в Оксфордском университете. Он вступил в компартию во времена объединенного фронта, когда она поддержала либеральные и прогрессивные силы, выдвинув лозунг «Коммунизм — американизм XX в.». Компартия выступала против фашизма, антисемитизма, что ему как еврею импонировало. Бурстина интересовала материалистическая интерпретация истории, но постепенно он пришел к мысли о неприменимости марксизма к Америке и отказался от него. На слушаниях историк даже заявил, что коммунисты не должны преподавать в школах и университетах, поскольку интеллектуально не свободны²⁹.

Бывшим членам компартии, сотрудничавшим с комитетом, обычно задавали вопрос, чем они могут доказать свою нынешнюю оппозицию коммунистам. Ответ Бурстина — религиозной активностью и стремлением донести до студентов «уникальные ценности американской демократии», что он сделал в работе о Т. Джефферсоне, вызвав критику газеты «Daily Worker». Все три свидетеля назвали имена своих коллег, состоявших в компартии. И это был не единичный случай, так поступило более половины гарвардцев³⁰.

К этой марксистской группе принадлежал и «недружественный» свидетель — физик-теоретик профессор У. Фарри, работавший с Р. Оппенгеймером в Манхэттенском проекте, коммунист с почти десятилетним стажем, выданный однопартийцами. В комитете по антиамериканской деятельности он отказался отвечать на вопрос о членстве в компартии, заявив: «Я не хочу называть чье-либо имя... чтобы спасти свою шею»³¹. Поскольку Фарри был хорошим преподавателем, и за него хлопотали коллеги, в том числе его ученик, Нобелевский лауреат Э.М. Пёрселл, Гарвардский университет не уволил ученого, назначив ему трехлетний испытательный срок.

Но большинство отказников лишилось работы, подобно брату Оппенгеймера, Фрэнку, тоже физика, состоявшему, как и его жена, в 1937—1941 гг. в компартии. Он отрицал свое участие в шпионаже и не выдал товарищей, ведь они «порядочные люди и действовали из лучших побуждений», за что был исключен из университета Миннесоты. По данным Федерации американских ученых, к середине 1950-х гг. с проблемой лояльности столкнулось около 1 тыс. ученых³².

В 1950 г. правый журнал «Counterattack» опубликовал буклет «Красные каналы», составленный бывшими агентами ФБР и содержавший список деяте-

лей культуры — «красных фашистов и им симпатизирующих» (151 чел.). В него вошли писатели (А. Миллер, Д. Паркер, Л. Хеллман), музыканты (Л. Бернштейн, А. Копленд, П. Сигер), актеры (О. Уэллс)³³. В августе 1955 г. в комитете по антиамериканской деятельности прошли слушания о коммунистическом проникновении в шоу бизнес. Из 23 свидетелей 18 не пожелали с ним сотрудничать, сославшись на Пятую поправку к Конституции (право не свидетельствовать против себя)³⁴. Певец Пит Сигер отказался говорить о своих политических взглядах, считая их личным делом и «неуместным вопросом для любого американца». Когда же его спросили, выступал ли он на митингах компартии, ответил, что пел для людей разных политических убеждений. «Я горжусь, что никогда не отказывался петь для любой аудитории независимо от религии, цвета кожи или жизненной ситуации»³⁵.

Данте поместил предателей в девятый, последний, круг ада, ибо видел в предательстве друзей, единомышленников самое тяжкое преступление. Его не оправдывает даже ссылка на патриотизм, к которому порой прибегали свидетели, подобно Дмитрыку. Наваски привел мнение английского писателя Э.М. Форстера: «Если бы мне пришлось выбирать между предательством моей страны и предательством моего друга, полагаю, у меня хватило бы мужества предать мою страну»³⁶. «В Америке, — заметил бывший коммунист, режиссер Ф. Татл, — традиционно не любят информаторов»³⁷. Практику «называния имен» осудил Д. Эйзенхауэр, в ту пору президент Колумбийского университета.

Эта моральная проблема многим не позволяла стать доносителем. Каждый решал ее по-своему, прибегая порой к компромиссу. Одни перед посещением комитета советовались с друзьями, чтобы вместе решить, кого без последствий можно назвать. Сценарист Р. Коллинз, с 10-летним партийным стажем, знавший около 300 коммунистов, отобрал несколько имен: тех, кто умер; кто уже был назван и тех, кто вышел из партии. Но все-таки просчитался, поскольку осуждали даже бывших коммунистов, и оказался в ряду предателей.

Самое радикальное решение предложил А. Эйнштейн, склонявшийся к демократическому социализму. Свою позицию он изложил в письме нью-йоркскому учителю школы, опубликованном в «New York Times». Единственно правильный путь ученый видел в несотрудничестве в духе Ганди. «Каждый интеллеktуал, вызванный в комитеты, должен отказаться давать показания. Он должен быть готов к суду и экономическому разорению, пожертвовав своим личным благосостоянием в интересах культурного благосостояния своей страны... Для безупречного гражданина стыдно подчиняться такой инквизиции... она нарушает дух конституции. Если найдется достаточно людей, чтобы сделать столь серьезный шаг, они добьются успеха. Если нет, тогда интеллеktуалы этой страны не заслуживают ничего большего, чем рабство, которое им готовится»³⁸.

Немало свидетелей так и поступало, дорожа нравственными принципами и попадая в черные списки; их не пускали на радио и телевидение, не выдавали заграничные паспорта.

Лилян Хеллман ввела новую модель поведения — свидетельствовать только о себе. Перед посещением комитета в мае 1952 г. она обратилась с письмом к его главе Дж. С. Вуду, заявив, что готова отвечать на все вопросы о себе, но категорически отказывается говорить о других. «Для меня причинять вред невинным людям, которых я знаю много лет, бесчеловечно, непорядочно и бесчестно»³⁹. Если комитет не посчитается с ее предложением, предупредила она, ей придется прибегнуть к Пятой поправке к Конституции, что она и сделала.

Информатор М. Беркли в 1951 г. обвинил Хеллман в участии в марксистском кружке и собрании членов компартии, где присутствовали также писательница Д. Паркер с мужем и друг Хеллман Д. Хэммет, автор детективных романов и сценарист (по его сценарию снят знаменитый фильм «Мальтийский

сокол»). Хеллман твердо держалась своей позиции, отказавшись говорить как о своем членстве в компартии, так и о других, за что попала в черный список ⁴⁰. В 1947 г. она, уже известный драматург, лишилась выгодного контракта с компанией «Columbia Pictures», поскольку в нем был пункт о лояльности, посягнувший, по ее мнению, на свободу слова. От нее требовалось подтверждение, что она никогда не была членом коммунистической партии и не связана с радикальными и подрывными элементами. В воспоминаниях Хеллман писала, что увлекалась марксизмом, читала Маркса, Энгельса, Ленина, к тому же поддерживала отношения с коммунистом Хэмметом. Но, если для Хэммета вера в социализм стала главной, несмотря на неприемлемость некоторых положений марксизма, то у нее увлечение прошло ⁴¹.

Дэшил Хэммет, член компартии, в 1940-е гг. занялся политической деятельностью, возглавив в 1946 г. Конгресс гражданских прав, который оказал финансовую поддержку 11 лидерам компартии, осужденным по закону Смита. За отказ назвать имена спонсоров фонда (он их не знал, полагает Хеллман) Хэммета в 1951 г. приговорили к тюрьме. Он был занесен в черный список.

Когда А. Миллера в 1956 г. вызвали в комитет по антиамериканской деятельности, он пришел вместе с женой, М. Монро, и сразу предупредил его главу, что будет говорить только о себе, получив согласие. «Моя совесть не позволяет мне называть имя другого человека», — заметил он ⁴². Хотя к этому времени писатель уже сомневался в советском коммунизме, признав, что несвобода существует, как на Западе, так и на Востоке; он даже считал несчастьем, катастрофой приход компартии к власти в США. «Я верю в демократию. Я верю, что это единственный путь для меня и для каждого...» ⁴³ За неуважение к Конгрессу Миллера приговорили к 30 дням тюрьмы и штрафу в 500 долл., но апелляционный суд оправдал его, посчитав, что глава комитета нарушил данное им слово и ввел писателя в заблуждение. Все же Миллер попал в черный список и лишился загранпаспорта.

Однако предательство, как и его мотивация, бывало разным. Во время «холодной войны» оно порой становилось частью идеологической борьбы, причем тогда врагами оказывались даже родственники. Такова история немецких иммигрантов, сестры и двух братьев Эйслер, бежавших от фашизма в Америку. В 1920-е гг. они увлеклись коммунизмом. Инициатором была старшая сестра Рут, ставшая одним из лидеров КПГ. Она также участвовала в основании компартии Австрии. Но уже в 1926 г. вышла из КПГ, увидев, что Сталин превращает Коминтерн в «филиал русской секретной государственной полиции» с международными подразделениями во всех странах, а представителей зарубежных компартий — в агентов ГПУ, подобно агентам гестапо ⁴⁴. Рут перешла на позицию антисталинизма, в 1948 г. написала книгу «Сталин и немецкий коммунизм» и порвала отношения с братом Герхардом, сторонником советского режима.

6 февраля 1947 г. Рут Фишер (ее псевдоним) дала в комитете по антиамериканской деятельности показания против Герхарда, арестованного в США, назвав его «самым опасным террористом для американского и немецкого народов», так как он служит «тоталитарной партии», «сталинскому НКВД» и «террористической системе». Она обвинила его в доносах в ГПУ на многих эмигрантов, живших в СССР; считала, что из-за него был расстрелян немецкий коммунист Г. Эберлейн, что он также содействовал гибели своего друга Н. Бухарина ⁴⁵. Рут видела в брате идейного врага, участника репрессий в СССР и Китае, где тот проводил чистки несогласных с политикой Коминтерна. Эйслер был арестован, но выпущен под залог и бежал в ГДР. Второй ее брат, талантливый композитор Ханс Эйслер, автор марша Коминтерна, а позднее и гимна ГДР, признался, что был членом компартии. За него просили

деятели культуры (Ч. Чаплин, И. Стравинский, П. Пикассо, А. Эйнштейн, Т. Манн). Вместе с Брехтом он вынужден был уехать из США.

Можно ли назвать предателем немецкого коммуниста, физика-теоретика Клауса Фукса, восемь лет передававшего Советскому Союзу секретную информацию о производстве атомной бомбы? Участник Манхэттенского проекта, антифашист, он по идейным соображениям помогал СССР, видя опасность в атомной монополии США. Его материалы ускорили создание советской атомной бомбы. Приговоренный в Великобритании к 14 годам тюрьмы, Фукс отсидел девять лет и уехал в ГДР. Советский разведчик А. Феклисов, работавший с ним, назвал его и Ю. Розенберга героями. В 1992 г. академик Ю. Харитон, руководитель проекта по созданию атомной бомбы в СССР, признал, что первый советский атомный заряд был изготовлен по американскому образцу благодаря сведениям, полученным от Фукса ⁴⁶.

Супругов Розенберг долго называли невинными жертвами, поскольку их причастность к атомному шпионажу полностью не была доказана. Но секретная переписка советских спецслужб 1940-х гг., расшифрованная по проекту «Венона», показала действие в Америке широкой шпионской сети, в которой участвовали коммунисты, в том числе Фукс и Розенберг ⁴⁷, что и вызвало антикоммунистическую кампанию в стране.

Юлиус Розенберг, тоже по убеждению помогавший СССР во время войны, не выдавал секрета атомной бомбы, он был вербовщиком и курьером, организатором группы, которая поставляла информацию о новейших военных технологиях, в частности, о радарх, за что по закону не приговаривают к смерти, поскольку эти сведения получал союзник США в войне.

Предал Розенбергов родной брат Этель, Дэвид Грингласс, механик в Лос-Аламосе, добывавший материалы по атомной бомбе. Он сразу начал сотрудничать со следствием, став главным свидетелем. Через пятьдесят лет признался, что лгал и оклеветал сестру, чтобы облегчить приговор для себя и избавить от тюрьмы жену, хотя она входила в группу Розенберга и передавала ему от мужа документы, оказавшиеся, по мнению физиков, малозначащими. Журналист С. Робертс, взявший у него интервью, написал о нем книгу, отметив низкий уровень морали у Грингласса ⁴⁸.

Розенбергов казнили не за атомный шпионаж, в чем обвиняли, а за отказ от сотрудничества со следствием — Юлиус не выдал членов своей группы, Этель не захотела уговорить мужа. Даже под угрозой смерти они не назвали имена друзей, предпочтя погибнуть, оставив сиротами двух сыновей. Их казнь была единственной во времена маккартизма.

Тесную связь американской компартии с Советским Союзом, который ее финансировал, подтвердили опубликованные в 1990-е гг. документы из архива Коминтерна ⁴⁹. Теперь очевидно, что упреки в адрес коммунистов и компартии США имели серьезные основания. Она действительно была не обычной политической партией, а скорее агентом иностранного государства, «подрывной» организацией. Значительную часть среди коммунистов и советских агентов составляли российские иммигранты или их дети. Но большинство членов партии не занималось шпионажем, верило в коммунистическую утопию и справедливое советское общество. С началом холодной войны и изменением политического курса эти идеалисты сразу превратились во врагов, мишень для преследования в развернувшейся антикоммунистической кампании.

Нелегко пришлось попавшим в черный список. Многие актеры навсегда ушли из профессии, кто-то уехал в Европу. Один из них с горечью заметил: «Я человек с тысячью лиц, но все они в черном списке». Некоторые писатели, чтобы продолжить работу, воспользовались псевдонимом или фамилией друзей, как это сделал Д. Трамбо, один из самых талантливых в голливудской

десятке и самый высокооплачиваемый в Голливуде (в 1947 г. он получал гонорар 3 тыс. долл. в неделю)⁵⁰. Позднее он признался, что был членом компартии в 1943—1948 годах. Два его сценария получили премию Оскар, хотя в титрах его имя не значилось: в «Римских каникулах». 1953, стояла фамилия англичанина Ф.М. Хантера, а в фильме «Отважный». 1956, — его псевдоним Роберт Рич. Лишь в 1993 г. Трамбо посмертно был награжден Оскаром за «Римские каникулы».

Под сценарием фильма «Сломанная стрела» А. Мальца, отмеченного в 1951 г. премией Гильдии писателей Америки как лучший американский вестерн, поставлено чужое имя. Авторство Мальца тоже признано посмертно — в 1991 году. В другом фильме — «Плащаница». 1953 — его фамилию вообще не указали. Сценарист и продюсер Карл Формэн, автор сценария вестерна «Ровно в полдень» (High Noon), любимого многими американскими президентами (Эйзенхауэром, Рейганом, Клинтонем), за отказ выдать товарищей по компартии был занесен в черный список и уехал в Англию. Премию Оскар за сценарий фильма «Мост через реку Квай», написанный им в соавторстве с М. Уилсоном, тоже вошедшим в черный список, получил французский писатель Пьер Буль, по роману которого сделана картина, хотя он даже не говорил на английском языке. Только в 1984 г. после смерти Формэна были добавлены имена авторов.

Известный писатель и сценарист М. Лэмплл рассказал на своем примере о судьбе человека, попавшего в черный список. Он прославился стихами к кантате о смерти Линкольна «Одинокий поезд». 1942, которую часто исполняли в школах. К 1950 г. был успешным автором поэм, коротких рассказов, романа; ему поступала масса предложений. Но в одночасье все кончилось, перестали звонить продюсеры. Через три месяца его агент шепотом сообщила: «Вы в списке», хотя списка не видела, и ей никто о нем не говорил, а Лэмпллу не было предъявлено обвинение. Знакомый продюсер признался: «Я представил тебя для шоу, но мне сказали, чтобы я не имел с тобой дела». Он попросил никому не передавать свои слова, так как он все равно от них откажется⁵¹. В 1952 г. Лэмплл был вызван в сенатский комитет по внутренней безопасности Маккарэна, но не стал отвечать на вопрос о членстве в компартии, сославшись на Пятую поправку к Конституции. Его имя было запрещено упоминать, знакомые переходили на другую сторону улицы, чтобы с ним не встречаться. Его доход упал с пятизначной цифры до 2 тыс. долл. в год; пришлось продать машину, помогали друзья. Чтобы прошел сценарий, использовал псевдоним (у него их было четыре), подумывал вернуться на красильную фабрику, где работал в юности. Дневник 1950—1964 гг. он назвал по Достоевскому «Заметки из подполья».

Получая в 1966 г. приз Эмми за сценарий драмы «Орел в клетке», Лэмплл к собственному удивлению произнес: «Думаю, мне следует сказать, что я десять лет был в черном списке». Когда его спросили, зачем он это сказал, ответил словами Сантаяны: «Те, кто не помнит прошлое, осуждены его повторить»⁵².

Одни в поисках работы уехали в Европу, но успешных, подобно Дассину, начавших новую жизнь, немного. Х. Биберман и П. Джеррико с большими трудностями сняли в 1954 г. малобюджетный фильм «Соль земли» о забастовке горняков. Бедствовали не только кинематографисты, но и ученые. Сотрудник Р. Оппенгеймера, физик Дж. Ломаниц, на 10 лет остался без научной работы и жил в хижине около Оклахома-сити. Фрэнк Оппенгеймер, изгнанный из университета, стал фермером. Сам Р. Оппенгеймер, руководитель Манхэттенского проекта, после слушаний в 1954 г. в Комиссии по атомной энергии, хотя и не обнаружившей доказательств его шпионажа, был отстранен от секретных исследований за связь с коммунистами в 1930-е гг. и отказ выдавать их имена. Новейшие материалы показали невиновность Оппенгеймера, не связанного с советскими спецслужбами⁵³.

Точных сведений о жертвах маккартизма нет. Э. Шрекер считает, что около 200 чел. попало в тюрьму, десять покончили с собой из-за невозможности устроиться на работу, но пострадали сотни тысяч человек (коммунисты, бывшие коммунисты, попутчики и либералы)⁵⁴. Конечно, масштаб несравним со сталинскими репрессиями, однако для Америки с ее либеральными традициями это тяжелое испытание. Даже перебежчик Чемберс, бывший коммунист и советский агент, выдавший членов коммунистического подполья, в том числе своего друга Э. Хисса, не раз помогавшего ему, написал приятелю: «Мы живем в терроре»⁵⁵.

Но и предателям жилось не слишком сладко. Они попали в другой — неписанный черный список, подвергаясь остракизму в своей среде и страдая от неуважения и потери собственного достоинства. Шлейф прошлого тянулся за ними до конца жизни. Сценарист Р. Коллинз, автор сценария фильма «Песнь о России», называл себя «сукиным сыном, презренным ублюдком». После выступления в качестве «дружественного» свидетеля он разошелся с женой, которая не захотела стать информатором. Врач однажды отказался лечить его сына, заявив: «Вы — доносчик»⁵⁶. Измена не принесла благ и актеру Парксу, ставшему изгоем, его перестали приглашать сниматься.

Режиссер Э. Казан признался, что страдал от своего поступка. В 1954 г. вместе с Б. Шульбергом он снял фильм «В порту» — своеобразный художественный ответ на драму Миллера «Суровое испытание», где попытался показать сложность и неоднозначность жизни и то, что предательство может обернуться благом для людей. Однако он не смог переломить осуждения за то, что его слабость разрушила судьбы коллег.

Выступая в 1970 г. при вручении ему высшей награды Гильдии сценаристов (Laurel Award), Д. Трамбо сказал: «Бесполезно искать злодеев или героев, святых или дьяволов; их не было, были только жертвы»⁵⁷. Атмосфера маккартизма поощряла дурные качества в человеке, став «суровым испытанием». Однако прав Эйнштейн, призывавший сохранять честь и достоинство даже в тяжелые времена.

Примечания

1. TRUMAN H.S. Executive Order No. 9835. 21.III.1947. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=75524>
2. См.: SCHRECKER E. No Ivory Tower: McCarthyism and the Universities. N.Y. 1986; EJUSD. Many are the Crimes: McCarthyism in America. Boston. 1998.
3. WEINRAUB B. Amid Protests, Elia Kazan Receives His Oscar. — New York Times. 22.III.1999; ROTHSTEIN M. Elia Kazan, Influential Director, Dies at 94. — New York Times. 26.IX.2003.
4. NAVASKY V.S. Naming Names. Middlesex, England. N.Y. 1982, p. 20; CAUTE D. The Great Fear: The Anti-Communism Purge Under Truman and Eisenhower. N.Y. 1978, p. 15.
5. Thirty Years of Treason: Excerpts from Hearings before the House Committee on Un-American Activities, 1938—1968. N.Y. 1971, p. 25.
6. KLEHR H. The Heyday of American Communism: The Depression Decade. N.Y. 1984, p. 164; CAUTE D. Op. cit., p. 487.
7. BENTLEY E. Op. cit., p. 113.
8. Ibid., p. 116.
9. Ibid., p. 121—122, 128.
10. Ibid., p. 146.
11. Цит. по: BESSIE A. Inquisition in Eden. N.Y. 1965, p. 222.
12. BENTLEY E. Op. cit., p. 157, 187.
13. LAWSON V. United States, 176 F.2d 49 (D.C. Cir. 1949), p. 53. <https://www.casetext.com/case/lawson-v-united-states-12>.

14. SCHRECKER E. Many are the Crimes: McCarthyism in America, p. 330.
15. BOGART H. I'm No Communist. — Photoplay. March 1948: https://docs.google.com/document/pub?id=1khEGRvkO_nTSne4jDqCdtJ9aCXcPjhQaxVMExAVE_pk.
16. BENTLEY E. Op. cit., p. 294.
17. Ibid., p. 308.
18. Ibid., p. 317—19, 333.
19. NAVASKY V.S. Op. cit., p. XII.
20. CAUTE D. Op. cit., p. 504; NAVASKY V.S. Op. cit., p. 317.
21. BENTLEY E. Op. cit., p. 385—386.
22. Ibid. p. 404—405.
23. Ibid., p. 436—439, 446—447.
24. Ibid., p. 483—484.
25. NAVASKY V.S. Op. cit., p. 200.
26. SCHRECKER E.W. No Ivory Tower: McCarthyism and the Universities, p. 113—120.
27. Ibid., p. 117—124.
28. BENTLEY E. Op. cit., p. 580—581.
29. Ibid., p. 608—610.
30. SCHRECKER E.W. No Ivory Tower. p. 194.
31. Ibid., p. 197.
32. GOODMAN W. The Committee: The Extraordinary Career of the House Committee on Un-American Activities. London. 1969, p. 276—277; CAUTE D. Op. cit., p. 461, 472.
33. Red Channels: The Report of Communist Influence in Radio and Television. Counterattack. N.Y.1950.
34. BENTLEY E. Op. cit., p. 683.
35. Congress, House, Committee on Un-American Activities, Investigation of Communist Activities, New York Area (Entertainment): Hearings, 84-th Congress, August 18. 1955: <http://historymatters.gmu.edu/d/6457>.
36. Цит. по: NAVASKY V.S. Op. cit., p. IX.
37. BENTLEY E. Op. cit., p. 576.
38. EINSTEIN A. Letter to William Frauenglass. — New York Times. 12.VI.1953.
39. HELLMAN L. I Cannot and Will Not Cut My Conscience to Fit This Year's Fashions. Letter to HUAC, May 19, 1952: <http://historymatters.gmu.edu/d/6454/>.
40. BENTLEY E. Op. cit., p. 538—539
41. HELLMAN L. An Unfinished Woman. London. 1969; BENTLEY E. Op. cit., p. 542.
42. BENTLEY E. Op. cit., p. 822.
43. Ibid., p. 824.
44. Ibid., p. 67, 69.
45. Ibid., p. 61—62.
46. ФЕКЛИСОВ А. Признание разведчика. М. 1999, с. 224, 271, 344; ХАРИТОН Ю.Б. Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно? — Известия. 8.XII.1992.
47. VENONA. http://www.nsa.gov/public_info/declass/venona/index.shtml.
48. RADOSH R., MILTON J. The Rosenberg File: A Search for the Truth. N.Y. 1984, p. 433—442; ROBERTS S. The Brother: The Untold Story of Atomic Spy David Greenglass and How He Sent His Sister, Ethel Rosenberg, to the Electric Chair. Random House. 2001.
49. KLEHR H., HAYNES J.E., FIRSOV F.I. The Secret World of American Communism. New Haven-London. 1995; KLEHR H., HAYNES J.E., ANDERSON K.M. The Soviet World of American Communism. New Haven-London. 1998.
50. Part of Our Time, Too. Dalton Trumbo and Murray Kempton. <http://www.thenation.com/article/part-our-time-too>.
51. LAMPELL M. I Think I Ought to Mention I was Blacklisted. —The New York Times. 21.VIII. 1966.
52. Ibidem.
53. HAYNES J.E., KLEHR H. Alexander Vassiliev's Notebooks and the Documentation of Soviet Intelligence Activities in the United States during the Stalin Era. — Journal of Cold War Studies. Vol. 11. 2009, N 3, Summer, p. 14.
54. SCHRECKER E. Many are the Crimes, p. 361.
55. OSHINSKY D. In the Heart of the Heart of Conspiracy. — New York Times. 27.I.2008.
56. NAVASKY V.S. Op. cit., p. 230, 374. Его история легла в основу фильма «Виновен по подозрению». 1991.
57. Part of Our Time, Too. Dalton Trumbo and Murray Kempton.

Экзархат Русской православной церкви в США во время второй мировой войны

О.В. Терёшина

Аннотация. Целью исследования является анализ и историческая интерпретация документов конца 1930—1940-х гг. из архива Православной церкви в США, оценка на их основе событий войны и религиозной жизни в СССР, поведения экзархата и выявление линии международной деятельности патриархата Москвы. Взгляд на жизнь РПЦ разнился у зарубежных церковников от одобрительного до очерняющего, зависел от уровня образованности и наблюдательности каждого и побуждал либо к единению с Московским патриархатом, либо вызывал страх такой перспективы.

Ключевые слова: Северо-Американская Митрополия, подчинение Московскому патриархату, филантропы.

Abstract. The aim of the study is the analysis and interpretation of historical documents of 1930—1940's from the archives of the Orthodox Church in the USA, the assessment of the events of the war and the religious life in the USSR, the behavior of the Exarchate and the identification of the international activities of the Patriarchate of Moscow. Look at the life of the ROC differed from foreign churchmen from approval to libelous, depended on the level of education and observation, and was motivated or unity with the Moscow Patriarchate, or the fear of such a prospect.

Key words: North American Metropolitanate, the subordination to the Moscow Patriarchate, the philanthropists.

Изучение истории Поместных православных церквей начала XX в., расположенных за пределами России, затруднено сложностью доступа к архивным материалам за границей¹. В то же время, их положение накануне второй мировой войны, планы на будущее, варианты преобразований в конце 1930-х — начале 1940 г. являются образцом и точкой опоры для современных церковных престолов. Документы из американских архивов позволяют более адекватно оценить место и роль РПЦ в советской действительности, а ее экзархатов в — международной жизни. Современная историография (О.Ю. Васильева, А.В. Вишиванюк, И. Власовский, И.Н. Гридина, А.Е. Лысенко, Т. Миненко, М.И. Одинцов, А.И. Перелыгин, М.В. Шкаровский, В.Н. Якунин) посвящена интерпретации событий на территории бывшего СССР (в первую очередь России,

---

Терёшина Ольга Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного социального университета. E-mail: starushkja@rambler.ru.

Tereshina Olga V. — PhD of the history, associate professor of the Russian State Social University. E-mail: starushkja@rambler.ru.

Украины, Белоруссии) и в минимальной степени — другим православным престолом периода второй мировой войны.

После Октябрьской революции 1917 г. отношения православной церкви в Америке (Нью-Йорк) с Московским патриархатом оказались затруднены. С 1920-х гг. епархия была известна как «Северо-Американский Митрополичий округ» или «Северо-Американская Митрополия». 19 декабря 1927 г. на заседании «Синода епископов американских диоцезий Русской Православной Церкви» была издана грамота об учреждении «независимой автономной и автокефальной» Американской церкви. В 1935 г. новый глава Митрополии митрополит Феофил подписал «Временное Положение о Русской Православной Церкви за границей», согласно которому она вошла в подчинение Архиерейскому Синоду Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) г. Белграда. Московский патриарший местоблюститель Сергей (Старгородский) 5 января 1935 г. наложил запрещение на Феофила за самочинство, но тот не только отверг его, но и на 6-м Всеамериканском Соборе 5—8 октября 1937 г. настоял на принятии «Временного положения».

Документы из архива Православной церкви в США показывают общую точку зрения на войну в Европе заокеанских православных церковников. В августе 1941 г. митрополия не воспринимала войну как мировую и определяла ее как «война в России», которая «вышла из узких рамок партийных и политических интересов и приняла национальный характер»². Плankу вооруженной борьбы подняли до внутригосударственного масштаба, но не придали ей глобального характера. С осени 1941 г. митрополита Феофила просили дать оценку военным действиям и высказаться, кого он поддерживает. Обращалась к нему и просоветская интеллигенция, и поклонники культуры «с сыновней просьбой поднять свой авторитетный голос на защиту нашей родины». Феофил колебался, не зная, как поступить: стоит ли просто «благословить дело... жертвенной помощи отсюда, из далекой Америки»³. Кроме того, ему следовало внести ясность в позицию экзархата, не претендуя на очевидную перспективу организации благотворительности.

Хотели определенности и сторонники противоположной политической позиции. Русский национальный союз в Америке желал антисоветской активности и просил митрополита в июле 1939 г., «чтобы моления о спасении России и освобождения ее от власти большевиков-безбожников совершались бы каждое воскресенье». В ответе Феофила — «необходимость и долг требуют этого»⁴ — раскрывается его антикоммунистическая позиция и становится понятно, почему требовались многочисленные обращения о благословении гуманитарной помощи СССР.

Феофил разрывался между собственными политическими предпочтениями и необходимостью подчиняться Московскому патриархату, который с началом войны высказался недвусмысленно: мы со своей паствой, и «Господь да дарует нам победу»⁵. Это было причиной затягивания выражения четкой позиции главы экзархата. Реакция на начало Великой Отечественной войны последовала с опозданием и была неоднозначной. В ежемесячном «Русско-Американском православном вестнике» за октябрь 1941 г. (вооруженные действия на территории СССР шли уже 4 месяца) послание Архиерейского Собора констатировало: «... скорбь и тяжелая мука объемлют сердца наши в виду великих потрясений, бед и страданий, в бездну которых повержена... отчизна и... русский народ». Говорилось о том, что беды объединили и нашли «внутренних врагов, которые... держат нашу отчизну в узах великих религиозных гонений» и «внешних врагов... занявших уже значительную часть русской территории». Великая Отечественная война представлялась как «праведный суд Божий над нашим народом... вразумляющий его за нравственное падение и духовное расслабление»,

поэтому советские люди должны искать причины «социально-политических бед и невзгод... в забытии Бога»⁶. Прямого лозунга к свержению советской власти не выдвигалось, однако в завуалированном варианте («в грязные волны жизни... надобно влить... светлые струи христовой любви»⁷) можно прочитать желание освобождения от принципиально атеистического государственного строя.

В 1943 г., избегая прямого выражения антисоветской позиции, североамериканских церковников призывали: «Поможем России — ускорим победу»⁸. Лозунг выдвигался в письме «Чикагского комитета помощи русским в войне» епископу экзархата и подразумевал, что помощь СССР — это способ приблизить победу США.

В 1945 г. архипастырей прямо обвиняли в ханжестве и лицемерии. Так, редакторы русскоязычной газеты «Русский голос» осуждали епископат в Северной Америке как самоизолировавшийся во время военных действий в Европе, а после их окончания пытавшийся примкнуть к победителю. Статья в выпуске от 20.07.1945 была реакцией на послание большого собора епископов, которые «после того, как вооруженные силы немецкого фашизма и его союзников разгромлены... наконец собрались сказать своей пастве, что в Европе восторжествовала правда»⁹. Епископат обвинялся в инертности («где были сии архипастыри, когда на полях их родины... шла борьба... за правду»), в предательском молчании («ни разу не возвысили своего голоса против неслыханных злодейств, которые творили немцы»¹⁰), в преступно-неадекватном поведении («молились за Анастасия, служившего Гитлеру»¹¹). Обвинения в лицемерии иллюстрировались расхождением у экзархата слов и действий: утверждая, что «смирненные архипастыри против внесения политики в церковь», Феофил в то же время «дает... благословение... на издание антисоветского журнала»¹² и служит панихиду по Капелле¹³.

Общую точку зрения на боевые действия демонстрирует рапорт архимандрита Аляскинского Феодосия за июль 1942 г., который являлся кратким отчетом о событиях войны на островах Прибылова (входят в штат Аляска). Первое, чего не хватало — это информации и организации: «9 месяцев мы не имели почты», «56 мешков для Святого Павла (самый крупный остров. — *О.В.*) еще не получены» и «с самого отъезда владыки Алексия... Алеутская и Аляскинская епархия оказалась... никем не управляемой». Второе — это сложности вывоза жителей островов. «Военными властями было отдано распоряжение о немедленной эвакуации всех», «в пустующих зданиях золотых приисков... жители размещены совместно в бараках»¹⁴. Священники не просили помощи, понимая, что и другим не легче.

За сухими словами отчета скрывалась человеческая боль, жажда сострадания и немощь. Одновременно, в столь критической ситуации священники помнили о своем профессиональном призвании. «Из церковного имущества взято самое необходимое,... чтобы... в любом месте... совершать... богослужения», «было отдано распоряжение... священнослужителей везти до Сиаттля, но... наши прихожане просили..., и сами... не можем мы покинуть наших паств», «в сараях мы устроили походные церкви». На первое место выдвигался пастырский долг и отрицалась социальная дискриминация: «архимандрит Феодосий питается совместно с его прихожанами в столовой»¹⁵. Рапорт выслали митрополиту Феофилу и в Пенсильванию епископу Алексию. Документ демонстрирует материальные, организационные, этические трудности войны.

Анализ документов конца 1930-х — 1940-х гг. из архива Православной церкви в США доказывает понимание церковной ситуации в СССР. Взгляд на жизнь РПЦ разнился у представителей экзархата от одобрительного до негативного, но адекватного реальности.

Так, архиепископ Маннинг, благословляя в переполненном Соборе Св. Иоанна Богослова в Нью-Йорке теплую одежду для благотворительно-

сти, выражал «чувство глубокой симпатии нашему тесному духовному общению с РПЦ... она... оказала сильную поддержку русской армии и народу в священной обороне своего отечества». Идея борьбы церкви вместе со своим народом традиционна, а вот то, что термин «духовное общение» появился в печати лишь в 1944 г., при этом с употреблением слова «русский» — это показатель неверного понимания отношений между советским государством и РПЦ. «Сталин проявил... свою благодарность русской церкви... и мы с радостью наблюдаем... взаимопонимание и единение между русским правительством и религией»¹⁶. Столь откровенно неверная трактовка церковной политики в Советской России была возможна только при взгляде с другого континента, под воздействием международной пропаганды 1944 года.

Современные историки порой оценивают советскую религиозную жизнь 1940-х гг. с тех же позиций, но пытаются адекватнее трактовать события, избегать эмоциональности и чрезмерности. Так, в публикации «Крестный путь православной церкви» в «Русско-американском православном вестнике» присоединенных к СССР в 1939—1941 гг. западных земель было представлено в очерняющих красках. Статья являлась перепечаткой «сообщения... о положении Святой Почаевской лавры под большевистской властью» из издававшейся в Китае русской газеты, которая... брала «сведения... из Варшавы». В публикации говорилось: «В первые дни после прихода большевистских войск на Вольны и в Полесье, многие местные жители стремились видеть в них... освободителей от польского гнета... иллюзии продолжались крайне недолго». Быстрое разочарование было вызвано, в том числе и атеизмом: «сама власть... остается активно безбожной и неуклонно стремится... к уничтожению церкви Христовой». Как признают современные историки, тогда безбожие не спешили демонстрировать, так как по социальному составу и историческому опыту Западная Украина сильно отличалась от других частей СССР. «Принялись натравливать на церковь..., орудовать... руками худшей части населения»¹⁷, то есть организовывать «самосуды», убийства священников и грабеж.

Современные российские историки признают, как и авторы 1941 г., активное хозяйственное ущемление церкви. У Св. Почаевской Лавры «были отобраны земли,... отнят урожай и запасы продуктов. Затем приступили к изъятию лошадей, скота..., оказались отнятыми все здания», «священники... обложены большими налогами», «церкви, кроме того, обложены отдельно», «метрические книги взяли», «крестные ходы везде запретили». Признают «сочувственное отношение громадного большинства... населения», провальность попыток запретить акафист и снять крест с колокольни, украсив ее звездой¹⁸.

В 1941 г. наблюдатели из Америки чрезмерно ярко преподносили героизм и страдания священников. Выделяли тех, кто, «не имея, откуда заплатить налог, оставили приходы, но сана не сняли». Приводили слова, якобы сказанные местоблюстителем Сергием: «живой церкви... в России уже больше нет, сект много... во всей стране имеется только 80 церквей». Американский автор преподносил явный нонсенс: «нелегальные священники,... служат в частных домах», «люди сами молятся, собираясь вместе друг у друга», «некоторые сами крестят своих детей»¹⁹. Преувеличение действительно бывшей в Советском Союзе в 1930-х — 1940-х гг. церковной катастрофы налицо.

Присутствовал и антисемитизм. Утверждалось, что «важную роль в образовании новой власти сыграли евреи... заняли все первые места,... наступило время еврейского засилья»²⁰.

Зарубежные православные общины хотели автономности, и это желание исходило из понимания существовавшей в СССР ситуации государственно-церковных взаимоотношений. В сентябре 1943 г., уже после встречи местоблестителя московского патриаршего престола Сергия со Сталиным (4 сентября

1943 г.), настоятель русской православной общины в Лондоне обратился к архиепископу Кентерберийскому. Настоятель боялся перемен, боялся распространения за границу порядка подчинения РПЦ атеистической власти, копирования советского статуса церкви в Великобритании. Он гордился тем, что русская православная община в Лондоне «была совершенно независима от Московского церковного управления, имея свое собственное», и не желал изменений. До начала войны Лондонский приход имел епархиальное управление в Париже, а центральное — в Югославии. С утратой этими странами независимости, «приход принят в епархию... Виталия, архиепископа Восточно-Американского»²¹.

Настоятель писал: «в отношениях советской власти к церковному управлению» «по существу не происходит ничего нового». Автор письма утверждал и то, что ВКП(б) для «достижения своих целей... в своей теории и практике допускает отступления». Настоятель Лондонского прихода называл причины отступления партии на идеологическом фронте: «лишить силы пропаганду противника», «улучшить отношения с союзниками и... вызвать к себе доверие... верующих масс»²². Современные историки признают, что идеология в СССР была неизменна, уступки РПЦ не являлись кардинальными и были вызваны рационализмом партийного руководства, стремящегося получить как можно больше как на внутреннем политическом и социальном «рынке», так и на международной арене.

Еще адекватнее было понимание церковной ситуации в СССР в 1940-х гг. протопресвитером Александром Кукулевским²³. Он принимал участие в разработке «Временного положения» об управлении Северо-Американским Митрополицией Округом в 1937 г., а в апреле 1945 г. состоял советником при Митрополицией Совете. В поисках условий взаимоотношений Московской патриархии и экзархата в США Кукулевский отталкивался от собственного понимания советской церковной жизни. Она же существовала в двух кардинально разнящихся ипостасях: для заграничных православных престолов и для грамотной церковной интеллигенции. Образованный послушник отмечал активную работу советской пропаганды, «если епископ [после визита в СССР]... говорит публично о том, что в России ПОЛНАЯ свобода церкви» и «нечего нам бояться». Кукулевский фиксировал мифологизацию прибывающих из-за рубежа и пропаганду подчинения Московскому патриархату без его четкого предоставления и обсуждения. «Во всех газетах... толкуют о предстоящем Соборе», в то время как «официально текст условий еще не опубликован». «Молчание, отсутствие обсуждения,... уменьшает наши шансы на разумное решение трудной задачи»²⁴. Под последней понималось подчинение Москве. Что хотели в американской православной церкви? Оригинальности и автономности, по возможности без политической агитации.

В 1943 г. клирикам и мирянам Митрополичьего Округа стало известно об избрании бывшего местоблюстителя Сергия патриархом. В связи с этим митрополиту Феофилу пришлось дать указание поминать главу РПЦ во всех храмах. 2 февраля 1945 г. в Москве был созван Поместный Собор для избрания преемника скончавшегося патриарха Сергия. Митрополит Феофил, побуждаемый настроениями паствы на объединение, послал для участия в мероприятии своих представителей. Они прибыли в Москву уже после окончания Собора, но сам их приезд говорил о желании примирения. Делегация должна была оговорить условия вхождения в состав РПЦ. Результаты визита обсуждались на Митрополичьем Совете, о чем 2 апреля 1945 г. писал митрополиту Феофилу его приверженец Кукулевский. Последний называл визит в СССР «поездкой в Каноссу... виноват, в Москву»²⁵. «Хождением в Каноссу» обозначают акт покорности/покаяния, часто вынужденного (в память об эпизоде из истории Ев-

ропы XI в.). Условия вхождения в РПЦ («согласие на заявление лояльности Советам и отказа наносить им вред пропагандой»²⁶) были определены фразеологизмом. Кукулевский был категорически против Москвы и активного ретуширования церковной советской реальности для зарубежной арены. Он отмечал, что «даже наверху стоящие не все понимают того, что предстоит... с признанием подчиненности не патриархии, а той власти, которая взяла в свои руки руководство ею»²⁷.

Московский патриархат активно продвигал свою линию, и уже осенью 1945 г. в США был отправлен архиепископ Ярославский и Ростовский Алексий. Как следует из переписки архиепископа Сан-Францисского Феофила²⁸ и архиепископа Чикагского и Миннеаполисского Леонтия, представитель РПЦ предложил обсудить «восстановление молитвенного и административного общения... с Церковью в России». Все контакты осуществлялись при большом количестве бюрократических преград и посредников: «комиссия для деловых переговоров», «комиссия для встречи высокопреосвященнейшего архиепископа Алексия», «юрисконсульт... и секретарь архиепископа Алексия», протоирей Иоанн Телера²⁹. Это было вызвано щепетильностью вопроса об административной субординации с Московской патриархией ввиду советской атеистической идеологии и длительности разрыва отношений. Гость из Москвы прямо поставил вопрос о беспрекословном подчинении:

«Признание главой Русской православной церкви в Америке патриарха Московского и Всея Руси Алексия;

прекращение... общения... с председателем Заграничного Синода Анастасием... ; созыв Всеамериканского церковного Собора с представлением председательствования в нем архиепископу Ярославскому и Ростовскому Алексию»³⁰.

Феофил явно боялся такого будущего, но предпочел ответственность за все судьбоносные решения разложить на всех, кто будет присутствовать на соборе 5 декабря 1945 года. Уже через 10 дней архиепископ Чикагский и Миннеаполисский Леонтий дал четкие ответы на все требования московского гостя. Этого митрополит Феофил и ждал — узнать мнение других высших церковников, найти поддержку и продвинуть собственную точку зрения. Согласно Леонтию, пункт 1(а) — «это как лопатой в открытую дверь»: в том, что «московский патриарх есть глава РПЦ в Америке... покамест сомнений... не выражалось». Пункт 2(б) «не обусловлен ничем и нарушает принцип христианской братской любви». Леонтий, представитель высшего американского епископата, отказываться от общения с другими заграничными архиереями не желал. Он стремился не примешивать политику к церковным делам, но в то же время не хотел быть полностью лишенным самостоятельности. Пункт 3(в) — о всеамериканском соборе — вызвал также отрицательную реакцию: «отсутствие надобности в незамедлительном его созыве» и «не может быть речи, согласно канонам церковным об ином председателе на нем, кроме... преосвященства (митрополита Феофила. — *О.В.*)»³¹. Архиерей Леонтий был за исключительный приоритет права, а не за грубое вмешательство и подчинение Москве.

Во время войны в контактах с Московским патриархатом могли преобладать осторожность и целенаправленное дистанцирование. Так, архиепископ Кентерберийский отвечал на письмо русской православной общины: «понимаю общее положение вещей», поэтому буду «осторожным в моих действиях и словах», и «будем очень бдительны, дабы как-нибудь не нанести ущерба русской православной церкви в Лондоне». Он предпочитал держаться в стороне, не хотел принимать никаких обязательств и лишь выражал почтение и признание заслуг главы РПЦ: «всегда относились с уважением к главе русской церкви митрополиту Сергию... но во внутренние дела и распоряжения митрополита... не вмешивались»³². Таким образом, декларировались нейтралитет и позиция

стороннего наблюдателя за государственно-церковными отношениями в СССР. Другие иерархи старались уклониться от помощи Московскому патриархату.

Основную массу бумаг конца 1930—1940-х гг. из архива Православной церкви в США занимает документация Благотворительного комитета. Из исторических источников можно выявить его состав, направления деятельности, попытки поставить вопрос жертвенности под контроль, пресечь злоупотребления, улучшить ситуацию.

Согласно «Положению о Благотворительном комитете»³³ от 5 июня 1941 г. данная организация была утверждена при церковном управлении Северо-Американского митрополичьего округа 20 февраля 1941 года. Благотворительность не привязывалась к началу Великой Отечественной Войны и воспринималась как основная функция церкви в любое время и на любой территории.

Само «Положение...» состояло из трех частей: цели, состав, функции. Первой целью провозглашалось «руководство всей церковной благотворительностью... в Северной Америке», но, как следовало из последующих пунктов, главным было отслеживание перемещения денег. Предполагался контроль над финансовыми инициативами: «выдача официальных бумаг, воззваний и оповещений... одобряющих или же неодобряющих и воспрещающих все сборы». Благотворительному комитету полагалось проводить мониторинг бюджета и выявлять, кто и сколько пожертвовал. Так, комитет нацеливали на «составление полного и точного реестра всех сборов... с установлением статистических сведений и данных: а) о всех суммах жертв... б) о всех жертвователях... в) о лицах, обществах и организациях, собирающих таковые жертвы... в Северной Америке». Обратим внимание на последний пункт — церковь хотела отслеживать благотворительные организации, действовавшие параллельно с ней, и возможно, наладить с ними контакт или вытеснить. В пользу последней догадки говорят прописанные в «Положении...» цели: «подчинение церковному ведению и контролю всех сборов на благотворительные нужды и всех лиц... с требованием... полной и точной отчетности всех сумм» и «пресечение всех самовольных сборов»³⁴.

Состав Благотворительного комитета был небольшой: председатель (Михаил Дзяма), вице-председатель (А.Е. Бессмертный), казначей (протоирей Иосиф Пиштей), а также два вспомогательных лица (почетный председатель — епископ Бруклинский Макарий и секретарь — Н. Козлов, впоследствии Т.Ф. Грабилин). Последние должности были нужны для поднятия авторитета и ведения делопроизводства. Работать в Благотворительном комитете не являлось престижным, собирать деньги в ситуации экономических сложностей военного времени было трудно. Настоящих филантропов, не ждущих благодарности за свои дела, даже среди церковников было немного. И вот, в июне 1943 г. секретарь Грабилин известил остальных: «поступил на летние... курсы» и «не смогу быть полезным в Благотворительном комитете»³⁵. Делопроизводитель не уточнял, что это за курсы, не искал себе замены, а просто ставил в известность руководство, причем не лично, а в письменном виде.

Третья часть «Положения...» отображала функции Благотворительного комитета: искать жертвователей, проводить их оценку, а главное, распределять собранное (организация «обращается с призывами о пожертвованиях», «дает свои заключения о желательности или нежелательности таких сборов», «распределяет по назначению все суммы»). Не была забыта функция контроля и отчета: комитет «ведет учет всех производимых сборов» и «дважды в год публикует в Русско-Американском Православном Вестнике все суммы на благотворительные цели... с точным указанием, от кого... получены и кому высланы»³⁶.

Комитет должен был контактировать с другими подобными организациями («ведет переписку со всеми благотворительными учреждениями»), следить

«за точным выполнением постановлений американских соборов о сборах», но не выходить из-под строгого наблюдения митрополита, подавать «на утверждение... все свои протоколы»³⁷.

В итоге, вся деятельность Благотворительного комитета была подконтрольна церковной «верхушке» и жертвователям, централизована и предельно отрегулирована. В условиях войны такое состояние было оправдано ... за помощью обращались вначале к митрополиту Феофилу. Так, председатель Архиерейского Синода РПЦЗ митрополит Анастасий просил организовать «тарелочный сбор» для содержания 80 беженцев — священников из Польши, которые «находятся в очень тяжелом положении, ибо германская епархия... не в состоянии их содержать», после чего Феофил распорядился «произвести сбор в храмах митрополии... послать в Митрополичий Совет чеком»³⁸. Сборы на помощь бедствовавшим полякам проводились по всей Европе, подключение Америки дало количественный результат.

Согласно имеющимся протоколам, Благотворительный комитет собирал деньги, опираясь на настоятелей храмов митрополии. Его текущими делами были: «годовой сбор в пользу русских детей за рубежом», «сбор на нужды Дома духовенства», «опубликование имени жертвователей в русских газетах»³⁹. Сборы обычно назначались через месяц после заседания Благотворительного комитета, а публикация о них проводилась раз в год. Для этого планировалось задействовать газету «Правда», о чем редакции сообщалось в письме⁴⁰. В нем ни слова не было сказано о вознаграждении — подразумевалось, что это должно быть в рамках ответного жертвенного шага советской прессы. Газета «Правда» — официальный печатный орган ВКП(б), и указывать ей, что публиковать, было демонстрацией незнания отношений в советском обществе.

Благотворительный комитет контролировал других филантропов (например, Свято-Покровское сестричество) и меценатство собственных приходов. Все должно было проходить под руководством кафедрального протоиерея. «Шитье рубах... отцу кафедральному поручено наблюдать..., но сборы денег должны идти через церковный комитет и передаваться в Благотворительный комитет для отсылки по назначению»⁴¹. Не выпускать дело благотворительности из-под контроля церковного комитета — вот одна из первых задач на время войны. Весной 1942 г. она стала очевидна для церковного руководства. «Крайне необходимо, чтобы все... суммы передавались в Благотворительный комитет», для предупреждения противного, следовало разослать «особые обращения настоятелям приходов... чтобы они воздержались в будущем от передачи денег... в нецерковные организации»⁴². Замечание и требование вполне логично — средства собираются церковью и именно ею должны управляться. Тем более, что кое-кто пытался пользоваться авторитетом религиозных учреждений для реализации собственных интересов. Так, уже в сентябре 1941 г. Феофилу писала глава «Общества помощи русским детям за рубежом». Она обращалась с просьбой «устроить однодневный тарелочный сбор в... церквях с предписаниям их настоятелям произнести... слово», а также «устроить... неделю Василька», который продавался бы у входа в церкви⁴³. Понимание, что ресурсы православной церкви желают использовать, пришло через несколько месяцев. Еще в апреле 1942 г. в Митрополичий Совет обращались представители РООВА⁴⁴, Толстовского комитета, «недели доброты» и др. Представители всех этих организаций заявляли, что церковь «сочувственно относится к их деятельности». Однако распоряжение Феофила, «предписывающее все собираемые деньги передавать в Митрополичий Совет, который и будет направлять их по назначению»⁴⁵, должно было стать для них ответом.

Церковники высказывали отрицательное отношение к количеству сборов. Протоирей Букетов был согласен по просьбе председательницы «Свято-По-

кровского Сестричества» О.А. Ключе «сказать слово... перед сбором денег на нужды военнопленных» и даже надеялся, что ей «удастся добрать нехватящую сумму... до намеченной касты в СТО долларов». Протоирей подчеркивал явную запредельность суммы и не одобрял ее постановку как плана. Пожертвования в его интерпретации должны быть свободными, а социальная база прихода не должна страдать. «Что касается сборов в последующие дни, то и владыка митрополит и наш церковный комитет относятся к таковым отрицательно», ибо «народ наш стал роптать, что слишком много сборов... мы должны подумать о наших нуждах». Ничего подобного девизу «все для фронта, все для победы» не было в американских православных приходах: «еженедельно делать сборы... обременительно»⁴⁶.

Прихожане не спешили расставаться с деньгами, роптали и требовали отчетности, ревизий от Митрополичьего совета и его организаций. Глава прихода в г. Детройте настоятельно хотел увидеть финансовую отчетность о благодеяниях в марте 1942 года. Обосновывалось это просто. «Отсутствие какого-либо отчета в израсходовании сумм, поступающих на дело помощи русской армии,... волнует местное население,... создаются всевозможные толки». Информация была нужна для поддержания доверия, авторитета православных организаций среди русского населения Детройта. Людей волновало, на что тратятся деньги, они прямо высказывали пожелание «посланную сумму 216,6... употребить... на покупку медикаментов»⁴⁷. В ответ митрополит Феофил через 2 недели после поступления заявления сделал пометку на документе: «отчетности печатать возможно чаще», а через 2 месяца она была опубликована отдельным документом⁴⁸. Глава православной церкви в Америке не спешил со списком произведенных расходов, хотя и изображал свое милосердие и добропорядочность.

Предложенный для публичного чтения документ — отчет за 30 мая 1942 г. — состоял из двух листов, частью написанных по-русски, частью по-английски, был очень сумбурным и оформленным в произвольной форме. В нем указывалось, кто и сколько пожертвовал, а не куда эти суммы были потрачены. В перечне благотворителей «на помощь для русских в войне» были перемешаны фамилии, организации, добавлены не входившие в период даты (например, 6 июня). На первом листе были даны два итога: «всего» и «итога». На втором ... перечислены жертвователи с указанием в некоторых пунктах, на что отпущены деньги: «На помощь военнопленным (через архиепископа Виталия) — 150\$», «Всесвятский кафедральный собор в г. Детройте... 216... на приобретение медикаментов». Самыми щедрыми были «Свято-Троицкий приход в г. Детройте...» — 200\$; «Питтсбургский кафедральный собор» — 185,75\$; «On Dance in Russian Parish school hall» — 118,8\$. Физические лица очень различались по своему великодушию. Так, 29 чел. сделали взносы по 1\$, 6 чел. — по 2\$, 3 — по 10\$, в том числе и сам митрополит Феофил. В то же время священник Георгий Янкевич отдал 50\$, а Джон Турко (John Turko) — 85\$, что больше, чем все Петропавловское братство в Стамфорде (25\$). Мотивы для жертв могли быть отнюдь не патриотические. Например, в дату серебряной свадьбы, как подарок самим себе сделали взнос «Mr and Mrs Peter Klemash»⁴⁹.

Претензии к Благотворительному комитету предъявляли и другие церковные структуры. Многие были недовольны ошибочностью указанных денежных средств, обижены и требовали, хотя и с употреблением вежливых оборотов: «поместите точную сумму нашей жертвы»⁵⁰. Почему отчетность Благотворительного комитета предоставлялась лишь после требований, непонятно.

Существовали и другие документы о финансах меценатов. Отчет о денежных операциях, производимых не через Благотворительный комитет, представляла собой «Касса денежных отправок в разоренные войной местности России, русским военнопленным и по частным адресам — через Вознесенский собор в

Бронксе и Швейцарский красный крест» за 20.09.1941—15.02.1942⁵¹. Совпадающий с отчетом от 30 мая 1942 г. она не имела и демонстрировала наличие различных субъектов благотворительности в рамках Православной церкви в Америке, несмотря на официальное утверждение именно Митрополичьего совета и организаций при нем как единственных учредителей жертвенности.

Документы, отражавшие направления затрат Благотворительного комитета, были короткими. Так, расходам была посвящена часть непубличного «Протокола...» от 31 марта 1942 г., которая указывала, что выделено:

650 долларов на помощь военнопленным через швейцарский красный крест;
«216 долларов, присланных... собором г. Детройта... для приобретения ме-

дикаментов»;

100 долларов на нужды русской армии;

100 долларов на нужды американского красного креста;

«3000 долларов... на помощь русскому народу»⁵².

Примечательно, что самая большая сумма была выделена на расплывчатую сформулированную цель. Под «помощью русскому народу» могло быть зашифровано что угодно. В то же время именно военным, русской армии жертвовали минимум. Православная церковь в Америке не желала быть участником боевых действий, а позиционировала себя именно социальной организацией, милосердной, подающей военнопленным, больным, разоренному войной «русскому народу».

К порядку стремились и пытались брать расписки. «Благотворительным комитетом было достигнуто соглашение с Американским красным крестом», что «полученная сумма будет распределена согласно данным нами инструкциям» и «ни один цент... не может быть использован на цели, чуждые целям помощи державам, воюющим с державами “Оси”»⁵³.

В августе 1943 г. в ответ на отношение из Нью-Йорка протоирей из Сан-Франциско отписался без количественных данных о своих делах как мецената. В «Сан-Франциско в течение многих лет ежегодно... устраивается... “День русского ребенка”... все денежные поступления передаются в Калифорнийский отдел помощи русским детям зарубежья, каковой в свою очередь посылает их... в Нью-Йорк. Точно так же было выполнено и в сем году»⁵⁴. Отметим, что доллары были переданы не через Благотворительный комитет (как требовало высшее церковное руководство), а напрямую в нецерковные благотворительные организации. Возможно, сказывалась отдаленность территории от центра Православной церкви в Америке. Или же беспорядок в вопросах подчинения церковной верхушке в условиях войны.

Таким образом, существование Православной Церкви в Америке после Октября 1917 г. определялось невозможностью контактов с Московским патриархатом и утверждением автономного статуса при подчинении РПЦЗ. Анализ архивных документов конца 1930—1940-х гг. дает возможность взглянуть с другого континента на религиозную жизнь и войну в СССР, оценить поведение экзархата, выявить линии международной деятельности РПЦ. С началом войны главу американского экзархата просили занять четкую позицию сторонники противоположных политических взглядов. Митрополит Феофил разрывался между собственными антисоветскими взглядами и необходимостью подчиняться Московскому патриархату. Это вылилось в обрядовые изменения, завуалированные призывы к переменам в государственно-церковных отношениях, а затем и открыто поставленные в вину экзархату ханжество и лицемерие.

Взгляд на войну мог быть скрыт за констатацией сухих фактов ужасов и потерь. Восприятие жизни РПЦ разнилось у зарубежных церковников от одобрительного до очерняющего. Одни отмечали взаимопонимание между русским

правительством и церковью, другие фиксировали нереальность советской религиозной картинки. Отсюда вытекали призывы либо единения с РПЦ, либо страха такой перспективы. Контакты с Московским патриархатом вылились в оппозицию. РПЦ требовала директивного подчинения, Американский экзархат боялся такого будущего, уклонялся и желал соблюдать нормы церковного права. Осторожность в контактах с Московской патриархией была свойственна и другим престолом.

Основную массу бумаг конца 1930—1940-х гг. в архиве занимает документация Благотворительного комитета. Показательны предельная централизация в его структуре и желание Православной церкви в США контролировать все благотворительные организации. Работа в комитете не являлась ни престижной, ни плодотворной. В деле благотворительности отсутствовала активность меценатов, сами церковники отрицательно относились к количеству сборов. Зато много было требований отчетности, возмущений и обид.

Примечания

1. Юбилейный сборник в память 150-летия Русской Православной Церкви в Северной Америке. Ч. 2. Нью-Йорк. 1945; СКУРАТ К. История поместных православных церквей. Т. 2. М. 1996; НИТОБУРГ Э.Л. Русская православная церковь в США. — США и Канада. 2000, № 4; СЕРГЕЕВ О.И. Русская православная церковь в Северной Америке в первой половине XX в. Материалы III Международной научной конференции. «Русская Америка» (Иркутск, 8—12 августа 2007г.). [<http://www.pribaikal.ru/iaz-item/article/6193.html>].
2. Рапорт протоиерея Сергея Лепорского его высокопреосвященству, высокопреосвященнейшему Феофилу, митрополиту всея Америки и Канады, архиепископу Сан-Францискому. 20.VIII.1941. In: The archives of the Orthodox Church in America. Serious II. General correspondence. 1879—1982. 2В-2.
3. Письмо высокопреосвященнейшему владыке, митрополиту Русской православной церкви в Америке и Канаде от общества друзей русской культуры. 08.X.1941. In: Ibidem.
4. Русский национальный союз в Америке. Письмо митрополиту Феофилу. 22.VII.1939. In: The archives of the Orthodox Church in America...
5. Сергей, патриарший местоблюститель Москвы, после вторжения выступил с посланием, где сравнил нацистское нападение с прошлыми нашествиями и предупредил, что духовенство не должно оставаться в стороне от дела всего народа. См.: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сб. церковных документов. М. 1943, с. 3—4.
6. Послание Архиерейского Собора Русской православной церкви в Америке. Русско-Американский православный вестник. Октябрь. 1941, с. 146.
7. Там же, с. 147.
8. Чикагский комитет помощи русским в войне. Письмо епископу Леонтию в Свято-Троицкий кафедральный собор в Нью-Йорке. 14.V.1943. Илинойс. In: The archives of the Orthodox Church in America...
9. Образец ханжества и лицемерия. — Русский голос. 20.VII.1945.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Каппель В.О?. (1883—1920) — русский военачальник, участник первой мировой и Гражданской войн. Генерал-лейтенант Белого движения и главнокомандующий армиями Восточного фронта (1919 г.).
14. Рапорт высокопреосвященнейшему владыке Феофилу, митрополиту всея Америки и Канады от архимандрита Аляскинского Феодосия Кульчицкого и иерея Макария Баранова. 11.VII.1942. In: The archives of the Orthodox Church in America...
15. Ibidem.

16. Архиепископ Маннинг в торжественной церемонии благословил собранную одежду для детей Советской России. — Новое русское слово. 4.XII.1944.
17. Крестный путь православной церкви под Советами. — Русско-Американский православный вестник. Апрель. 1941, с. 53.
18. Там же, с. 53—54.
19. Там же.
20. Там же.
21. Письмо архиепископу Кентерберийскому от Михаила Польского, настоятеля русской православной общины в Лондоне. 27.IX.1943. In: The archives of the Orthodox Church in America...
22. Ibidem.
23. Протопресвитер А. Кукулевский (1873—1963) окончил Киевскую духовную академию, в 1901 г. был послан в США и служил во многих штатах, являлся делегатом соборов, издавал ежемесячный журнал «Voice of church» («Голос церкви»), в конце жизни работал в семинарии в Нью-Йорке.
24. Письмо послушника Александра Кукулевского главе Северо-Американской митрополии. 02.IV.1945. In: The archives of the Orthodox Church in America...
25. Ibidem.
26. Ibidem.
27. Ibidem.
28. В 1934 г. Феофил был избран преемником митрополита Платона с сохранением титула архиепископа Сан-Франциско.
29. От епископа Сан-Францисского Русской православной церкви в Северной Америке Феофила его высокопреосвященству высокопреосвященнейшему Леонтию, архиепископу Чикагскому и Миннеаполисскому. 09.XI.1945. In: The archives of the Orthodox Church in America...
30. Ibidem.
31. Доклад Чикагско-Миннеаполисского архиепископа Леонтия его преосвященству, высокопреосвященнейшему Феофилу, архиепископу всея Америки и Канады. 20.XI.1945. In: The archives of the Orthodox Church in America...
32. Письмо архиепископу Кентерберийскому от Михаила Польского... 27.IX.1943.
33. Положение о Благотворительном комитете при Митрополищем Совете Русской православной церкви в Северной Америке. 5.VI.1941. In: The archives of the Orthodox Church in America...
34. Ibidem.
35. Письмо секретаря Благотворительного комитета при Митрополищем Совете Т.Ф. Грабилина его вице-президенту А.Е.Бессмертному. 21.VI.1943. In: The archives of the Orthodox Church in America...
36. Положение о Благотворительном комитете... 5.VI.1941.
37. Там же.
38. Письмо председателя Архиерейского Синода РПЦЗ митрополита Анастасия его высокопреосвященству, высокопреосвященнейшему митрополиту всея Америки и Канады Феофилу от 22(4)декабря (января) 1940(1941). Белград. In: The archives of the Orthodox Church in America...
39. Протокол заседания Благотворительного комитета при Митрополищем Совете Северо-Американской митрополии, состоявшегося 10.VI.1943. In: The archives of the Orthodox Church in America...
40. Письмо господину редактору газеты «Правда» от председателя Благотворительного комитета. 15.04.1942. In: Ibidem.
41. Письмо протоирея Букетова председателнице Свято-Покровского Сестричества О.А. Ключе. 19.III.1942. In: Ibidem.
42. Протокол заседания Благотворительного комитета при Митрополищем Совете, состоявшегося 31.III.1942. In: Ibidem.
43. Письмо председателя «Общества помощи русским детям за рубежом» его высокопреосвященству, высокопреосвященнейшему Феофилу, митрополиту всея Америки и Канады. 24.IX.1941. In: Ibidem.
44. Русское объединенное общество взаимопомощи в Америке.

45. Послание отцу настоятелю и церковному комитету храма Христа Спасителя в Нью-Йорке от члена Митрополичьего Совета (без имени). 14.IV.1942. In: The archives of the Orthodox Church in America...
46. Письмо протоирея Букетова... 19.III.1942.
47. Заявление в Митрополичий Совет Северо-Американского митрополичьего округа Русской православной церкви в Америке от протоирея православного прихода в Детройте. 11.III.1942. In: The archives of the Orthodox Church in America...
48. Русская православная греко-католическая церковь Святой троице в Йонкерсе, Нью-Йорк. Помощь для русской войны. 30.V.1942. In: Ibidem.
49. Ibidem.
50. Письмо его высокоблагословию, казначею Северо-Американской митрополии, отцу протоирею Иосифу Пиштею от архимандрита Тимона. 28.IV.1942. In: Ibidem.
51. Касса денежных отправок в разоренные войной местности России, русским военнопленным и по частным адресам — через Вознесенский собор в Бронксе и Швейцарский красный крест. 15.II.1942. In: Ibidem.
52. Протокол заседания Благотворительного комитета при Митрополичьем Совете, состоявшегося 31.III.1942.
53. Письмо его благословию протоирею Иоанну Чепелеву. Детройт, Мичиган от председателя Благотворительного комитета при Митрополичьем Совете. 30.VI.1942. In: Ibidem.
54. В Благотворительный комитет при Митрополичьем Совете. Протоирей Шапошников. 08.VIII.1943. In: Ibidem.

Военно-морской ленд-лиз и союзнические поставки флоту в 1941—1945 гг. в отечественной историографии

А.Ю. Комарков

Аннотация. В работе рассматриваются основные направления и тенденции изучения вопросов снабжения Великобританией и США флота СССР вооружением и оборудованием по ленд-лизу и в счет итальянских репараций периода 1941—1945 гг. в советской и современной российской историографии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Военно-морской флот, антигитлеровская коалиция, ленд-лиз, СССР, Великобритания, США, поставки, историография.

Abstract. The work investigates the main trends in study of american and british supply of the Soviet Navy by armament and equipment under the conditions of lend-lease and as a compensation of italian reparations during the war of 1941—1945 at soviet and modern russian historiography.

Key words: Great Patriotic War of the Soviet Union, Navy, Grand Alliance, Lend-lease, U.S.S.R, Great Britain, the United States, supplies, historiography.

Среди всей совокупности проблем военной истории особое место всегда занимал комплекс вопросов, относившихся к сфере экономического сотрудничества нашей страны с союзниками по антигитлеровской коалиции — США и Великобританией. Речь идет о программе ленд-лиза и снабжении Советских Вооруженных Сил боевой техникой англо-американского производства. Это и не удивительно. В ситуации, когда с окончанием боевых действий союзники превратились в оппонентов СССР на международной сцене, идеологическое обеспечение политических задач не оставило советским историкам шансов на объективный анализ роли ленд-лизозских поставок в совокупном потенциале страны периода Великой Отечественной войны.

Тем не менее, к настоящему времени факт поступления во время войны в СССР из-за рубежа различных видов материальной помощи — самолетов, танков, кораблей, автомобилей, топлива, продовольствия и пр. — в целом, является общеизвестным. Однако изучение темы ленд-лиза российскими учеными по-прежнему далеко от завершения в силу наличия многочисленных «белых пятен» — малоисследованных страниц истории партнерства «Большой Тройки». Вместе с тем, даже такое свойственное отечественной историографии положение вещей может считаться настоящим достижением с учетом всех ставившихся властью цензурных барьеров на пути научного поиска вплоть до распада Союза ССР.

Комарков Александр Юрьевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургской химико-фармацевтической академии (СПХФА). E-mail: Aleksandr-komarkov@rambler.ru.

Komarkov Alexander Yu. — PhD, assistant professor at the Saint-Petersburg State Chemical Pharmaceutical Academy. E-mail: Aleksandr-komarkov@rambler.ru.

В то же время к середине второго десятилетия XXI в. в российской историографии ленд-лиза и союзнических поставок в СССР успело сформироваться несколько направлений, изучающих конкретные виды помощи и их влияние на боеспособность отдельных составляющих Вооруженных Сил. К их числу следует отнести существующую несколько обособленно историографию ленд-лиза для советского флота. Данное направление, с одной стороны, всегда развивалось в русле общих тенденций советско-российской историографии ленд-лизированной проблематики, а с другой — приобрело со временем ряд особенностей, в том числе и под влиянием специфики изучаемого предмета исследования.

Говоря о современном состоянии и перспективах изучения вопросов снабжения флота СССР по ленд-лизу кораблями, вооружением и оборудованием из Англии и США, следует отметить, что на протяжении первых сорока послевоенных лет историографии морского ленд-лиза, как и прочих союзнических поставок в нашей стране не существовало. Историческая наука СССР занималась противодействием «буржуазным фальсификаторам» — стремившимся обосновать важность ленд-лиза для советских военных усилий западным ученым. В качестве ключевого аргумента в споре с историками Великобритании и США использовались ссылки на изданный в 1948 г. труд заместителя председателя Совета Министров СССР Н. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». В этой работе автор оценил показатели союзнической помощи на уровне 4% от совокупного объема отечественного производства военной продукции в период 1941—1945 гг., посчитав их значение фактически ничтожным¹.

В отношении вопроса снабжения по ленд-лизу флота СССР кораблями, самолетами и иными «оборонными материалами» вплоть до рубежа 1980—1990-х гг. в нашей стране прослеживались аналогичные тенденции. Еще в 1945—1951 гг. Историческим отделом Главного Штаба ВМФ были изданы многотомные «Хроники Великой Отечественной войны Советского Союза на море», содержавшие сведения о характере боевых действий. В них нашли отражение факты из истории сотрудничества советского флота с ВМС Англии и США в рамках программы ленд-лиза, в том числе и данные о поставках кораблей, самолетов, их применении, преимущественно на Севере². Однако в условиях взятого руководством страны курса на конфронтацию с англо-американским блоком и замалчивания роли ленд-лиза в Победе, «Хроники...» сразу же оказались под грифом «секретно» и оставались недоступными для большинства.

В свете подобного положения дел не приходится удивляться тому, что во многих трудах советских историков флота отсутствовали сведения о поставках Великобритании и США не только в общем контексте, но и когда речь велась о событиях с участием полученных из за границы самолетов и кораблей³. В ряде других лишь вскользь упоминался факт поступления в состав Северного и Тихоокеанского флотов судов американско-британской постройки и наличия авиатехники иностранного производства в морской авиации СССР военного времени⁴.

В то же время, ряд отечественных авторов, не имея возможности рассказать о сотрудничестве советского ВМФ с военно-морскими силами Англии и США в рамках ленд-лиза, вынужден был давать описание эпизодов морской составляющей Великой Отечественной войны с участием импортной техники в завуалированном виде. В результате, в их работах оказались изучены ключевые события войны на море 1941—1945 гг. с привлечением к операциям полученных от союзников кораблей и самолетов без информирования читателей о «ленд-лизированном» происхождении упомянутых в тексте фрегатов, тральщиков, охотников за подлодками, торпедных катеров, бомбардировщиков, торпедоносцев и истребителей⁵. Вместе с тем, такие труды смогли выявить подчас весьма важную роль поставленных боевых кораблей и сформированных за счет ленд-лиза целых соединений в действиях флотов на Севере и отчасти Дальнем Востоке даже в условиях цензурных ограничений.

В адрес бывших союзников в условиях «холодной войны» регулярно звучали упреки относительно недобросовестного исполнения ими взятых на себя обязательств (нарушений графика поставок по ленд-лизу и т.д.). Вот почему сведения о приобретении в Англии и США оборудования для ВМФ СССР (средств противолодочной и противоминной борьбы), роли морского ленд-лиза в деле модернизации собственных технологий (гидролокаторы, радары) отсутство-

вали даже в специализированных публикациях⁶. Подобным образом практически ничего не говорилось о преодолении в период войны благодаря союзнической помощи «узких мест» в снабжении флотов ценными видами импортного имущества⁷. В лучшем случае, упоминалось, что применительно к отдельным видам вооружения и техники «важное значение имели импортные поставки...»⁸

В этой связи нельзя не отметить увидевшее свет в 1968 г. капитальное исследование проблемы тылового обеспечения Военно-морских Сил СССР 1941—1945 гг. крупнейшего отечественного историка флота В. Шломина «Тыл Военно-морского флота СССР в предвоенный период и в период Великой Отечественной войны»⁹. Указанный многотомный труд, содержащий большое количество сведений о снабжении союзниками ВМФ СССР по ленд-лизу, намного опередил свое время. На его страницах можно обнаружить данные о принятии на вооружение советским флотом иностранных самолетов, гидроакустических средств обнаружения подлодок, морских орудий, силового оборудования для кораблестроения и пр. Причем на основе обработанного массива архивных источников автором были сформулированы выводы о высоком качестве некоторых категорий поставок из США и Великобритании. Вот почему написанную в разгар блокового противостояния работу Шломина сразу же засекретили.

Сохранению неизвестности вокруг темы морского ленд-лиза способствовала и отечественная мемуарная литература — воспоминания командующих Военно-морским флотом СССР, участвовавших в организации поставок офицеров и эксплуатировавших импортную технику младших чинов советского ВМФ. Воспоминания А. Головки, Я. Иосселиани, Н. Кузнецова, А. Кузьмина, М. Львова, В. Минакова, И. Орленко, Ю. Пантелеева, А. Преснякова, Н. Харламова, П. Хохлова и др. не акцентировали внимание читателей на реальном масштабе сотрудничества советского флота с Англией и Америкой¹⁰. Даже мемуаристы, освещавшие неизвестные эпизоды ленд-лиза, будь-то перегон морскими летчиками американских самолетов «каталина» на флоты (Н. Пискарев) или приемка на Аляске тральщиков их экипажами (В. Краснов), не имели возможности рассказать, как это происходило на самом деле¹¹. Их заметки печатались с сокращениями и нередко — искаженным смыслом.

Исключением из указанного правила следует считать мемуары Г. Полякова и особенно Б. Никитина¹². Первый из них в 1944—1945 гг. служил на предоставленном англичанами Северному флоту в счет доли СССР в итальянских репарациях миноносце «Живучий». Вот почему его воспоминания «В суровом Баренцевом» богаты подробностями приемки в Англии советскими моряками выделяемых союзниками кораблей, жизни североморских экипажей на Британских островах, перегона эсминцев в Советский Союз и конкретных боевых эпизодов с участием «Живучего» в завершающий период войны в Европе. И все же наибольшее значение в плане раскрытия темы ленд-лиза для ВМФ имела публикация работ возглавлявшего во время войны группу приемки американских кораблей капитана 1-го ранга Никитина. Автор сумел приоткрыть завесу таинственности над реальной историей ленд-лизовских поставок нашему флоту. При этом, важнейшим достоинством произведений Никитина является весьма точная информация о поступавших из Америки тральщиках, фрегатах, охотниках за ПЛ, торпедных катерах, их параметрах, недостатках и преимуществах. Вместе с тем, невзирая на небывалую для советских реалий откровенность, Никитину и Полякову так и не удалось избавиться от ряда стереотипов «холодной войны», наложивших отпечаток на авторские характеристики союзнических отношений в рамках антигитлеровской коалиции и самих англо-американских союзников.

Таким образом, в свете избранного руководством СССР политического курса не должно вызывать удивление почти полное забвение помощи Англии и США по ленд-лизу нашему флоту в годы войны. Даже написанный во времена «хрущевской оттепели» с грифом секретности фундаментальный труд «Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—45 гг.» содержал минимальные сведения об использовании кораблей, самолетов, оборудования импортного происхождения¹³. Чтобы переломить наметившуюся тенденцию требовались перемены в жизни всего советского общества. Это оказалось возможным только на рубеже 1980—1990-х гг. в связи с началом перестроечных процессов и значительным улуч-

шением международных отношений. На волне интереса к событиям новейшей истории и преодоления административных барьеров отечественной науке появилась возможность приступить к исследованию спорных моментов прошлого, в том числе и сотрудничества «Большой Тройки» на основе ленд-лиза.

Правда, в последние годы существования СССР в части освещения проблемы морских поставок 1941—1945 гг. сохранялась противоречивая картина. Стало появляться все больше публикаций, повествующих о неизвестных эпизодах истории взаимодействия отечественного ВМФ с Военно-морскими Силами Великобритании и США и рассказывающих о применении союзнической техники флотом СССР¹⁴. Вместе с тем, сохранял свою силу и старый советский подход — игнорирование значения помощи по ленд-лизу даже в ситуациях, когда последняя была действительно необходимой¹⁵.

Авторы первых публикаций не имели доступа к засекреченным документам и потому освещали события либо по памяти, либо опираясь на узкий круг второстепенных источников. Долгожданное рассекречивание началось де-факто только в 1990-е годы. Параллельно с разрушением «железного занавеса» активизировались международные контакты отечественных ученых, получивших возможность познакомиться с достижениями англо-американской науки. Тем самым снимались последние ограничения, препятствовавшие непредвзятому изучению темы экономической помощи Великобритании и США на основе ленд-лиза. В свою очередь, состоявшиеся изменения в отношении к одной из наиболее спорных проблем истории XX в. постепенно привели к отказу от господствовавших ранее установок.

Например, это коснулось традиции замалчивания места отдельных категорий снабжения и оснащения советского ВМФ в годы войны и послевоенном развитии собственных технологий, часто сопровождавшейся игнорированием факта поступления и использования в СССР импортного морского вооружения. В современной историографии считается нормой упоминание фактора англо-американской помощи в контексте операций Северного и Тихоокеанского флотов с использованием судов заграничной постройки. Обычно данный подход воплощается в информировании читателей о поставках из-за рубежа определенных кораблей, к решению различных боевых задач, будь-то противодействие немецким минным постановкам в северных морях или высадка десантов в корейских портах в августе 1945 года¹⁶. Столь же естественным для последних 25 лет стал учет российскими историками вклада поступившего от союзников морского оборудования в обеспечение текущего и перспективного потенциала ВМФ в процессе изучения его материально-технических слагаемых во всем многообразии. Начиная с проблемы восполнения состава флотов новыми кораблями и заканчивая заменой вышедших из строя аккумуляторных батарей на подводных лодках¹⁷. Последняя тенденция особенно ярко проявила себя в комплексных трудах крупнейших отечественных специалистов В. Золотарёва и А. Платонова¹⁸. В соавторстве с коллегами указанные исследователи рассмотрели практически все компоненты военно-морской мощи СССР (корабли, самолеты, вооружение и оборудование) времен войны с гитлеровской Германией, воздав должное роли конкретных позиций ленд-лизинговской номенклатуры в ее укреплении при наличии для этого соответствующих оснований.

Однако важнейшим событием постсоветского этапа в развитии историографии взаимодействия СССР со странами антигитлеровской коалиции следует признать появление в нашей стране публикаций, имеющих непосредственное отношение к феномену ленд-лиза. Фактически, только к концу XX в. ленд-лиз и поставки из Англии и США эволюционировали в России в самостоятельную область научного поиска. При этом пишущие об экономическом сотрудничестве Объединенных Наций современные авторы все чаще опираются на солидную источниковую базу (архивные материалы и т. д.).

Вместе с тем, говоря о новейшей российской историографии проблемы зарубежных поставок ВМФ СССР в период Великой Отечественной войны, следует отметить ее специфические черты. Прежде всего, историография морской составляющей ленд-лиза последних 20—25 лет количественно уступает исследованиям вопросов снабжения союзниками Красной армии и работавшего преимущественно в ее интересах советского ВПК. Это объясняется несопостави-

мыми масштабами участия наших армии и флота во второй мировой войне и их вклада в победу «Большой Тройки» над державами Оси. Из данного обстоятельства следует еще один важный момент — наименьший уровень политизации дискуссии о техническом сотрудничестве ВМС коалиции в историческом сообществе по сравнению с другими сюжетами истории ленд-лиза. Изучением подобной проблематики всегда занимался ограниченный круг исследователей: офицеры советского и российского флота (В. Йолтуховский, В. Краснов, М. Комаров), инженеры-кораблестроители (Р. Ларинцев), военные историки (А. Платонов, В. Котельников, М. Морозов) и т.д.

Тем не менее, к настоящему времени отечественная историография военно-морских поставок Великобритании и США Советскому Союзу 1941—1945 гг. успела привнести свой вклад в приращение знаний о таком явлении как ленд-лиз, даже будучи представленной, в основном, отдельными статьями. Прежде всего, нужно отметить работы общего характера, дающие комплексную оценку роли ленд-лиза в оснащении ВМС СССР с учетом слабости научно-производственной базы страны военного времени¹⁹. Как правило, их авторы стремятся рассматривать союзническую помощь объективно, не преуменьшая и не преувеличивая ее значения для советских флотов. Например, говоря о ленд-лизских кораблях и самолетах в соединениях ВМФ, поступлении импортного вооружения, большинство исследователей отмечает, что конкретные категории поставок возымели силу только в процессе их масштабного развертывания в завершающий период боевых действий (1944—1945 гг.) в ситуации фактического предрешения финала войны. Вместе с тем, в их трудах присутствует понимание того, что досрочное прекращение морского взаимодействия неизбежно вело к снижению возможностей советского ВМФ реагировать адекватно на требования обстановки. Да и во время послевоенной модернизации собственных не самых передовых технологий англо-американская аппаратура пришлась, как говорится, ко двору.

Иные направления российской историографии морского технического сотрудничества СССР, Англии и США представлены, в основном, публикациями, раскрывающими значение отдельных видов помощи для поддержания боеспособности отечественных флотов. В первую очередь, речь идет о важнейшей составляющей зарубежных поставок — боевых кораблях — значительно пополнивших состав наших ВМС на Севере и Дальнем Востоке. Причем современные авторы удостаивают вниманием не только полученные в рамках ленд-лиза тральщики, охотники, торпедные и др. катера, но также прибывшую в состав СФ в счет итальянских репараций американско-британскую эскадру — линкор «Архангельск», крейсер «Мурманск», эскадренные миноносцы («Дерзкий») и подводные лодки («Урсула»). В большинстве из подобных работ приводятся параметры судов заграничной постройки, отмечаются преимущества относительно советских аналогов (гидроакустика, неконтактные тралы, реактивные бомбометы) и рассказывается о службе в рядах ВМФ принятых от союзников кораблей, многие из которых реально повысили его боевую мощь ближе к окончанию Великой Отечественной войны²⁰.

В качестве отдельной категории следует рассматривать труды, посвященные снабжению Военно-морского флота СССР элементами вооружения — артиллерией ПВО, противолодочными комплектами, гидролокаторами и РЛС²¹. Говоря о них, часть исследователей довольно противоречиво оценивает данную статью экономических операций. Сейчас известным является факт отсутствия в распоряжении НК ВМФ в 1941—1945 гг. отечественных аналогов компактных зениток «Эрликон», многоствольных бомбометов «Хеджехог», гидроакустических комплексов «Асдик», судовых радиолокационных станций и т.п. Следовательно, состоявшееся благодаря ленд-лизу знакомство с иностранными вооружениями обернулось впоследствии качественным ростом характеристик адресованной советским ВМС высокотехнологичной продукции собственного производства. Однако многие авторы видят и обратную сторону заимствования достижений зарубежной инженерной мысли — отсутствие заинтересованности Запада в реальном усилении советской стороны посредством предоставления Москве новейших разработок. Американцы и англичане удовлетворяли запросы Наркомата ВМФ за счет не самых передовых из имевшихся в наличии образцов. И, кроме того, такими исследователями отмечаются многочисленные про-

блемы с освоением часто незнакомой техники личным составом ВМС СССР и ее эксплуатацией. Именно этим они объясняют слабое применение тех же радиолокаторов даже в соединениях самого обеспеченного ленд-лизом Северного флота Союза ССР.

Существующие в какой-то мере независимо друг от друга перечисленные направления изучения ленд-лиза для ВМФ, тем не менее, способствовали выделению в рамках российской историографии последних 10—15 лет нового подхода, объединившего в себе черты двух предыдущих. Им стала тенденция комплексного рассмотрения некоторой стоявшей перед флотом СССР проблемы, при решении которой были задействованы практически все категории союзнических поставок — самолеты, аппаратура, корабли²².

Почти полностью обособленную группу составляют исследования вклада ленд-лиза в укрепление морской авиации отечественного флота — поставок самолетов, бывших, де-факто, автономным направлением сотрудничества антигитлеровской коалиции в целях поддержки с воздуха всех Советских Вооруженных Сил²³. Преобладание материалов о ленд-лизинговой авиатехнике в сухопутных войсках на фоне скромной информации о поставках для ВМФ делает проблематичным классификацию данных трудов и их отнесение к морскому направлению современной историографии.

Иное дело — публикации, целенаправленно характеризующие использование конкретных марок англо-американских самолетов в соединениях авиации действующих флотов. Часть из них посвящена проблеме «внештатной» эксплуатации импортных летательных аппаратов. К примеру, переданные из ВВС КА в ВМФ «бостоны» выполняли функции торпедоносцев, «спит-файры» — разведчиков, «киттихауки» — разведчиков и штурмовиков, будучи по умолчанию бомбардировщиками и истребителями. При этом авторами отмечается парадоксально высокая эффективность такого «нецелевого» применения союзнических поставок Военно-воздушными Силами флота СССР²⁴. В то же время вторая компонента указанной категории исторических работ нацелена на изучение самолетного ленд-лиза для советских ВМС в истинном смысле слова — гидропланов «каталина» и торпедоносных «хемпденов», воевавших в 1943—1945 гг. исключительно в морских подразделениях²⁵.

Нельзя не отметить воспоминания ветеранов отечественного флота. В большинстве своем это были летчики и моряки, получавшие от союзников самолеты и корабли с тем, чтобы воевать на них уже под советским флагом. Как правило, их рассказы насыщены множеством интересных подробностей собственного участия в событиях героической эпохи и поэтому дают возможность взглянуть на историю ленд-лиза глазами «живых свидетелей»²⁶. Вместе с тем, такие мемуары офицеров, старшин и матросов советского ВМФ часто являются на редкость информативными, в частности, когда речь заходит о реальных возможностях иностранной боевой техники применительно к ситуациям ее фактического использования.

Особое место в приращении знаний о ленд-лизе для СССР принадлежит воспоминаниям генерала М. Чибисова — руководителя авиагруппы, занимавшейся перегоном из США гидросамолетов «каталина» в рамках советско-американского проекта «Зебра»²⁷. Написанная на базе авторских дневников книга «Через материки и океаны» не без оснований может считаться самым полным изложением истории транспортировки крайне необходимых нашей морской авиации летающих лодок воздушными маршрутами в Советский Союз из Западного полушария в 1944—1945 годах. Своим появлением мемуары Чибисова фактически обнародовали одну из самых засекреченных и таинственных сторон военно-морской кооперации великих держав периода второй мировой войны.

Наконец, целый блок работ, напрямую связанных с историографией союзнических морских поставок, избрал сферой своих изысканий проблематику взаимодействия сторон и непосредственного участия советских представителей в процессе развертывания программы ленд-лиза для отечественных ВМС. Сюда можно отнести, главным образом, научно-популярные статьи, заметки, очерки и даже повести, фокусирующие внимание на службе за границей специально отобранных руководством НК ВМФ команд, занимавшихся освоением и транспортировкой в СССР арендованных в Соединенных Штатах и Великобритании боевых и вспомогательных

судов, самолетов гидроавиации и т.п., начиная с 1943 года. При этом абсолютное большинство из них имеет дело с четко определенным набором эпизодов: историей получения кораблей для Северного флота на восточном побережье США²⁸; приемкой североморцами и включением в состав СФ английской эскадры (линкора, эсминцев, подводных лодок)²⁹; перебазированием на советские аэродромы американских «каталин» силами авиагруппы Чибисова³⁰; усилением Тихоокеанского флота кораблями «особой программы» (операция «ХУЛА») ³¹.

Активизировавшиеся во время войны двусторонние, в том числе неформальные, связи находившихся в зарубежной командировке офицеров и матросов ВМФ СССР с гражданами Великобритании и США, способствовали преодолению взаимной отчужденности и скрепляли порожденное стратегическими соображениями «товарищество по оружию» государств с противоположным социально-экономическим устройством. Вместе с тем, направление в британские и американские порты и на авиабазы советских уполномоченных было продиктовано следующим обстоятельством: многие принимавшиеся на месте корабли и суда и все летающие лодки союзников подлежали перегону из Западного полушария силами отечественных экипажей. Этот перегон много раз превращался в настоящую героическую эпопею, заслуживающую того, чтобы стать самостоятельным предметом исследований. Самолеты и корабли шли тысячи миль слабо изученными тихоокеанскими и атлантическими маршрутами в крайне сложных навигационных условиях, регулярно рискуя попасть под удар вражеских субмарин, бомбардировщиков и истребителей.

Перечисленные выше тенденции последних 25 лет в действительности оказались еще и предтечей по-настоящему знакового события для всей постсоветской историографии союзнических поставок отечественному флоту. Речь идет об издании в 2014 г. труда М. Комарова «Ленд-лиз для военно-морского флота СССР» — первой имеющей отношение к заявленной теме монографии в России³². Автор рассматривает поставки самолетов и кораблей, морской техники и вооружения комплексно и во взаимосвязи со снабжением нашего ВМФ за счет собственных средств на различных этапах боевых действий, стремясь продемонстрировать истинный вклад ленд-лиза в повышение возможностей сил советского Военно-морского флота. В то же время на фоне несомненных достоинств в труде Комарова фигурирует широкий спектр противоречий, свидетельствующих в пользу необходимости дальнейшей проработки вопроса на серьезном научном уровне. В частности, его монографию отличает слабая источниковая база — полное отсутствие архивных ссылок и статей современных историков ВМФ в списке использованной литературы.

Таким образом, в завершение анализа эволюции отечественной историографии союзнических поставок флоту СССР 1941—1945 гг. правомочным будет сделать следующие выводы. Прежде всего, необходимо помнить о том, что советско-российское историческое сообщество было вынуждено преодолеть долгий и тернистый путь за прошедшие со времени Победы семь десятилетий. Применительно к освещению ленд-лиза для СССР вообще и морской его составляющей в частности сфера научного поиска в нашей стране сужалась и росла в зависимости от воли политиков. Именно поэтому закономерный для советских реалий застой в исследовании рассматриваемой проблемы был частично компенсирован только с окончанием «холодной войны». Имевшиеся в течение долгого времени цензурные запреты не могли не оказать негативного влияния на состояние современной историографии вопросов снабжения союзниками ВМФ СССР периода мировой войны. Вот почему, в условиях отсутствия в российском обществе «социального заказа» на разработку сюжетов феномена морского ленд-лиза, тема все так же продолжает пребывать на стадии накопления информации. И если о некоторых способствующих пониманию смысла программы моментах (маршруты и особенности доставки грузов морского предназначения, влияние поставок на боеспособность конкретных соединений советских флотов) сейчас уже кое-что известно³³, то изучение других эпизодов истории трехстороннего взаимодействия фактически еще не начиналось. Среди них: международная организация системы снабжения нашего ВМФ и вклад советских должностных лиц и учреждений в ее работу; роль ленд-лиза в послевоенном развитии отечественных наукоемких технологий и военного

кораблестроения; влияние заграничных поставок вооружения и оборудования на теорию и практику военно-морского искусства СССР; эффективность обучения союзниками личного состава НК ВМФ и последующего применения краснофлотцами англо-американской аппаратуры и т.д. В том числе и поэтому не теряет своей актуальности задача создания фундаментального комплексного труда о военно-морском сотрудничестве Советского Союза, Великобритании и США с привлечением всех доступных на сегодняшний день источников.

Примечания

1. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. 1948, с. 74.
2. Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Северном морском театре. Вып. 1—8. М.-Л. 1945—1950.
3. АЧКАСОВ В.И., ПАВЛОВИЧ Н.Б. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М. 1973; БАГРОВ В.Н. Южно-сахалинская и Курильская операции (август 1945 года). М. 1959; БАСОВ А.В. Советский флот на защите социализма. М. 1985; Боевой путь советского военно-морского флота. М. 1964; ГОРШКОВ С.Г. Морская мощь государства. М. 1979; Действия Военно-морского флота в Великой Отечественной войне. М. 1956; ЗОЛОТОТРУБОВ А., ШНАЙДЕР Я. Сказание о последнем бое. М. 1965; МАКАРОВ А.Г. Моряки-тихоокеанцы в боях против японских империалистов в годы Великой Отечественной войны Советского Союза. Владивосток. 1958; ПИГАРЕВ Д.Т. На торпедных катерах. М. 1963; ПОНОМАРЁВ И. Подвиг североморцев. Мурманск. 1960; ВЛАДИМИРСКИЙ Л.А. Надводный флот в Великой Отечественной войне. — Судостроение. 1965, № 5, с. 7—8; ГОЛОВКО А.Г. Северный флот в разгроме немецко-фашистских войск в Заполярье. — Морской сборник. 1959, № 10, с. 25—37; ЗАМЧАЛОВ А.Н. Боевые действия торпедных катеров по нарушению морских перевозок противника. — Военно-исторический журнал. 1985, № 10, с. 31—36; ЗАХАРОВ С. Тихоокеанцы в разгроме империалистической Японии. — Морской сборник. 1975, № 9, с. 15—21.; КОЗЛОВ И. Защита Северным флотом внутренних коммуникаций в 1941—1945 гг. — Военно-исторический журнал. 1972, № 4, с. 18—24; КУЗНЕЦОВ Г. Боевые действия авиации Северного флота на морских сообщениях противника. — Там же. 1976, № 3, с. 39—46; ЛЬВОВ А. Некоторые вопросы использования торпедных катеров Северного флота в 1944 году. — Морской сборник. 1986, № 4, с. 16—19; ОРЛЕНКО И. Развитие тактики минно-торпедной авиации в Великой Отечественной войне (По опыту боевых действий ВВС БФ). — Там же, 1980, № 8, с. 13—18; ТОДОРОВ Р.М. Герои торпедных атак. — Судостроение. 1969, № 2, с. 55—56.
4. АБЛАМОНОВ П.Ф. Бессмертие. М. 1981; БАСОВ А.В. Флот в Великой Отечественной войне, 1941—1945. Опыт оперативно-стратегического применения. М. 1980; БОЙКО В.С. Крылья Северного флота. Мурманск. 1976; ВАЙНЕР Б.А. Северный флот в Великой Отечественной войне. М. 1964; ЗАМЧАЛОВ А.Н. История военно-морского искусства. Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Л. 1987; ИВАНОВ П.Н. Крылья над морем. М. 1973; История военно-морского искусства. М. 1969; КИСЛИЦИН Ю.А. Катера идут в атаку: Боевой путь Печенгской Краснознаменной ордена Ушакова 1 степени бригады торпедных катеров Северного флота в годы Великой Отечественной войны. Мурманск. 1983; ХАМЕТОВ М.И. В небе заполярья: о дважды Герое Советского Союза Б.Ф. Сафонове. М. 1983; БАГРОВ В. Действия флота в Дальневосточной кампании. — Морской сборник. 1975, № 9, с. 22—28; КОНОВАЛОВ В. Из опыта пополнения состава Северного флота в годы Великой Отечественной войны. — Военно-исторический журнал. 1978, № 8, с. 107—110; НИКИТИН Б.В. Из истории советского кораблестроения (торпедные катера). — Морской сборник. 1968, № 2, с. 53—56; ШЛОМИН В. Боевые действия Северного флота в 1943 г. Там же. 1973, № 6, с. 13—18.; ЕГО ЖЕ. Боевые действия Северного флота в 1944 году. — Там же. 1974, № 9, с. 8—13.
5. Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941—1945 гг. Ч.1. Военно-воздушные силы Северного флота в Великой Отечественной войне. М. 1963; ГЕЛЬФОНД Г.М. Советский флот в войне с Японией. М. 1958; ЗАХАРОВ С.Е., ЗАХАРОВ М.Н., БАГРОВ В.Н., КОТУХОВ М.П. Тихоокеанский флот. М. 1966; КОЗЛОВ И.А., ШЛОМИН В.С. Краснознаменный Северный флот. М. 1983; Краснознаменный Тихоокеанский флот. М. 1981; ЛАВРЕНТЬЕВ Н.М., ДЕМИДОВ Р.С., КУЧЕРЕНКО Л.А., ХРАМОВ Ю.В. Авиа-

- ция ВМФ в Великой Отечественной войне. М. 1983; НИКИТИН Б.В. Курсами доблести и славы: боевой путь торпедных катеров советского военно-морского флота. М. 1975; ПУЗЫРЁВ В.П. Беломорская флотилия в Великой Отечественной войне. М. 1981; ХОРЬКОВ Г.И. Советские надводные корабли в Великой Отечественной войне. М. 1981; ЩЕКотов Е.Я. Охотники за подводными лодками. М. 1960; ЩИПКО Л.М. Арктический фронт. М. 1974; БАГРОВ В. Героические десанты моряков-тихоокеанцев. — Морской сборник. 1985, № 9, с. 57—61; БАСОВ А. Действия против подводных лодок в Великой Отечественной войне. — Там же. 1971, № 11, с. 25—29; ЙОЛТУХОВСКИЙ В.М. Советские тралящие корабли. — Судостроение. 1983, № 5, с. 56—58; КАПРАЛОВ Ю. Конвой на Диксон. — Север. 1974, № 7, с. 93—103; НОГА Н. Беломорская флотилия на защите морских коммуникаций. — Военно-исторический журнал. 1973, № 3, с. 23—29.
6. ФОКЕЕВ К.Ф. Развитие средств радиоэлектроники в годы второй мировой войны и влияние их на использование подводных лодок. Петродворец. 1968; БАСОВ А. Из опыта применения противолодочных сил Северного флота. — Военно-исторический журнал. 1980, № 5, с. 43—48; ВОРОБЬЁВ В. Кораблестроение в годы войны. — Там же. 1977, № 12, с. 35—42; ЙОЛТУХОВСКИЙ В. Развитие неконтактных тралов накануне и в ходе Великой Отечественной войны. — Морской сборник. 1986, № 9, с. 70—72; НОГА Н. Противолодочная оборона Северного флота в Великой Отечественной войне. — Военно-исторический журнал. 1969, № 1, с. 18—28; ПОКРОВСКИЙ Р. Из истории отечественной радиолокации. — Военно-исторический журнал. 1976, № 1, с. 73—78; ТАРАСЮК Ю.Ф., МАРТЫНЮК В.Ф. Советский гидроакустик — 50 лет. — Судостроение. 1984, № 5, с. 66—67; ТЫНЯНКИН И., КРЯЧОК Ф., ШОШКОВ Е. Гидроакустика в годы Великой Отечественной войны. — Морской сборник. 1975, № 3, с. 82—85; ШОШКОВ Е.Н. Гидроакустическая техника в годы войны. — Судостроение. 1985, № 7, с. 54; ЕГО ЖЕ. Развитие отечественной гидроакустики (исторический очерк). — Морской сборник. 1974, № 12, с. 76—77.
  7. БУДАНОВ Ф.В., ДУБРОВИН Н.П. Тыл правого фланга. Мурманск. 1976; Тыл военно-морского флота. В кн.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М. 1977, с. 422—451; ШЛОМИН В.С. Тыловое обеспечение сил Военно-морского флота СССР в операциях Великой Отечественной войны. Л. 1970; СЛАВГОРОДСКИЙ А. Тыловое обеспечение боевых действий Северного флота. — Морской сборник. 1985, № 11, с. 18—22.
  8. Тыл военно-морского флота. В кн.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., с. 436; ШЛОМИН В.С. Тыловое обеспечение сил Военно-морского флота СССР в операциях Великой Отечественной войны, с. 35.
  9. ШЛОМИН В.С. Тыл военно-морского флота СССР в предвоенный период и в период Великой Отечественной войны. Л. 1968.
  10. ГОЛОВКО А.Г. Вместе с флотом. М. 1984; ИОССЕЛИАНИ Я.К. В битвах под водой. М. 1959; КУЗНЕЦОВ Н.Г. Курсом к победе. М. 1975; КУЗЬМИН А.В. В прибрежных водах. М. 1967; ЛЬВОВ М.Л. Пароль — Балтика. Калининград. 1985; МИНАКОВ В.И. Гневное небо Тавриды. М. 1985; ОРЛЕНКО И.Ф. Мы — «Таллинские». Таллинн. 1982; ПАНТЕЛЕЕВ Ю.А. Полвека на флоте. М. 1974; ПРЕСНЯКОВ А.В. Над волнами Балтики. М. 1979; ХАРЛАМОВ Н.М. Трудная миссия. М. 1983; ХОХЛОВ П.И. Над тремя морями. М. 1982; АЛЕКСЕЕВ В. Северный флот в освобождении советского Заполярья. — Морской сборник. 1969, № 10, с. 20—29; ДЕНИСОВ К. Скадовская авиационная группа. — Военно-исторический журнал. 1979, № 1, с. 51—55; ОРЛЕНКО И. Необычное задание. — Морской сборник. 1977, № 8, с. 73—74; ПЯТКОВ А. Торпедоносцы. — Там же. 1975, № 10, с. 53—56; САФИЕВ Н. После гибели «Бриллианта». — Вокруг света. 1975, № 5, с. 19—23.
  11. ПИСКАРЁВ Н. В начале 1944 года... — Военно-исторический журнал. 1976, № 10, с. 115; ЕГО ЖЕ. Неизведанными маршрутами. — Морской сборник. 1978, № 8, с. 69—71; СОРОКИН А.И., КРАСНОВ В.Н. Как принимался корабль по ленд-лизу. В кн.: Корабли проходят испытания. Л. 1985, с. 179—183.
  12. НИКИТИН Б.В. Катера пересекают океан. Л. 1980; ЕГО ЖЕ. Советские военные моряки в США во время войны. — США. Экономика, политика, идеология. 1975, № 4, с. 49—59; ПОЛЯКОВ Г.Г. В суровом Баренцевом. Мурманск. 1978.
  13. Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: Военно-исторический очерк. М. 1959—1962.
  14. ДЕНИСОВ К.Д. Под нами — Черное море. М. 1989; БОЖЕНКО П. Фрегаты для нашего флота. — Красная Звезда. 18.VII.1991; ВИНОГРАДОВ Л. Под флагом союзника. — Морской

- сборник. 1990. № 10, с. 77—79; ВЛАСОВ А. «Америка России подарила пароход». — Боевая вахта. 23.IX.1992; ЕРЕМЕЕВ С. Вокруг света. — На страже Заполярья. 15.XI.1991; ЖИГАЛОВ В. Мужество. — Там же. 29.III.1990; КОМБАРОВ И. Катера пересекают Атлантику. — На страже Заполярья. 20.XII.1990; КРАСНОВ В. За кораблями по ленд-лизу. — Красная Звезда. 14.VIII.1991; КРИВЕНКО А. «Милвоки» меняет название. — На страже Заполярья. 22.VIII.1991; СТЕПАНОВ Ю. Кругосветка Николая Шамина. — На страже Заполярья. 11.IV.1991; ЧИБИ-СОВ М. В небе через Атлантику. — Морской сборник. 1988, № 2, с. 60—61; ЯКОВЛЕВ Л. Спецназ на «каталинах». — Крылья Родины. 1992, № 9, с. 15—16.
15. ПЛАТОНОВ В.И. Записки адмирала. М. 1991; Тыл Военно-морского Флота в Великой Отечественной войне. В кн.: Тыл флота. История развития. М. 1992, с. 236—298; Экипаж до конца выполнил свой долг перед Родиной. В кн.: Инженеры-механики флота в Великой Отечественной войне. Сборник боевых эпизодов. Вып.1. Л. 1990, с. 220—222; БЫКОВ В. Катера идут в атаку. — Морской сборник. 1988, № 5, с. 64—66; ВАРТАНОВ В., ШЕВЧЕНКО В. Военно-морской флот в войне с Японией. — Там же, 1990, № 9, с. 13—18; ЙОЛТУХОВСКИЙ В.М. Ремонт и модернизация тральщиков в годы войны. — Судостроение. 1988, № 2, с. 57—59; МИХАЙЛИН В. На галсах мужества. — Морской сборник. 1988, № 10, с. 76—79; ТОРБА В. Послевоенное боевое траление на Тихоокеанском флоте. — Там же. 1989, № 9, с. 21—23.
16. Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1943. М. 1993; Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1944. М. 2006; БУРКОВ Г.Д. Война в Арктике. К 70-летию начала Великой Отечественной войны. СПб. 2011; ГУДКОВ Б.Д. Северный морской фронт страны. Очерки о боевых действиях в Арктике в годы Великой Отечественной войны. М. 2015; КОРЯКИН В.С. Война в Арктике. 1941—1945. М. 2013; ЛИВЕНЦЕВ Д.В. Советские военно-морские и речные силы в дальневосточной внешней политике (1917—1945 гг.). Воронеж. 2013; ПЛАТОНОВ А.В. Борьба на арктических коммуникациях 1941—1945. СПб. 2012; ШИРОКОРАД А.Б. Дальневосточный финал. М. 2005; ПЛАТОНОВ А.В. Советские торпедные катера в борьбе с морскими перевозками противника. — Гангут. 2008, № 47, с. 82—96; ЩЕДРОЛОСЕВ В.В. Карская военно-морская база. — Тайфун. 2001, № 3, с. 10—16, № 5, с. 13—22.
17. АПАЛЬКОВ Ю.В. Катера отечественного военного флота. Аналитический обзор истории создания и боевого использования. СПб. 2013; АРТЕМЬЕВ А.М. Морская авиация Отечества. М. 2011; ГЕРАСИМОВ В.Л. Военно-Воздушные Силы Военно-Морского Флота накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1938—1945. М. 2010; ГРИБОВСКИЙ В.Ю., НАРУСБАЕВ А.А., ЧЕРНИКОВ И.И. История отечественного судостроения. Т. 4. Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны 1925—1945 гг. СПб. 1996; ЙОЛТУХОВСКИЙ В.М., ОСОКИН Н.В. Противоминная оборона Северного флота (1941—1945 гг.) СПб. 2008; КОРШУНОВ Ю.Л., СТРОКОВ А.А. Противолодочное оружие. СПб. 1997; МОРОЗОВ М.Э., КУЛАГИН К.Л. Советский подводный флот 1922—1945 гг.: о подводных лодках и подводниках. М. 2006; МОРОЗОВ М.Э. Торпедоносцы в бою. «Смертники» Великой Отечественной. М. 2012; ПЛАТОНОВ А.В. Противовоздушная оборона сил флота 1941—1945. СПб. 2010; Радиолокационное вооружение военно-морского флота России. М. 2004; Флагман корабельной радиолокации. М. 2012; АРТЕМЬЕВ А., КОТЕЛЬНИКОВ В. Минно-торпедная авиация особого рода. — Авиация и космонавтика. 1996, № 4, с. 2—39.; ЙОЛТУХОВСКИЙ В.М., ОСОКИН Н.В. Тральщики Северного флота в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). — Судостроение. 2007, № 6, с. 37—40.
18. ЗИМОНИН В.П., ЗОЛОТАРЁВ В.А., КОЗЛОВ И.А., ШЛОМИН В.С. История флота государства Российского. Т. 2. М. 1996; ЗОЛОТАРЁВ В.А. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза. Кн. 1. М.-СПб. 2004; ПЛАТОНОВ А.В., АПРЕЛЕВ С.В., СИНЯЕВ Д.Н. Советские боевые корабли 1941—1945 гг. Кн. 4. Вооружение. СПб. 1997; ПЛАТОНОВ А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей. 1941—1945. СПб. 2002.
19. АРТЕМЬЕВ А., КРАСНОВ В. О ленд-лизских поставках флоту. — Морской сборник. 1992, № 5—6 (1746—1747), с. 11—16.; КОМАРКОВ А.Ю. Военно-морской ленд-лиз для СССР в годы Великой Отечественной войны. — Российская история. 2015, № 4. с. 123—136; КОМАРОВ М. Поставки по ленд-лизу для ВМФ. — Морской сборник. 2002, № 3, с. 76—80; КРАСНОВ В.Н. Ленд-лиз и развитие советского флота. — Вопросы истории естествознания и техники. 1993, № 1, с. 69—85; ЕГО ЖЕ. Ленд-лиз для ВМФ СССР. — Независимое военное обозрение. 2000, № 27, с. 5; ЛАРИНЦЕВ Р.И. Ленд-лиз для ВМФ СССР — помощь на завтра. В кн.: Флот и Победа: общероссийские общественно-научные чтения, 19—20 мая

- 2004 года. Архангельск. 2004, с. 91—100; ЛЕВАШКО В.О. «Ваша победа — это наша заслуга». — Военно-промышленный курьер. 6—12.IV.2011, № 13 (379), с. 10.
20. ЩЕДРОЛОСЕВ В.В. Эскадренный миноносец «Деятельный». СПб. 2001; ВАСИЛЬЕВ А.М. Линейный корабль «Архангельск». — Гангут. 2001, № 27, с. 48—65; ВАСИЛЬЕВ Д.М. Эскадренные миноносцы типа «Жаркий». — Судостроение. 1993, № 8—9, с. 53—58; ЙОЛТУХОВСКИЙ В.М. Тральщики американской постройки в составе Северного флота. — Там же. 1997, № 5, с. 89—94; КОМАРКОВ А.Ю. Корабельный ленд-лиз для СССР в годы Великой Отечественной войны. — Общество. Среда. Развитие. 2012, № 4, с. 59—63; КУЛАГИН К.Л., МОРОЗОВ М.Э. «Урсула» и другие. Подводные лодки британской постройки в составе Северного флота. — Морская коллекция. 2008, № 12; ЛАРИНЦЕВ Р.И. Использование противоминных кораблей, полученных по ленд-лизу. В кн.: Ленд-лиз и Россия: материалы международной конференции по проблемам ленд-лиза. Архангельск. 2006, с. 228—243; ТИТУШКИН С.И. Легкий крейсер «Мурманск» («Milwaukee»). — Тайфун. 1998, № 1, с. 2—7; УСОВ В.Ю. Линейный корабль «Архангельск». — Судостроение. 1995, № 2—3. с. 72—76.
  21. БАРОНЕНКО А.А. Опыт применения радиоэлектронного вооружения ВМФ в годы Второй мировой войны и его влияние на послевоенное развитие военно-морского искусства. В кн.: Опыт применения советского Военно-морского флота во Второй мировой войне и его значение в современных условиях. СПб. 1997, с. 161—171; ЗАБЛОТСКИЙ А., ЛАРИНЦЕВ Р. Использование РЛС, поставленных по ленд-лизу, советским Военно-морским флотом. — Наука и техника. 2014, № 10, с. 26—29; ИХ ЖЕ. Использование советскими противолодочными силами импортной гидроакустики. В кн.: Защитники Отечества: материалы XIX региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск. 2006, с. 127—133; ЛАРИНЦЕВ Р. «Браунинги», «Кольты», «Эрликоны»... В кн.: Защитники отечества: материалы XXIII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск. 2008. с. 426—440.; МОРОЗОВ М.Э. Противолодочное оружие ленд-лиза. — Полигон. 2002, № 1. с. 38—40, № 2, с. 48—51, № 3, с. 38—40; ПЛАТОНОВ А.В. Гидроакустические средства советского ВМФ в годы Великой Отечественной войны. — Судостроение. 2012, № 3, с. 38—41; ЕГО ЖЕ. Радиоэлектронное вооружение советских кораблей в годы Великой Отечественной войны. — Судостроение. 2012, № 1, с. 30—32.
  22. ВЕРБОВОЙ О., ЛЕВАШКО В. Совершенствование противолодочной обороны на внутренних морских коммуникациях Северного флота в годы Великой Отечественной войны. — Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013, т. 4, с. 111—119; ЛАРИНЦЕВ Р. Вклад союзников в борьбу с минной опасностью на Севере. В кн.: Защитники Отечества: материалы XI обл. общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск. 2002, с. 39—45; ЕГО ЖЕ. Развитие сил и средств противолодочной обороны Северного флота в 1941—1945 гг. В кн.: Защитники Отечества: материалы XV региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск. 2004, с. 16—25; МОРОЗОВ М. Противолодочное оружие ленд-лиза. — Морская война: люди, корабли, события. 2009, № 3, с. 34—55.
  23. ИВАНОВ С.В. Советские асы на истребителях ленд-лиза. — Война в воздухе. 2005, № 148; ЕГО ЖЕ. Hawker Hurricane. — Там же. 2001, № 74; КОТЕЛЬНИКОВ В.Р. Авиационный ленд-лиз. М. 2015; ЕГО ЖЕ. Главный театр боевых действий. В кн.: «Аэрокобра». Американский истребитель для сталинских соколов. М. 2009, с. 86—95; КОТЕЛЬНИКОВ В.Р., ПЕТРОВ Г.Ф., СОБОЛЕВ Д.А., ЯКУБОВИЧ Н.В. «Американцы» в России. М. 1999; КОТЕЛЬНИКОВ В.Р. «Спитфайры» с красными звездами. В кн.: «Спитфайр». Лучший истребитель союзников. М. 2010, с. 103—113; ЕГО ЖЕ. «Ураганный истребитель». «Харрикейны» в бою. М. 2012; РОМАНЕНКО В. Истребители P-40 в советской авиации. — Авиация и время. 2006, № 3, с. 40—44.
  24. БОГАТЫРЁВ С., ОВЧАРЕНКО А. Черноморский разведчик-ас. — Авиация и время. 2003, № 4, с. 32—33; ЗАБЛОТСКИЙ А.Н., ЛАРИНЦЕВ Р.И. «Киттихауки» против кригсмарине. Действия советских истребителей-бомбардировщиков над Баренцевым морем в 1944 году. В кн.: Советские ВВС против кригсмарине. М. 2010, с. 98—111; ИВАНОВ С.В. A-20 Boston/Navos. — Война в воздухе. 2001, № 92, с. 64—68; КОТЕЛЬНИКОВ В.Р. Над морем. В кн.: Краснозвездные «американцы» Сталина. A-20 «Бостон» штурмовики, бомбардировщики, торпедоносцы, истребители. М. 2010, с. 102—109; ЕГО ЖЕ. «Бостоны» над морем. — Крылья родины. 1993, № 5, с. 22—26.
  25. КОТЕЛЬНИКОВ В.Р. В составе советских ВВС. В кн.: Летающая лодка Консолидэйтед «каталина». СПб. 1995, с. 26—32; ЕГО ЖЕ. Бомбардировщик Хэндли-Пэйдж «Хэмпден». — Авиация

- коллекция. 2007, № 10, с. 25—28; ЗЕЛЕНКОВ В. Близкое знакомство. — Крылья Родины. 1992, № 9, с. 16—17, № 10, с. 26—31; ИВАННИКОВ С. Хроника «летающего чемодана». — Крылья родины. 1995, № 10, с. 16—20, № 11, с. 22—24, № 12, с. 17—19.
26. КРАСНОВ В.Н., КРАСНОВ И.В. Как принимали советские моряки корабль по ленд-лизу. В кн.: Ленд-лиз для СССР, 1941—1945. М. 2008, с. 136—141; АГЕЕВ П. Гибель эсминца «Деятельный». — Гангут. 2014, № 84, с. 109—120; БРИЦЫН С. Моя жизнь и война. В кн.: Полярный конвой. Воспоминания участников. СПб. 2005, с. 27—31; ДЕ-НЕЖКИН А. Мой родной «амик». В кн.: Конвои: исследования, воспоминания, библиография, документы. Архангельск. 1995, с. 109—117; ДЖАГАРЬЯНЦ К. Вояж за линкором. — Гангут. 2014, № 82, с. 101—121, № 83, с. 111—128, № 84, с. 101—108; 2015, № 85, с. 101—110.
  27. РУБИНА Е.М., ТЕЛЯТНИКОВА Э.М. Через материки и океаны. Жизненный и боевой путь генерал-майора морской авиации Максима Николаевича Чибисова. М. 2011.
  28. ВЕПРИКОВ Г.Н., ЗАРАЙСКИЙ Н.А. Кругосветка под небом войны: Морская Повесть Калининград. 1993; ГУЗАНОВ В.Г. За кораблями — в Америку: документальная повесть. М. 2004.; За тральщиками — в Америку. — Волна. 5.V.1995.
  29. КУЛИНЧЕНКО В. Охота на «Архангельск». — Морской флот. 2005, № 3, с. 66—67; ТОЛСТОЛУЦКИЙ Г. Эскадра поднимает флаги. — Морской сборник. 1994, № 8, с. 24—26; ФОКИН В.А. Прием кораблей от английского флота и их переход в Советский Союз. — Морской сборник. 2000, № 5, с. 68—77.
  30. БУРГЕНЕР Р.Д. Как сражались «Каталины». — Эхо планеты. 1995, № 32, с. 34—36; ГОРБУНОВА Л. 50 лет под грифом «секретно». — Красноярская версия. 27.XI.2012, № 259.
  31. АКУЛОВ А.А. Колд-Бей, Аляска, 1945 год. — США. Канада. Экономика, политика, культура. 2002, № 6, с. 95—101; КОРШУНОВ Ю.Л. Восточный ленд-лиз. В кн.: Россия и США. Страницы морской истории. М. 2008, с. 183—194; РАССЕЛ Р. Колд-Бей, Аляска. 1945 г. Секретное сотрудничество ВМФ СССР и ВМС США во время войны на Тихом океане. В кн.: Морской сборник. 1995, № 9, с. 72—76; СМИРНОВ И. От берегов Аляски на войну с Японией. — Морская газета. 3.X.2003.
  32. КОМАРОВ М.П. Ленд-лиз для Военно-морского флота СССР. СПб. 2014.
  33. ЕГО ЖЕ. Поставки морского вооружения в СССР в годы Великой Отечественной войны Персидским коридором. — Военно-исторический журнал. 2014, № 4, с. 28—32; ЛАРИНЦЕВ Р.И. Изменения состава вооружения кораблей Беломорской военной флотилии в годы Великой Отечественной войны. — Защитники Отечества: материалы XXI региональных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск. 2007, с. 278—284; ЕГО ЖЕ. Ленд-лизовские поставки на Северный флот и их эффективность. — Война в Арктике (1939—1945 гг.). Архангельск. 2001, с. 263—270; ПЛАТОНОВ А.В. Как Северный флот пополнился линкором. — Гангут. 2008, № 50, с. 87—99; СТРЕЛЬБИЦКИЙ К. Советские моряки и озеро Лох-Несс. — Морской сборник. 2009, № 2, с. 73—82.

В.И. ГОЛДИН. *Генералов похищали в Париже. Русское военное зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века.* М. ФИВ. 2016. 856 с.

Новая книга известного историографа Гражданской войны в России, историка Белого движения и отечественных спецслужб доктора исторических наук, профессора Северного (Арктического) федерального университета Владислава Ивановича Голдина посвящена исследованию операций ОГПУ по противодействию эмигрантским организациям, ставившим своей целью свержение большевистской власти в России. Эта тема, породившая, как в про-

шлом, так и в последние годы, множество псевдоисторических спекуляций, настоятельно требовала тщательного и достоверно документированного анализа, который отечественная историческая наука получила в фундаментальном труде В.И. Голдина.

В центре работы — две операции советского ОГПУ в 1930-х гг.: убийство руководителя Российского Обще-Воинского Союза (РОВС) генерала А.П. Кутепова и похищение

его преемника генерала Е.К. Миллера. Отталкиваясь от этих основных операций ОГПУ и НКВД, направленных на устранение руководителей военных эмигрантских организаций, автор книги раскрывает сложнейшую картину противоборства российской военной эмиграции и советских спецслужб в Европе и Азии.

Можно отметить, что похищение генерала Кутепова вызвало широкий резонанс в российских эмигрантских кругах и западном мире. Вокруг этой операции развернулась пропагандистская кампания, в ходе которой возникали самые нелепые домыслы, фальсификации и идеологические построения. Чтобы разобраться в этой мешанине слухов, взаимных обвинений, подозрений и нападок, требовалось изучить практически необъятный массив документов, советской, эмигрантской и западной прессы и личных архивов. К сожалению, воспоминания современников и исследования историков так и не смогли помочь составить ясную картину взаимного противоборства советских спецслужб и российских эмигрантских организаций. В результате операция по похищению генерала Кутепова превратилась в бесконечный исторический детектив с элементами фарса.

Голдин провел уникальную по своему масштабу работу, в ходе которой ему пришлось отделять факты, имеющие документальное подтверждение, от откровенной лжи, ошибочных и основанных на слухах мнений, а также от намеренно вводимой дезинформации — методе, часто применявшемся обеими сторонами в ходе своей борьбы с противником. Автором были изучены биографии как деятелей РОВС и агентов, обеспечивавших связь антибольшевистской эмиграции с противниками советской власти, так и сотрудников и агентов специальных, разведывательных и контрразведывательных служб СССР. Кроме того, показаны взаимоотношения деятелей русского Зарубежья, часто не сходящихся в методах и даже целях борьбы с большевизмом. Поскольку и члены семей, и родственники участников событий оставили многочисленные мемуары, воспоминания, интервью, Голдин смог выявить биографические данные, политические и идейные симпатии главных действующих лиц своего исследования.

Рассмотрение идейных противоречий российской эмиграции составляет важный аспект работы автора, который позволяет ему сделать ряд точных наблюдений, приводящих к определению искренности и достоверности высказываний ряда лиц по поводу тех или иных событий. То, как возникали мифы о работе советских спецслужб за рубежом, часто зависело от мнения мало информированных, но влиятельных фигур эмиграции, а также от недопонимания зарубежными журналистами целей и методов работы как советских органов, так и эмигрантских российских организаций.

Научная объективность и полнота источникового материала позволяют автору отойти от всякого идеологического влияния, что является, на наш взгляд, одним из главных достоинств исследования. Не столько техника оперативной и агентурной работы, методы вербовки, перевербовки, тактического и стратегического обмана и сокрытия фактов, изучению которых в книге уделено также немало места, сколько борьба двух видений мира, общества, человечества, двух миров со своими идеалами и границами возможного и невозможного, видны читателю в книге. Именно эту борьбу оттеняют факты личной жизни участников событий, правда и ложь в их публичных и частных выступлениях, верность и предательство по отношению к соратникам и близким. Непонимание как раз этого, духовного, аспекта российской «гражданской борьбы» показательны для западной прессы.

Российскую эмиграцию часто упрекают в непоследовательности, слабости, спорах о несущественном в ущерб основной цели. Все это так, но мало кому удавалось в отечественной и зарубежной историографии понять и показать причины этих коренных недостатков антибольшевистского движения российского Зарубежья. В книге Голдина, возможно, нет прямого ответа на эти вопросы, однако проделанная автором масштабная и кропотливая работа по выяснению всех деталей «дела Кутепова» и «дела Миллера» приводит к тому, что читатель начинает довольно ясно чувствовать сложность тех вопросов, которые стояли перед участниками событий, тот решающий выбор, который им предстояло делать не единожды в жизни, а, практически, ежедневно. На

этом, в частности, и играли агенты ОГПУ-НКВД, которые, в свою очередь, решали для себя вопросы «жизни и смерти», «долга и чести», «правды и лжи».

Биографии руководителей и агентов советских спецслужб, исследование которых составляет значительный пласт книги Голдина, производят, пожалуй, самое сильное впечатление. Привычному для современной отечественной историографии представлению о «чеккистах» 1930-х гг., как об идейных садистах, автор противопоставляет объективную картину профессионального становления как руководства, так и агентуры советской внешней разведки и контрразведки. Мы видим борьбу множества идеологий, влияний на умы и чувства конкретных людей, игру на слабостях и угрозы, обман и подлог с целью переменить если не мировоззрение, то хотя бы поведение субъекта. Множество примеров таких «технических» приемов, как со стороны советской агентуры, так и эмигрантских и зарубежных спецслужб в книге Голдина сливаются в единую картину взаимозависимости спецслужб обеих сторон, некоего общего сокрытия и поиска истины и ее реализации. И лишь незначительные отличия в технике определяют ту или иную сторону. Отличия заключены не в том, как и почему те или другие спецслужбы замыслили и совершали определенные действия. За всем этим видится противостояние не идеологий, а жизненных миров, межличностных систем общения, труда, семьи, быта. Руководители, агенты, контрагенты вынужденны были вести борьбу по

схожим правилам, несмотря на то, что не принимали убеждений своих противников.

Уходящий аристократический «абстрактный гуманизм» и новый пролетарский рационализм не сразу сформировались, один — в эмиграции, другой — в СССР, и развернули непримиримую борьбу друг с другом. Они формировались по мере того, как борьба уже шла, подчиняясь неумолимой логике многолетней борьбы за власть в России. Партийность и верность партии победившего пролетариата противопоставлялись партийности и верности принятой ранее присяге, но эти понятия чести были формами личного участия в борьбе за власть. «Тресты» и «синдикаты» эмигрантов и советских спецслужб отражаются в книге Голдина, как в зеркале, и это дает читателю сложную, калейдоскопическую картину одной из самых неоднозначных страниц истории нашей страны и нашего народа.

Рецензируемая монография продолжает и, вероятно, логично завершает серию из почти десяти книг автора по истории российской военной эмиграции, русского военного Зарубежья и его сопротивления с советскими спецслужбами.

Своей задачей при написании исследования В.И. Голдин считает «...преодоление былого раскола и воссоздание единства России, национальной и зарубежной, объединение вокруг нашей страны сегодня Русского мира за ее пределами», и в рецензируемой книге ему удалось донести эту идею до читателя.

В.В. МИХАЙЛОВ

Х. ИММОНЕН. *Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873—1952).* СПб. Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2015. 486 с.; А.И. АВРУС, А.А. ГОЛОСЕЕВА, А.П. НОВИКОВ. *Виктор Чернов: судьба русского социалиста.* М. Ключ-С. 2015. 368 с.

Имя Виктора Михайловича Чернова хорошо известно не только профессиональным исследователям партии социалистов-революционеров, но и всем интересующимся историей русской революции. Крупный политический деятель, один из основателей и лидеров партии эсеров, ее главный теоретик, аграрный ми-

нистр Временного правительства, Председатель Учредительного собрания, принципиальный противник самодержавия и большевизма, закончивший свои дни в эмиграции. В 2015 г. были опубликованы сразу две его политические биографии — «Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873—1952)» финского историка

Ханну Иммонена и «Виктор Чернов: судьба русского социалиста» российских авторов А.И. Авруса, А.А. Голосеевой, А.П. Новикова. Это не первые работы, освещающие политическую деятельность одного из лидеров партии эсеров, поэтому перед исследователями стояла сложная задача представить на читательский суд что-то новое, неординарное, этапное. Тем более, что достижениями читающей общественности уже стали биографии А.Ф. Керенского, Ю.О. Мартова, С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, А.И. Гучкова, не говоря уже о многочисленных трудах, посвященных В.И. Ленину.

Когда-то И.М. Майский писал о Чернове: «Немножко Канта, немножко Маркса, немножко Михайловского и Лаврова, немножко социализма, немножко отсебятины — такова программа Виктора Чернова и всей партии эсеров»¹. Такая оценка долго господствовала в советской историографии. Прошло время, суждения стали более взвешенными, выводы аргументированными. Сегодня, при написании политического портрета, уже недостаточно показать пристрастия, убеждения, позицию политика, необходимо раскрыть его как личность, как человека, со всеми его достоинствами и недостатками. Не случайно, биографические работы относятся к одному из самых трудоемких жанров.

Обе рецензируемые книги посвящены одному персонажу, его личной и политической жизни, и на первый взгляд трудно оценить, какая работа полнее освещает различные аспекты деятельности Чернова. Скорее они дополняют друг друга. Кроме того, изложен материал по-разному. Складывается впечатление, что авторы обоих изданий не знали о существовании параллельного исследования, претендуя на оригинальность и завершенность политического портрета.

Тем не менее, в обеих книгах Чернов представлен, сначала как человек, а затем, как русский революционер, теоретик, философ, социолог. В то же время, источниковая база исследований несколько разнится. Иммонен использует эпистолярное наследие Чернова, огромный массив западных и российских исследований — О. Радки, М. Хильдермейера, М. Меланкона, М. Перрье, М.И. Леонова, К.Н. Морозова, Р.А. Городницкого, К.В. Гусева, О.В. Коноваловой, давая им оценки, а также рабо-

ты А.И. Авруса и А.П. Новикова и фонды Гуверовского института войны, мира и революции (США), Бахметьевского архива (США), Международного института социальной истории (Нидерланды).

Монография «Виктор Чернов: судьба русского социалиста» в большей степени опирается на архивные материалы: фонды Государственного архива Саратовской области, Государственного архива Тамбовской области, Российского государственного исторического архива, РГАСПИ, Центрального исторического архива Москвы, Российского государственного архива литературы и искусства, а также ряда зарубежных коллекций и фондов. Безусловно, авторами также изучен и широко используется комплекс литературного наследия самого Чернова, в том числе и переводные его публикации. Не последнюю роль в формировании источниковой базы сыграло личное знакомство авторов с потомками Чернова и использование семейной переписки.

Обе книги объединяет антропологический подход: Чернов — прежде всего человек, личность, а уж затем — политик. Не каждая биография, например, содержит фрагменты медицинской истории своего персонажа. Конечно, этих подробностей можно было бы избежать, но тогда перед читателем предстал бы односторонний образ политического борца, лишённого человеческого содержания. Работы уточняют, дополняют, корректируют наши представления о первых шагах молодого человека, ставшего на путь революционной борьбы. Внимание историков привлекли такие вопросы как его происхождение, образование, первые контакты с поднадзорными лицами, возникновение крестьянских братств, «еврейский вопрос». В книгах проанализирована программа социально-экономических преобразований, которую разработал Чернов. В итоге он предстает как теоретик, выдвинувший альтернативную П.А. Столыпину аграрную реформу социализации земли.

Внимание исследователей было обращено на проблемы вынужденной эмиграции, роль Чернова при разоблачении Азефа, возвращение в революционную Россию под охраной британских кораблей в 1917 году. Этот любопытный факт отчасти подтверждает размышления немецкого писателя Эдвина Э. Двингера

о том, что «новое правительство полностью зависит от Антанты. Иногда даже создается впечатление, будто революция произошла исключительно по их наущению. Не царское правительство желало продолжать войну, напротив, оно оказалось истощено войной и в результате именно этого свергнуто»². В то же время, отмечают авторы, для Чернова было неприемлемо возвратиться в Россию через территорию Германии, как это сделали Ленин и М.А. Натансон.

Естественно, в книгах рассматриваются вопросы вхождения Чернова во Временное правительство, подготовка аграрной реформы, отношение к большевистской революции. Можно было бы показать роль и место Чернова во время корниловского выступления, но этому эпизоду в изданиях уделено недостаточно внимания. Тем не менее, как представляется, историкам удалось создать образ политика, который часто оказывался не в нужном месте и не в нужное время. Так, во время большевистской революции Чернов был в Москве, а затем убыл в Минск, вместо того, чтобы находиться в Петрограде. Слово не понимая реалий политической борьбы, он противопоставил матросам и солдатам столичного гарнизона, давно радикализировавшегося, элементарную демагогию, которая уже никого не удовлетворяла.

Исследователи не обошли стороной концепцию «третьей силы», разработанную Черновым и направленную против и большевиков и белогвардейцев, а также попытку оказать поддержку кронштадтским матросам в 1921 году. Лозунг последних «За Советы без коммунистов!» вполне соответствовал эсеровской концепции демократической эволюции государственного устройства. Сраживание вооруженного выступления в Кронштадте с лозунгами оппозиционной партии побудило Ленина начать судебный процесс над социалистами-революционерами.

Последующие события, связанные с очередной вынужденной эмиграцией в Эстонию, а затем в Германию, Чехию, Францию и США, поездка в Палестину, также получили должное освещение на страницах книг. Историки довели свои исследования до кончины Чернова в 1952 г., подробно проанализировав его эмигрантскую деятельность до, во время и

после второй мировой войны. В центре их внимания оказались теоретические проблемы социализма, национализма, сионизма, волновавшие Чернова в последние годы жизни. В частности, особое внимание исследователей привлекли взгляды Чернова на российско-польские отношения с глубокой древности до 1940-х годов. По его мнению, они могли бы быть гораздо лучше, если бы политики не разыгрывали националистическую карту. Не менее важной для Чернова, и авторы об этом недвусмысленно указывают, была тема строительства аграрных еврейских поселений в Палестине, по сути дела — воплощение эсеровской программы социализации. То, что планировалось в России, было реализовано в Израиле.

Явные симпатии, проявляемые историками к своему герою, не помешали им оптимально сбалансировать позитивные и негативные личные черты, например, в вопросах его неоднократных браков и разводов. Отрадно, что данный подход Аврус, Голосеева, Новиков и Иммонен применили не только в оценке частных вопросов, но и партийно-политической и государственной деятельности. Тщательный анализ деятельности Чернова сопровождается замечательным обзором источников и литературы (отечественной и зарубежной), подготовленный Иммоненым (с. 365—382). В свою очередь российский коллектив сопроводил свою работу параграфом, освещающим судьбу потомков Чернова, ушедших и ныне живущих (с. 288—310).

Серьезные научные исследования, а к ним следует отнести обе рецензируемые работы, позволяют утверждать, что авторам удалось создать полноценную картину, отражающую основные этапы биографии Чернова и его мировоззренческой политики во всем временном многообразии. В ее основе — достоинство человека, в какой бы ситуации он не оказался.

А.А. КОНОНЕНКО

Примечания

1. МАЙСКИЙ И.М. Демократическая контрреволюция. М. 1923, с. 113.
2. ДВИНГЕР Э.Э. Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915—1918 гг. М. 2004, с. 249.

Contents

Articles: **A.V. Zorin.** Official visit of President E. Beneš in the United States in 1943. **Publications:** **I.E. Magadeev.** USSR in the estimates of the British military mission in Moscow (summer-autumn 1945). **Contributions:** **E.S. Polunin, V.V. Teplukhin.** German secret flight school and testing center in Lipetsk in 1925-1933; **N.I. Gorskaya.** The parish courts of the late XIX — early XX centuries (on materials of the Sychevsky district of Smolensk province); **A.S. Ischenko.** The Byzantine heritage of Vladimir Monomakh; **A.G. Kondratyev.** Capulary in France in the 1930s — 1940s. **History and fate:** **V.S. Izmozik.** I. F. Manasevich-Manuilov: the end of biography; **R.Yu. Pochekaev.** Sultan Sadiq in the struggle of the Central Asian khanates against the Russian Empire. **People. Events. Facts:** **A.V. Rychkov.** The case of political protest in the Siberian research Institute in 1957; **V.A. Maratkanov.** Forse of the arms specialists; **I.M. Suponitskaya.** Traitors and victims in the era of McCarthyism. **From history of religions:** **O.V. Tereshina.** Exarchate of the Russian Orthodox Church in the United States during the second world war. **Historiography:** **A.Yu. Komarkov.** Lend-lease and allied supplies for the Soviet Navy 1941—1945 in Soviet and Russian historiography. **Reviews on books:** **V.I. Goldin.** Generals kidnapped in Paris. Russian military abroad and the Soviet secret service in the 30-ies of XX century (by V.V. Michailov); **H. Immonen.** Dreaming new Russia. Viktor Chernov, 1873—1952; **A.I. Avrus, A.A. Goloseeva, A.P. Novikov.** Viktor Chernov: Sudjba Russian socialist (by A.A. Kononenko).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 5, 2017

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.04.2017. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1100. Заказ 312-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Редакция журнала «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2017 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**